

Смена

ноябрь 87

Патриоты
нашего времени.
Комсомолец
Николай Серов,
рабочий
Асхат Галимзянов

Завод и детдом.
Письма, идеи

Совесть и деньги

Человек.
Безграничность
возможностей

Белла
Ахмадулина.
Новые стихи

Силуэты.
Константин
Батюшков

Братья
Стругацкие.
Повесть-сказка

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
ЛЬВА ТОЛСТОГО —
ЗА ЗАСЛУГИ
ПЕРЕД ДЕТСТВОМ

ПАТРИОТЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ • К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

«Смена» открывает новую рубрику — «Патриоты нашего времени». Спрашивается: а что, разве слово «патриот» — не вневременное понятие? Не будем спорить — патриот всегда, в любые времена патриот. Человек, которому любо свое родное Отечество. Человек, которому небезразлично все, что происходит на родной земле. Тот, кто кровь и жизнь свою готов отдать за Родину. И все же что значит быть патриотом в наши дни? В дни обновления общества? В дни, которые мы называем революционными, ведь нынешняя мирная битва происходит не между «своими» и «чужими», и часто линия фронта пересекает душу одной личности. Такого еще не было. И каждый ищет себя, свое место в новой жизни.

Так вот о патриотизме наших дней. Человек, отдающий жизнь за интересы соседнего народа. И другой человек,

в абсолютно мирных обстоятельствах утверждающий своими делами бескорыстие и высшую человеческую нравственность. Давайте оглянемся вокруг — и проведем красную черту между теми, кто делает дело, негромкое или очень значительное, и теми, кто болтает. В одном, далеко не новом фильме главный герой выстрадал такое: «Говорите мало». Делатель сегодня очень нужен стране. Человек созидающий, утверждающий и есть патриот наших дней, и такого свойства патриотизм — лучший способ приумножить патриотические традиции великого прошлого нашего Отечества. Новую рубрику мы посвящаем 70-летию Октября, и это тоже понятно. Революционные традиции — это не разговоры, а поступки. Дело во имя обновления — это и есть верность революции.

Николай Серов:

ОСТАВЛЯЮ ВАМ РОДИНУ...

ИЗ ДНЕВНИКА КОМСОМОЛЬЦА-ГЕРОЯ

«...Хочу, чтобы мои дети, Павлик и Танюша, знали: я не смогу оставить им ни денег, ни другого добра. Чего нет, того нет! Но я им оставлю Родину. Мечту, за которую надо бороться. Думаю, и они, и жена Гаяля, любимая, единственная, поймут, что пройденный нами путь чего-то стоит. Да и не было иной дороги для их отца и мужа — рядового революционера...»

Николай Серов писал эти строки уже слабеющей рукой. Ему незачем было лукавить: слишком мало времени оставалось у него до роковой черты. Он знал свой срок. Внезапная болезнь побеждала, однако сердце и душа не сдавались.

Глухую южную ночь прорезывали далекие автоматные очереди. На мгновение он прислушался и снова стал торопливо заполнять последние страницы своего дневника. Сделал пометку: «Опять пальба». Потом дописал: «Прощу передать эту тетрадь семье».

На следующий день ему стало хуже. Вызвали вертолет до Кабула, оттуда решили везти его в Москву.

В столичной клинике он пробыл недолго. Однажды утром оделся и незаметно вышел. Добрался до ЦК ВЛКСМ.

— Мне срочно нужно в Чебоксары, — сказал он. — Времени в обрез.

Воздух в родном городе казался ему целебным. Всю ночь проговорил с Гаялем. Успокаивал. Про диагноз — ни слова. Утром поехал к друзьям на свое прежнее место работы — в Чувашский обком комсомола. Два часа рассказывал об Афганистане. Потом раздал сувениры (уезжал, в спешке не захватил даже самых необходимых вещей, а вот сувениры на память ребятам взять успел). Из обкома — в больницу. Жить ему оставалось сорок восемь часов.

Николай Серов, кадровый комсомольский работник, был направлен в Афганистан по просьбе Центрального Комитета Демократической организации молодежи (ДОМА) этой страны. Юноши и девушки революционной республики нуждались в добром совете и практической помощи. И Николай поехал сражаться за завтрашний день Афганистана.

«3 ноября 1983 г. Первая встреча с афганцами. Говорят о своих трудностях откровенно, честно. Помог набросать конспект первейших задач ДОМА.

Участие в защите революции, помочь народной власти в кишлаках, подготовка резерва для партии, работа с учащимися школ и т. д. Прежде всего — единство и дисциплина.

Проблем в молодежном движении множество. Сколько еще людей не разобрались в ситуации!.. Кто-то требует немедленных преобразований, не считаясь ни с внутренней, ни с внешней обстановкой. Кто-то, наоборот, боится любых решительных шагов. Ошибаются и горячие головы, и перестраховщики. Решил проситься куда-нибудь в отдаленную провинцию. Там буду нужнее, чем в столице.

16 ноября. Встретили хорошо. Ребята толковые. Удивляет внутренняя этика этих людей. Ко всему советскому относятся с подчеркнутым уважением. У каждого нелегкая судьба. Чувствую, подружусь с Заммаем. Парень боевой, удалой, все схватывает на лету. Он пушун. Глаза черные, горят и сверкают, сам — как ртуть.

Или Марьям. С нее хоть повесть пиши о восточной женщине. Ушла из дома от родителей, религиозных фанатиков. Они не знают, где она сейчас. А Марьям второй год заведует женским отделом в райкоме ДОМА. Активистка, преданный боец революции; братья у нее тоже члены партии».

Он вошел в работу без раскачки. Знакомился с людьми, учил языки, постигал обычаи и нравы. Он понимал, что каждый его шаг должен быть взвешен. Кто выиграет сегодня схватку за молодежь, тот и победит завтра. В него должны поверить не только члены ДОМА, но и молодые деятели, напуганные душманами, ремесленники, торговцы, пытающиеся спрятаться за ветхими дувалами, оставаться в стороне от грозных событий.

«8 декабря. Есть в нашей стране люди, которым не по нраву советская действительность, у кого ненасытные глаза и души. Вот бы их сюда на экскурсию!.. Чтобы поняли, какое счастье — наша Советская Родина, какое счастье — жить, любить, творить на родной земле. Со мной всякое может случиться. Гаяля, ты верь, я честно исполню свою долг».

Накануне он выезжал в горный кишлак. Возвращался поздно вечером. По дороге машину обстреляли. Утром в пе-

редней дверце автомобиля нашли несколько пулевых отверстий. Метили в то место, где обычно сидел Николай. А он в ту минуту дремал на заднем сиденье...

«Горе постигло семью Юсуфа, секретаря провинциальной организации ДОМА. Бандитской пулей убило сына его старшего брата. Мальчик выбежал на звуки выстрелов, думая, что душманы напали на отца, безоружный полез в самое пекло...

Для меня эта командировка — проверка и себя, и своего поколения. Готовы ли мы выполнить задание Родины, отдать за нее жизнь? С трибуны-то легко такие слова говорить...

30 декабря. Уходит год. Что он мне дал? А я ему? Мне: интересную работу, чувство необходимости людям, массу впечатлений, долгую разлуку. Я? Пожалуй, ничего особенного.

Вчера праздновали очередную годовщину Народно-демократической партии Афганистана. Зал кинотеатра был заполнен до отказа. Я выступал, и вдруг — выстрел. Даже не вздрогнул. Произнес на местном диалекте: «Собака лает, караван идет». Гром аплодисментов...

«5 января открыли клуб для молодежи. Организовали кружки и спортивные секции. Если мерить по нашим меркам — событие заурядное. А здесь, где, кроме мечети, юноши и девушки ничего не знали, это настоящая победа. Если бы все афганцы знали и поняли, чего добивается народная власть, давно бы перестала литься кровь на этой земле.

5 апреля. Три месяца не открывал дневник: был перегружен делами.

Вспоминаю встречу с Эльбишем, личностью незаурядной и колоритной. Крупный, мощный, властное лицо, бритая голова, покрытая папахой из каркауля, поверх национального костюма — пиджак английского покрова. Он был богатым феодалом, но после Апрельской революции встал на сторону республики, отдал свою землю беднякам. Однако его отца репрессировал Амин. Тогда Эльбиш с верными ему людьми ушел в горы. Говорят, воевал не против народа, а против Амина. Когда того свергли, Эльбиш вновь согласился сотрудничать с народной властью. У него два сына, один без руки,

другой без ноги: были тяжело ранены недавно, защищая революцию. Всегда удивительно, какие перевороты происходят в сознании людей!..

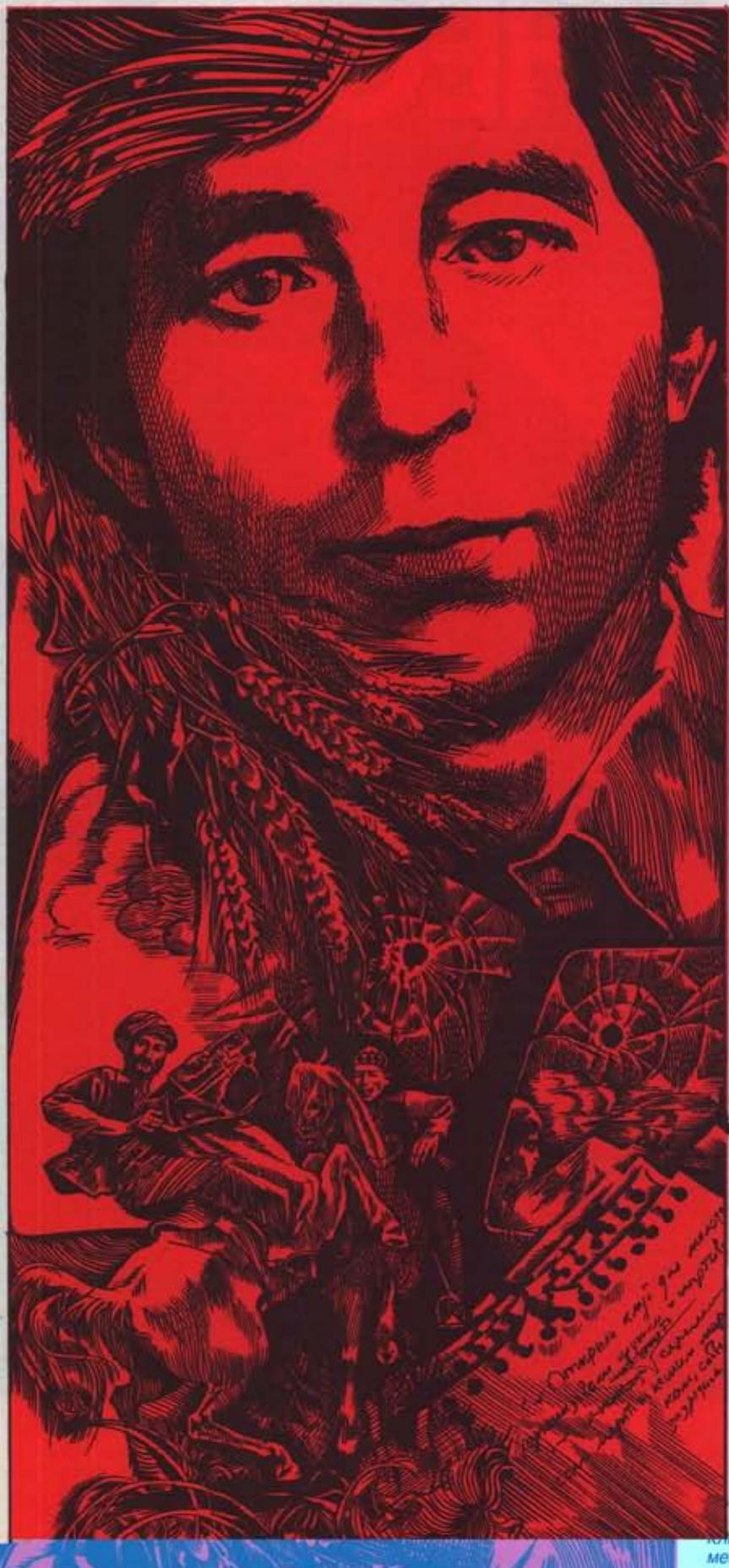
Недавно произошел интересный эпизод. Члены ДОМА давали в местном кинотеатре самодеятельный спектакль. И вдруг душманы открыли минометный огонь. Мина через окно влетела в здание, и осколок ее попал в плечо одного из артистов... Однако пьеса была доиграна до конца, никто не покинул зал. В казну политкомитета было собрано десять тысяч афганцев. Этот бой за души людей был выигран!

14 апреля. Провели пленум с повесткой дня «Насущные задачи молодежи по защите революции». Активисты прибыли со всех провинций. А ведь еще два дня назад даже мы с Юсуфом не знали, удастся ли собрать людей. Душманы вновь подняли головы. Но им не победить! Сложился в нашей организации костяк, который уже ничем не запугать.

А что наши враги? Раньше я считал их главарей темными головорезами. Да, они головорезы, но далеко не темные. В самой верхушке есть крупные торговцы, промышленники, даже профессора исламских университетов. Их много, и они никак не могут поделить власть. Те, что помельче, тоже грызутся — то за родник, то за речку, то за выпас. Бьются, воруют, грабят. Друг у друга даже людей в плен берут, чтобы выдать потом за деньги. Бывает и так, что более богатый нанимает себе бандитов у другого главаря. Но рядовые душманы — это в основном обманутые или силой завербованные люди».

Науку классовой борьбы Николай Серов постигал не по учебникам. Республика крепла в боях, и он всеми силами ее помогал. Помог провести молодежный субботник: ремонтировали дороги, чистили арыки, привели в порядок оскверненную душманами мечеть. Организовали сбор денег для голодающих детей — и это вклад в революционное дело. Народ верит не словам — делам. А реальных дел на счету новых друзей Николая — афганских комсомольцев — становилось все больше и больше.

«20 апреля. Провели День дехканата. Он празднуется как начало весенне-полевых работ. Народу собралось

тысяч десять. Детей было — тьма! Девочка лет шести во время самой горячей спортивной схватки бузкашей (всадников) села посередине поля, достала тетрадь, ручку и стала что-то писать или рисовать. Вдохновение, наверное, пришло. Пионеры в форме, с лозунгами и знаменами промаршировали строем. А ведь здесь за красный галстук могут убить. Смелость надо иметь в душе и веру в сердце, чтобы вот так пройти. Думаю, не каждый взрослый-то решился бы, даже и из моих знакомых».

Непросто далось проведение Дня дехканина. При огромном скоплении народа можно было ожидать любую провокацию. С утра со стороны близлежащих гор стреляли душманы — хотели сорвать праздник. Но на открытые столкновения бандиты не решились.

Бывало ли страшно Серову? Наверно, нельзя назвать страхом чувство осознанной опасности. Он шел навстречу возможной беде с открытыми глазами. Старался чаще бывать в отдаленных кишлаках, встречаться с людьми.

Галя, жена Николая, пыталась отговорить его от небезопасной командировки в Афганистан, дома оставались двое маленьких детей. «Если я не поеду, — отвечал он, — другой не поедет, то кто же тогда?..»

«30 апреля. Наша организация проводит чистку своих рядов. Всех записанных в ДОМА лишь для цифры снимаем с учета. Революция от этого не пострадает. Впервые проходят отчетные собрания, это настоящий смотр сил демократической молодежи провинции.

Ездил на встречу с учащимися лицея, слушали меня с интересом. Здание больше походит на осажденную крепость, чем на учебное заведение: стекла выбиты, у оконных проемов лежат мешки с песком. Нужны, очень нужны грамотные люди этой страны. Раньше школы здесь посещала лишь десятая часть детей.

9 мая. Враги хотели нам праздник испортить, да ничего не вышло. Перед самым митингом вывели из строя линию электропередачи. Пришлось выступать в темноте без микрофона, лишь за спиной две лампы горели. Прекрасная мишень! Однако обошлось без происшествий.

10 мая. Провели отчетное собрание городского актива. Было около восьмисот человек. Все как надо. Доклад хороший, обстоятельный. Выступали в прениях активно. Особенно смело говорила одна девушка, секретарь первичной организации домохозяек. Жаль, ребята «Интернационал» петь не умеют, но я их научу. Какие же революционеры без «Интернационала»?..

Сегодня открыли молодежную комнату в школе. Здесь учатся 54 члена ДОМА, 700 пионеров и октябрят. Их зовут тут «звездочки». Обещал им помочь наладить переписку с советскими пионерами. Вечером болеть продолжал, но пошел на молодежный фестиваль нашей провинции. Сегодня в городе подорвалась на мине машина царандоя (народной милиции).

Революция может победить, только завоевав доверие масс. Люди сейчас за пустым словом не пойдут. Им нужны доказательства. У душманов же аргументы: пуля, кровь. На днях афганское подразделение захватило машину с вооружением для бандитов. Впереди у них, ружьем, гранатами, а уже мешки с песком. Нужны, очень нужны

стана никогда не слышал. Типичный душман, обманутый своими главарями...»

Вот так до последних сил Серов продолжал работать. Только дневнику он доверял свои страдания и болезни, тоску по семье. До последних дней прежде всего думал о других, потом уж о себе. Спал дома и друзьям бодрые письма.

И в больничной палате он вел себя мужественно. Шутил, улыбался бескровными губами, убеждал врачей, что верит в выздоровление. В последнюю ночь попросил родниковой воды. Хотел успокоить невыносимый жар чистой прохладой родной земли. Метался в бреду, мешая русские и афганские слова...

Люди уходят по-разному. После одних остается тире между двумя датами, после других — память, как факел. Николай Серов оставил свое имя пионерской дружине в родной школе Аликовского района, студенческому строительству. А еще он оставил свое дело в верных руках.

Сама жизнь пишет продолжение дневника Николая. После его смерти близкий друг и земляк Серова Николай Михайлов (тоже уроженец Аликовского района Чувашии, секретарь Чебоксарского горкома ВЛКСМ) попросил направить его в Афганистан. А вскоре после отъезда от Михайлова пришло письмо. «Работаю в том же городе, где был Коля Серов, — писал он. — Живу в том же доме, сплю на его кровати. Здесь о нем вспоминают очень тепло. Ребята говорят, он многому их научил. Значит, мне легче придется.

Мы действуем. Открыли детский дом, скоро школу достроим. Революция продолжается, революция побеждает!»

О горячих точках планеты можно узнавать из газет, из телевизионных передач. Глядя на экран — переживать, восхищаться кем-то, жалеть кого-то. Умирать от жажды в уютной комнате, когда от зноя трескается земля — на экране и в любой момент можно пойти на кухню и попить воды.

Можно говорить правильные слова о дружбе, интернациональном долге, загигать этими горячими словами других, но самому оставаться в стороне. Пусть — кто-то. Пусть — другие. Ведь там, в Афганистане, опасно, там даже можно погибнуть. В мирное-то время.

Да, можно и погибнуть. Ради того, чтобы сделать наше время по-настоящему мирным.

Николай Серов и его товарищи высоких слов этих не говорили. Они действовали. И действуют.

Как пришла мысль поехать в Афганистан Николаю Серову, а вслед за ним Николаю Михайлову? Как становятся добровольцами? Живут, работают и вдруг в какой-то момент понимают, что их место там. Где опасно, где свилят пули, но где они очень нужны. Именно они. И за них решать не имеет права никто. Только сами. По велению совести.

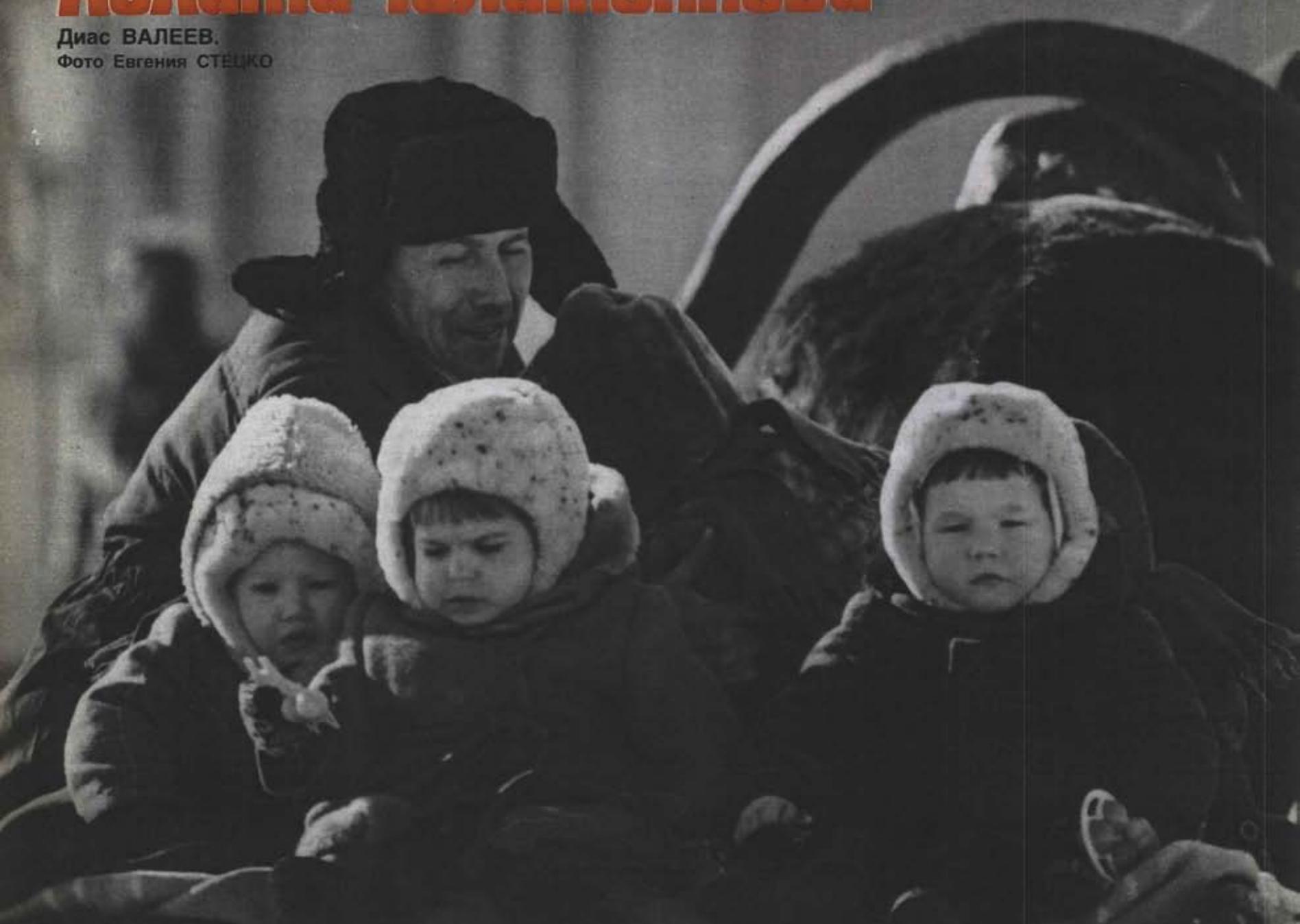
Так было в тридцать шестом, когда наши добровольцы ехали в Испанию. Так происходит сейчас, когда советские парни плечом к плечу с афганцами защищают Апрельскую революцию. Наверно, этим и отличаются советские люди — обостренной способностью чувствовать чужую боль, состраданием, милосердием. Готовностью прийти на помощь. Не жалея себя.

Глядя на экран — переживать,

ПОДВИЖНИЧЕСТВО Асхата Галимзянова

Диас ВАЛЕЕВ.
Фото Евгения СТЕЦКО

Читателям «Смены» хорошо знаком живущий в Казани возчик одного из магазинов Бауманского райпредприятия Асхат Галимзянович Галимзянов.

Ему сорок девять лет, из них три года он работал милиционером, двенадцать лет — шофером, пять — слесарем, а последние годы — возчиком с зарплатой 110 рублей. Его часто можно видеть на улицах Казани идущим рядом с же-ребцом Орликом. Семнадцать лет этот человек по мере сил и возможностей активно помогает детским домам страны. Силы у него есть и материальные возможности тоже. Причем год от года масштаб помощи увеличивается. Только за последние семь лет он перевел, например, на счет Ивановской интернациональной школы-интерната имени Стасовой около четырех тысяч рублей, а Дому ребенка № 1 в Казани оказал помощь в различных формах на сумму свыше сорока тысяч рублей. Крупные

суммы денег он переводил в Фонд мира, а после трагедии в Чернобыле от него поступило на счет № 904 десять тысяч рублей.

Откуда такие деньги у простого возчика с маленькой зарплатой? Механика здесь простая. На основе семейного подряда Асхат Галимзянов берет по договору бычков в хозяйствах республики, откармливает их в течение нескольких месяцев и сдает затем по государственным закупочным ценам. Стоимость молодняка, кормов вычитается при окончательном расчете; на счете Галимзянова остаются солидные суммы, и тогда он пишет заявление о переводе этих сумм на счета детских учреждений. Чаще всего тех огромных денег, которые заработаны тяжелейшим многомесячным трудом, он и не видит. Подпись, распоряжение — и деньги уходят в помощь детям-сиротам или по адресу человеческой беды.

После публикации очерков о Галим-

зянове в «Смену» буквально хлынули поток писем.

«Конечно, эта история необычна. Все мы стараемся что-то сделать в основном для своего дома и семьи. Этот же человек — особой души, фанатик альтруизма, действительно человек новой эры, новых побуждений и великой доброты. Как бы хотелось посмотреть на него, увидеть его лицо» (К. Мишукова, Ноябрьск Тюменской области).

Эта публикация — ответ на просьбу не только К. Мишуковой, но и многих других читателей «Смены». Почти в каждом письме — а отклики продолжают поступать — содержится вопрос, как сейчас обстоят дела у Галимзянова, не сломили ли его духа, остается ли он верен своей идее активного добра?

23 февраля нынешнего года в Казани произошло событие, я думаю, неординарное — на территории Дома ребенка № 1 был открыт памятник, созданный на средства Асхата Галимзянова.

В самом деле, ситуация невиданная: простой возчик заказывает скульпторам монумент и дарит его городу, республике, детям. Автор монумента Виктор Рогожин и сам Асхат Галимзянов осторожно освободили памятник от защищавшего его полотнища, и глазам сотен людей, пришедших на церемонию открытия, предстала большая десятифигурная композиция «Сказка» — женщина-воспитательница в окружении детей, персонажей сказок и животных.

Признаюсь читателям «Смены» — минута открытия памятника была минутой и моей радости. Два года назад я познакомил Асхата Галимзянова со скульпторами Радой Нигматуллиной и Виктором Рогожиным, которые и взялись за осуществление трудного замысла. И вот работа завершена. Буквально накануне, выступая в одной из передач татарского телевидения, я пригласил жителей Казани прийти на открытие необычного монумента, и было радо-

О такой прогулке с дядей Асхатом в Доме ребенка мечтает каждый.

Асхат Галимзянов: «Отдавать людям — вот в чем счастье».

стно, что казанцы откликнулись на приглашение. Добро все-таки заразительно, мы истосковались по добру в атмосфере рвачества, безразличия, равнодушия, воцарившейся было в нашем обществе в минувшие годы, и духовный посып Галимзянова, отвергнувшего границу между «моим» и «общим», пробуждал в душе каждого лучшие начала.

Приятно было видеть среди выступавших на митинге представителей Министерства здравоохранения Республики, райисполкома, райкома комсомола. Ведь до этой минуты все долгие годы подвижнической деятельности Асхата Галимзянова официальные лица добрых слов в его адрес не произносили. Санэпидстанция, пожарная служба, управление главного архитектора горисполкома донимали его беспрестанно. Почему-то всех раздражало подсобное хозяйство, которое организовал Асхат в тупичке одной из самых неказистых

городских улиц, на месте бывшей свалки. Эту свалку разрешил занять ему Бауманский райисполком Казани — мусора было с двухэтажным домом,— но когда Галимзянов основал здесь «ферму», райисполком оказался в числе его противников.

Галимзянов перечислял крупные суммы денег на счета детских учреждений страны, а казанский уголовный розыск и ОБХСС проверяли и проверяли его на предмет «обоснованности» деятельности. Фантастично, непостижимо, но фактическая сторона преследования и гонений, которым подвергался Асхат Галимзянов за свою благородную деятельность, зафиксирована в десятках протоколов, докладных и справок, подшитых в толстом томе с красноречивой надписью — «Дело № 2891. Галимзянов». Дело это и поныне хранится в одном из учреждений Казани, теперь, я думаю, уже как памятник человеческой глупости.

Об этих драматических и трагикомических обстоятельствах, предшествующих мигу победы, не следует забывать. Они много крови попортили нашему герою. И об этом я напомнил собравшимся, выступая на открытии памятника. Ведь, по существу, именно публикации «Смены», мощная поддержка, какую оказали Асхату Галимзяновичу сотни читателей журнала, их гневные письма («Смена» № 16 за 1985 г.) спасли «предприятие» Галимзянова от бульдозера. Тогда ведь еще не был опубликован Закон об индивидуальной трудовой деятельности, еще не вступили в силу его идеи и положения. Отбиваться приходилось, сообразуясь с велениями совести, а не со статьями закона.

Но не будем злопамятными. Тем более что сам Галимзянов не принадлежит к их числу.

Прошла неделя со дня открытия памятника, и я снова в хозяйстве Асхата.

Сидим в его доме-кормокухне. Рядом, отгороженные кроватью, два бычка. Болеют, требуется им домашнее тепло. На другой кровати, положив морду на подушку, лежит старая овчарка, давний член семьи Галимзяновых. Четырнадцать лет собаке, пришла последняя пора, и Асхат заботливо кормит ее, держа миску у морды. Вечер, лошади Орлик и Васыка — одна Асхата, другая его младшего брата Талгата, который тоже работает возчиком, — еще стоят во дворе нераспряженными. Здесь же носится жеребенок Буян. В загоне — сорок бычков. Тут же собаки, кошки, бродят куры. Большое население в семье Галимзяновых. И всех надо накормить, напоить.

Сыну Асхата Галимзянова Радику, первому его помощнику, двадцать пять лет. Работал на тепловозе, но попал в аварию, сотрясение мозга, и врачи запретили ему работать по специальнности. Теперь грузчик на хлебозаводе.

учится на сварщика в трамвайно-троллейбусном управлении, а все свободное время на «ферме». Убежденный сторонник отца, его последователь.

— Надо создать в городе одно большое подсобное хозяйство, которое бы целиком обеспечивало детские дома, детские сады картошкой, мясом. А то привозят ведь детям залежалое! Как это сделать? Подчинить хозяйство Министерству здравоохранения, а не Министерству сельского хозяйства. Развернуться хочется. Мы же пока во всем зависимы. А нужны свои фураж, машины, чтобы не бегать по каждому пустяку. Надо получить полтонны барды — бегаешь за ней целый день, высунув язык. Устаешь не от работы. От глупости. Отдавать людям мы могли бы и больше...

— А не жалко все время отдавать?

— А мы привыкли уже отдавать. У нас как бы обязанность появилась, долг лежит на душе — отдавать.

— Но ведь часто даже благодарности в ответ не услышишь. Как соседи относятся к вам?

— По-разному. Большинство до сих пор не может поверить, что никаких денег мы себе не оставляем. Подозрева-

ют, будто мы хитрим. Нормальный человек, мол, не может отдавать. Нормальный человек устроен, мол, так, что должен только брать.

— Ну, а что ты отвечаешь? Спрашивай?

— Нет, зачем? Мы же никому свой образ жизни не навязываем. Они живут по-своему, мы — по-своему.

Разговариваю с Лялей, дочерью Асхата. Двадцать лет, оператор на швейной фабрике № 5. Тоже убежденная последовательница отца. И помощница во всем.

— Чем я занимаюсь дома? — улыбается. — Собаками занимаюсь, попугаев, канареек кормлю, домашних голубей. Клетки их чищу. Маленький жеребенок тоже на мне. Но главное — мама. Она ведь у нас инвалид первой группы вот уже семнадцать лет, а квартира у нас без всяких удобств. Дел дома хватает. Накормить мужчин надо, обстирать их. Работа у них грязная.

В последний год в доме Асхата Галимзянова живет его младший брат Талгат. Так уж случилось — не задалась у него семейная жизнь. Сорок пять лет Талгату, он возник в пятом роддоме. Как и все из рода Галимзяновых

вых, человек работящий, надежный. Спрашиваю его о дальнейших планах.

— Дальше? Побольше бы быков надо держать! Да негде здесь — тесно, задыхаемся, участок маленький... Хочу брату совет дать: надо всем детям в первом детдоме заказать через казанский мехкомбинат шубы. Сразу большую партию на весь Дом ребенка. И с запасом. Теплые шубы из натурального меха! А то для заграницы шьют, а для наших детей не шьют.

— Это во сколько же рублей обойдется вся партия?

— Да они недорого стоят, недорого, — включается в разговор и сам Асхат. — Ну, тысяча, ну, полторы тысячи! А то я ни разу не видел детей в шубах! Что это такое?

Вот такие помощники у казанского возчика-мецената. Подарили в этом году казанскому дому ребенка № 1 новую машину «Нива» стоимостью одиннадцать тысяч рублей. Памятник «Сказка» обошелся им в двенадцать тысяч рублей в фонд помощи пострадавшим от стихийного бедствия в Грузии. Но вот не перевели еще дыхания, а мечтают о партии шубенок для детей-сирот

(у каждого такого ребенка есть живые родители, между прочим). Странные люди, заражающие и других своей добротой и бескорыстием. Часто на подворье Асхата Галимзянова я вижу, например, Льва Александровича, слесаря, соседа Галимзяновых. Приходит поработать, помочь. Нередко засучивает рукава и другой сосед — Сергей Наумов, работающий электриком на хлебозаводе. Оба любят животных, и оба помогают бескорыстно.

— Почему мне не жалко этих денег? — переспрашивает Асхат. — А чего их жалеть? Все, что надо, у нас есть. На свои силы мы надеемся. Вон еще быки растут. Новые деньги будут. У меня мысли не о деньгах, а о детях...

Читаю письма, пришедшие от читателей «Смены». Это своего рода коллективное размышление о природе добра.

«Как много еще людей, у которых нет ни сердца, ни чувства любопытства к жизни. Вместо того чтобы радоваться, что на нашей земле появляются альtruисты, с которых, собственно, начинается коммунизм, они порой заводят на такого человека «дело». Галимзяновы между тем — это как бы часть природы, окружающей нас, и, подобно са-

мой природе, они, защищая других и помогая другим, мало заботятся о себе, а потому фактически беззащитны перед грубой силой. В житейской суете мы, люди, можем грешным делом иногда и обидеть такого человека, посмеяться над ним. Но как только такой человек покидает нас, мы остро ощущаем его отсутствие и долго жалеем о нем, поминая всегда добрым словом. В Москве есть улица, носящая имя Федора Гааза. Кто он такой? Известный поэт, полководец? Нет, скромный тюремный врач, живший в царской России, подвижник, заслуживший благодарность потомков тем, что, не щадя сил и здоровья, старался облегчить страдания больным и несчастным, которых немало было среди тех, кого гнали по этапу на каторгу. А в украинском городе Ромны есть улица замечательной русской женщины Александры Деревской. В годы войны она спасла сорок двух сирот, став матерью двадцати шести сыновьям и шестнадцати дочерям разных национальностей. Ее уже давно нет в живых, но народная память о ней не угасает. И кто знает, может быть, попав в Казань на улицу Межлаука, люди, особенно приезжие, будут спрашивать:

а где здесь хозяйство Асхата Галимзянова? Этот человек — альтруист, в лучшем смысле слова достопримечательность города...» (В. Лебедев, Псков).

«В то время, когда большинство людей занято заботами о своем собственном материальном положении, конечно же, чистое бескорыстие выглядит чем-то странным, подозрительным и даже глупым. Но как хороша, как прекрасна эта «глупость»! Наш герой является человеком нового, коммунистического общества, человеком, для которого труд на благо общества действительно простая естественная потребность. Оказывается, такие люди уже родились, уже живут среди нас. Само рождение этих счастливых людей дает жизни замечательную перспективу» (Е. Сериков, Красноярск).

Этот читатель, наверное, прав. Во всяком случае, я, пожалуй, не встречал более счастливого человека, чем Асхат Галимзянов. Но все это моральная сторона проблемы. А есть еще и не менее важная экономическая сторона. Галимзянов кормит людей. Он обеспечивает мясной стол сотням своих сограждан. Наверное, утопично призывать всех

следовать принципам жизни Галимзянова. Кто-то пойдет за ним, а большинство откажется. Путь Галимзянова из труднейших. Но на его примере можно понять другое: оказывается, человек в наше время может зарабатывать огромные суммы денег, не воруя, не спекулируя, не занимаясь какими-то махинациями, на основе абсолютно честного труда и принося большую пользу людям. А такое понимание также весьма немаловажно для роста нашей экономики и нашего общего благосостояния.

Но вернемся от общих проблем к реальному почву к реальному Галимзянову. Скромный, бескорыстный человек, ничего не требующий для себя. Но это не значит, что этому человеку не нужна помощь. Напомню: квартира у Галимзяновых более чем обыкновенная — двадцать семь квадратных метров, две комнатки, нелепый коридорчик, кухни нет, печное отопление, никаких удобств. Дом старый, обветшавший — если нельзя назвать его аварийным, то полуаварийным вполне: как ни ремонтируй потолки и стены, на них постоянно пропускают пузыри, а с потолка падает штукатурка. В квартире стоят две

кровати — дочери и больной жены Асхата, а самому хозяину дома и сыну его Радику, по существу, спать негде. Как ни неприятны эти подробности, без них жизнь Асхата Галимзянова будет похожа на неправдоподобный святочный рассказ. Думается, что пора острации, которому подвергали Асхата Галимзянова и его дело некоторые районные руководители, прошла, и городу по силам найти для одного из своих наиболее замечательных жителей, скажем, обыкновенную трехкомнатную квартиру. Есть и другая проблема. После публикаций «Смены» в 1985 году Совет Министров Татарской АССР принял решение о предоставлении А. Г. Галимзянову «нового участка земли с тем, чтобы он мог без тех трудностей, которые испытывает, заниматься своим полезным делом». Под этим документом стоит подпись И. Х. Садыкова, бывшего тогда Председателем Совета Министров Татарской АССР. Председатель в Совмине ТАССР сейчас другой, но преемственность, наверное, сохраняется, во всяком случае, решения, касающиеся А. Галимзянова, никто не отменял. Но кто его будет выполнять? Сам Галимзянов мечтает, что при предоставле-

У памятника в день открытия.

Семейный портрет в интерьере.

Сын — главная опора.

Новые «ботинки» для Орлика.

нии в арендное пользование ста гектаров земли (где-нибудь возле пригородной заброшенной деревеньки в пять — семь дворов, заброшенной фермы, которую можно было бы восстановить), при наличии элементарной техники, которую тоже можно было бы арендовать, он со своим сыном и братом мог бы откармливать пятьсот — семьсот быков.

Хочется верить, что Председатель Президиума Верховного Совета ТАССР Ш. А. Мустаев вернется к забытому постановлению Совмина республики и поможет Асхату Галимзянову.

Недавно в Казани воздвигли памятник известному татарскому революционеру Муллануру Вахитову, и сын Асхата Галимзянова Радик словно бы невзначай спросил у меня, не знаю ли, какова стоимость сооружения памятника подобного рода. Галимзяновы «примериваются» к памятнику для города.

К ЧИТАТЕЛЯМ. Люди такой щедкой души, как Асхат Галимзянов, редки, но тем ценнее их пример. Если вам известны имена людей подобной самоотверженности и доброты, напишите нам о них.

МЫ-ЗА!

Как обеспечить будущее воспитанников детского дома, помочь его выпускникам быстрее овладеть профессией, обрести уверенность в жизни? Найти ответ на этот непростой вопрос поможет социальный эксперимент, который по предложению главного редактора «Смены» Альберта Лиханова готовится осуществить коллектив Кировского электромашиностроительного объединения имени Лепсе — на базе промышленного предприятия создать детский дом. Письмо, адресованное рабочим, инженерам, комсомольским активистам объединения, напечатала многотиражная газета. Но проблема, в письме затронутая, выходит за рамки коллектива только одного завода. Поэтому редакция журнала обратилась к вам, уважаемые читатели, с предложением принять участие в обсуждении письма, а затем и проекта («Смена» № 8). Мы знакомим вас с мнениями тех, кому предстоит, если идея будет принята, осуществление эксперимента — мнениями рабочих объединения имени Лепсе.

■ ПРАВО НА ВОСПИТАНИЕ

Прочитав обращение писателя А. Лиханова к коллективу нашего завода по строительству детского дома промышленного предприятия, хочу поделиться своим мнением. Писатель призывает нас сыграть роль коллективного родителя,участвующего в воспитании и образовании своих детей. Вот здесь возникает вопрос: готовы ли мы морально к этому? Ведь решающее значение имеет то, каких людей увидят в нас подростки. Мы должны стать для них примером трудолюбия, богатства духовной жизни. Лишь при этом условии, на мой взгляд, мы имеем моральное право воспитывать.

Хочу привести такой пример. Совсем недавно я как секретарь комсомольской организации был приглашен на собрание коллектива компрессорной установки, где обсуждались двое молодых рабочих за нарушение общественного порядка. Кроме того, у них были нарушения и производственного характера. Был задан вопрос людям, за плечами которых большой жизненный и производственный опыт: «Где же были вы, старшие товарищи?». Те ответили: «А с какой стати мы будем их учить, наставлять, помогать им, если нам за это никто не платит!» Зло сказали. В глаза. Подумайте, с какими мыслями о коллективе ушли ребята с собрания?

Мне кажется, что это не единичный случай на заводе, и это очень тревожит. Как прекрасно, что в основном наша заводская семья может служить примером для подражания! Но решая такой важный вопрос, как воспитание в трудовом коллективе, мы должны стать не-примиримыми борцами с подобными явлениями, подобными людьми, одно слово которых может свести на нет общие старания и планы.

С. КОНДАКОВ,
слесарь

■ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Детский дом промышленного предприятия появится не сразу, не через год, поэтому хотелось бы, чтобы он действительно стал детским домом нового типа, современным, красивым, удобным. Хорошо, что будут бассейн, стадион, театральная и художественная студия, но, по-моему, заботы техническое творчество. Поскольку дом будет находиться за городом, надо, чтобы все для детей было под рукой, под одной крышей.

Вашу предложение — чтобы потом не перекраивать и не ломать — предупредить для старшеклассников дисплей-кабинет, где они могли бы закреплять знания, полученные на уроках информатики, составляя программы не только игровые, а, может быть, и несложные программы для производства по заказу. Необходимо, наверное, иметь и кинофотолабораторию, помещение для судо-, авиамоделирования, радиоузла, конструирования картин, снегоходов и других машин, площадку для испытания техники. На крыше неплохо было бы построить небольшую астрономическую обсерваторию с метеорологической площадкой. А можно замахнуться и на телекентр, кабельное телевидение. Какие возможности для улучшения учебного процесса, выполнения домашних заданий, воспитания!

Написал и удивился: неужели действительно возможно такое построить для относительно небольшого количества ребят? Ведь мы привыкли к большим цифрам охвата. Но почему бы и нет, ведь ничего сверхъестественного я нелагаю. Просто к чужим детям надо подойти как к особым детям и сделать так, чтобы после детдома их нельзя было отличить от обычной нашей молодежи.

В. КОРОТАЕВ,
учитель школы № 45

■ ОТОГРЕТЬ РЕБЯЧЬИ ДУШИ

Письмо нельзя читать равнодушно, а прочитав, отложить в сторону и забыть о нем. Оно заставляет о многом задуматься. И прежде всего о судьбах покинутых детей, ведь ребята не виновны в своем одиночестве. Конечно, и теперь за детьми, которые живут в детдоме, хороший досмотр — их учтут, оденут, воспитывают. Но все равно они чувствуют себя изолированными, ущемленными и, переступив порог школы, ПТУ, техникума, приедут работать на завод, трудно приживаются в коллективе, считают себя обделенными.

На мой взгляд, автор очень правильно и своевременно предлагает создать детский дом промышленного предприятия. Может быть, нам нужно было этим вопросом заняться даже раньше и создать современную коммуну макаренковского типа. Именно так, мне кажется, мы бы сумели отогреть детские души, заставить их поверить в то, что они нужны обществу, что они полноправные члены нашего заводского коллектива.

Но строительство детского дома промышленного предприятия ко многому обязывает. Мы должны подойти к этому

делу не формально, а взвесив все «за» и «против». Чтобы детям жилось здесь действительно как дома, чтобы они ощущали постоянную заботу коллектива, чувствовали рядом надежную руку старшего товарища, видели в нем пример для подражания, для этого нужно более строго и требовательно относиться к себе.

Л. МАКАРОВА,
начальник БТЗ цеха

■ ЧУЖИХ ДЕТЕЙ НЕ БЫВАЕТ

Уважаемая редакция, разрешите выразить недоверие по поводу такого единодушного проявления любви и доброты к детям-сиротам, которое чувствуется в последних письмах, опубликованных в газете.

Нетрудно быть добрыми за чужой счет, за счет тех работников завода, которые, отработав на нем не один десяток лет, не могут получить хорошую благоустроенную квартиру, а молодые родители — место в детском садике. Не говоря уже о том, что нам, горожанам, недостает сегодня многое: новых школ, спортивных сооружений, кинотеатров и т. д.

Исключительные условия, которые предполагается создать детям промышленного детского дома, будут созданы за счет наших с вами детей. Почему мы, нормальные родители, добросовестно воспитывая своих детей, вынуждены еще и взять на себя часть материальных забот тех родителей, которые пожелали для себя легкой жизни?

Я очень сочувствую и жалею этих детдомовских детей, считаю, что они действительно нуждаются в настоящем внимании и улучшении их бытовых условий, но зачем эту идею доводить до фарса? А этот шикарный проект иначе как показухой не назовешь.

Поэтому я предлагаю строить нормальный (без излишеств: обсерватория, дисплейные классы) детский дом на свои собственные средства. Мы можем отработать на субботниках и деньги перечислить на строительство детского дома или внести на строительный счет свои сбережения.

Когда каждый отдаст столько, сколько сочтет нужным, этим обездоленным детям, тогда и можно будет назвать это добротой осаждаемой.

Я думаю, народ мы добрый и трудолюбивый и стройку детского дома сможем действительно сделать по-доброму!

Т. ДЕВЯТЬХ,
инженер-программист

■ ЕЩЕ РАЗ О ДОБРОТЕ

Прочитал письмо Т. Девятых, и рука невольно потянулась к перу. Противоречивость высказанных ею размышлений о строительстве детского дома при нашем заводе наводит на некоторые раздумья и вызывает несогласие с автором.

Прежде всего складывается впечатление, что товарищ Девятых не знает главного: строительство детского дома ни в коей мере не ущемляет интересов работников завода. Средства на это

строительство выделены различными министерствами, в том числе и нашим. Об этом говорил директор предприятия, выступая перед пропагандистским активом. Напротив, коллектив только выигрывает от притока кадров.

Т. Девятых пишет: «Нетрудно быть добрыми за чужой счет...». Эти слова звучат по меньшей мере несправедливо по отношению к тем, кто душой и сердцем не только одобрил идею, но и предложил свои силы и средства для строительства заводского детского дома.

Миллионы советских людей, перечислив свои деньги в помощь пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС, знали, что эти средства составляют лишь часть той заботы и помощи, которые взяло на себя государство. Кто же в этом примере выступает в роли «добрых» за чужой счет?

Лично меня глубоко взволновал очерк, напечатанный в одном из декабрьских номеров «Собеседника» о воспитателе школы-интерната города Алма-Аты Валерии Хафусе. Он пришел по зову сердца к детям-сиротам, не имея специального педагогического образования, но чувствуя боль чужих детей, как собственных. И в трагическую минуту, спасая своих воспитанников, сам погиб. Валерий Михайлович Хафус за мужество и самоотверженные действия посмертно награжден орденом «Знак Почета». Но только ли высокой правительственной наградой можно оценить этот подвиг? Мне кажется, более высокой наградой останется благодарная память о нем ребят. Вот только одна строка из сочинений воспитанников В. Хафуса: «Он относился к нам, как к собственным детям, и заменил нам отца и мать».

Несомненно, одинаково чутких и добрых людей нет. А если бы все были такими, не нужно было строить не только детские дома при предприятиях, но и говорить о детях-сиротах. Но к сожалению, их количество в последние годы не уменьшается, а растет. Не кроется ли причина этого в нашем потребительском отношении к окружающей действительности?

Ведь как иной раз рассуждают. Почему за мой счет строят что-то, в чем я не нуждаюсь? Почему кому-то дают, а я остаюсь в стороне? Да мало ли таких «почему» возникает...

Я думаю, ценник на все случаи жизни не составишь. Никакими предписаниями не заставишь человека быть добрым. И если человек глух к чужой боли, его остается только пожалеть.

В. БЕЛЬЮКОВ,
пропагандист

ОТ РЕДАКЦИИ. Наш журнал берет шефство над будущим социальным экспериментом. Приглашаем вас, дорогие читатели, высказать свое суждение по затронутым проблемам — интересные идеи обязательно будут учтены проектировщиками. Приглашаем к активному участию в новом деле всех, кого волнует сегодняшняя и завтрашняя судьба детского дома.

Я работаю в школе пионервожатым и изо дня в день ловлю себя на мысли: все, что я делаю, насквозь пропитано фальшью. Возможно, это многих шокирует, но молчать сегодня означает ежедневно, ежечасно, ежеминутно наносить с трудом поправимый, а порой даже непоправимый урон нашему государству. И моральный, и материальный. Давайте проследим, что делается в голове и сердце ребенка в течение его школьной жизни.

Итак, из домашней обстановки ребенок попадает под влияние так называемого «школьного коллектива». Что же это за коллектив? Это встревоженные внезапной переменой в жизни маленькие индивидуалисты, механически, по возрастному принципу, сведенные в один классный коллектив. Ни способности, ни характер каждого из них при этом в расчет не берутся. В этот переполненный момент мы совершаляем над ребенком моральное насилие, и он надолго, если не на всю жизнь, запоминает, что взрослый имеет право подавлять его личность и это право обусловлено высшими интересами, которые по своему малолетству ребенок еще не понимает. Если где-то и возникает сомнение, оно быстро загоняется вглубь привычным: «Так положено».

«Так положено» — и вчерашние дошкольники все как один становятся октябрятами. Им уже объяснили, что октябринок должен хорошо учиться, выполнять поручения (неважно, чьи), уважать старших, хорошо себя вести. Что же чувствует ребенок, вступая в октябрят? В первое время — сопричастность. Но неизбежно возникают вопросы: «Марья Васильевна говорит, что октябринок должен хорошо учиться, а Васька учится плохо. Я учусь хорошо, он плохо, и оба мы — октябрята». Эти вопросы не задаются, они зреют в душе, идет анализ. Авторитет учителя непрекращает. Пока. Ребенок уже знает, что, задай он такой вопрос, в ответ услышит вариацию на тему «Так положено». Мы себя успокаиваем, когда думаем, что вопрос снят. Нет. Просто ребенок сам ищет на него ответ. Если умеет это делать. А если нет, он задаст его другому. Тому же пионеру, своему вожатому. Или брату. Или Петушкевичистикласснику, который часто курит в подъезде. Вы уверены, что он получит умный, правильный ответ на свой вопрос? Я — нет.

«Так положено» — и все октябрята нашей страны должны играть в игру «Октябрята по стране Октября». Представьте себе взрослого, которого заставляют каждый день после работы играть в «Эрудит», объясняя это тем, что нужно повышать свой интеллектуальный уровень. Ситуация нереальная. Можно принуждать к учебе, к труду, конечно, тех, кто явно не хочет работать и учиться, но заставлять играть?! Это же абсурд! Но заставляем. А куда деваться? Ведь надо же что-то делать, а то ведь скажут, что зря зарплату получаем. И не только мы, но и те, кто эту игру сделал обязательной. Сама игра довольно интересна ребятам и нужна, но ее нужно пропагандировать наряду с другими, а не насаждать. И это

особенно важно потому, что смысл игры — в изучении ребятами жизни и деятельности В. И. Ленина, деятельности детских коммунистических организаций, истории революции, Страны Советов, Коммунистической партии и комсомола. А ведь форма распространения игры подрывает доверие ребят к словам о равноправии, творчестве масс, социализме и коммунизме. Словно же эти они встречаются в ходе игры постоянно. Короче, сами говорим одно, а делаем другое, прямо противоположное, и детей этому учим. Почему? Потому, что «так положено».

В третьем классе происходит следующий тур этого словесного аттракциона. И если до этого момента слова-междудыши в основном мы, взрослые, то теперь мы требуем того же от детей. Они старательно заучивают, как перед экзаменом, слова Торжественного обещания, не вдаваясь в их глубокий смысл. У них создается пожное впечатление, что они знают, что завещал великому Ленину, чему учит КПСС. Это заблуждение поддерживается тем, что они много знают о Ленине, о деятельности КПСС. Это заблуждение укореняется в их сознании, потому что их знание истории и сущности ленинского революционного учения базируется на отрывочных данных, полученных в начальной школе и на уроках истории СССР в четвертом классе. На чем основано положение, при котором достаточно систематические знания по истории СССР школьники начинают получать лишь в седьмом классе?

Так вот о лозунгах. Красиво звучит обращение к пионерам: «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!» Они отвечают: «Всегда готовы!» Вдумывается ли большинство из них, к чему они должны быть всегда готовы? Нет. Почему? Да потому, что практически никто не донос до их сознания необходимости думать по этому поводу. Взрослым удобно приспособливать пионерскую организацию для поддержания дисциплины и порядка в школе, для выполнения плана учебно-воспитательной работы. Поэтому в сознании ребят укоренилась уверенность в том, что «Законы пионеров» и «Правила для учащихся» — одно и то же. Но ведь это же спекуляция священными для всех нациями «демократия» и «социализм», построенная на идеологическом вакууме в головах ребят. Сейчас, правда, средства массовой информации всерьез занялись ликвидацией этого вакуума. Хотя «каша в голове» вместо вакуума, согласитесь, не лучший выход.

Всем известен пионерский лозунг «Заветам Ленина верны!». Если хотя бы 10 процентов пионеров нашей страны смогут сформулировать эти заветы со ссылкой на произведения В. И. Ленина, я возьму свои слова обратно. Но пока я утверждаю, что только ничтожное меньшинство в состоянии правильно рассказать о сущности этих заветов. Меньшинство не только воспитуемых, но и воспитателей. Такое положение дает возможность невеждам от педагогики переворачивать с ног на голову сущность политики партии. Откуда берутся политические спекулянты и бю-

рократы? Из нашей советской школы. Несмотря на перестройку, школа продолжает поставлять обществу брак. Приспособленцы, циники, бездумные исполнители. Это они привели нашу страну к застойным явлениям. Нашей школе нужна не реформа, а революция. Иначе мы будем вынуждены заниматься перевоспитанием и переучиванием выпускников школы еще очень долго. А на это нужно время. Его-то у нас нет.

Еще лозунг: «Все лучшее — детям!» И строятся станции юных техников, дома спорта, школы искусств, детские дома культуры. То есть происходит децентрализация воспитательной работы. Все эти заведения сами по себе хороши взятые в отдельности, но что получается в комплексе? Мы сами себе противоречим, добиваясь выполнения декларации «Школа — центр воспитательной работы микрорайона» одновременно с заботой о занятости школьников во всяческих кружках и секциях. Что же у нас получается?

Очередной абсурд. Семь-восемь из десяти пионеров занимаются в кружках, музыкальных школах, спортивных секциях. Давайте посмотрим на их недельную нагрузку. Учеба вместе с выполнением домашних заданий отнимает в среднем 8—9 часов в день. Занятия в кружках — 1,5—2 часа 3—4 раза в неделю, в спортивных секциях — часто по две тренировки в день по 2—3 часа. Занятия в музыкальной школе также отнимают по 3—4 часа ежедневно, включая воскресенье. Добавить сюда общественно полезный труд и внеklassные мероприятия, и станет тошно. С 8 утра до 8 вечера, как белка в колесе. И мы сейчас боремся за 100-процентный охват. А зачем? Вы заметили, как ребята ждут каникул? Как многие из нас — отпуска. Чтобы остановиться, оглянуться, задуматься. Но и там мы их настигаем, и там должен быть охват. Да не надо их хватать! Что это за хватательный рефлекс выработался у нашей педагогики? Кто в этом виноват? Не скрывается ли в Академии педагогических наук или в Министерстве просвещения новоявленный Лысенко от педагогики?

Еще декларация: «Пионер — юный строитель коммунизма». Если раньше в слово «строитель» вкладывался смысл рабочей силы, строящей материальную базу, то теперь такое понимание стало узким, мы из него выросли. Сейчас строитель коммунизма — это прежде всего творец, творец новых технологий, социалистических взаимоотношений в обществе, творец демократии и социальной справедливости. А как быть творцу, которому отказано в доверии? Ведь каждый шаг ученика в школе оценивается, и из этих оценок идут далеко идущие выводы. Если бы академика Павлова речи вели, как современного школьника? Ведь его опыты зачастую не удавались. Но никто не поставил ему двойку и не сказал: «Вы плохо работаете». Потому что он видел цель своей работы, и даже неудачные опыты приближали его к этой цели. Современный же школьник не видит конкретной цели своей учебы и общественной работы. Ему просто говорят, что

все это пригодится ему в жизни. Не пригодится! С момента окончания школы в течение 11 лет мне ни разу не понадобились мои знания по математике, физике, химии, биологии, географии. Что касается общественной работы, то я занимался ею и в школе, и после школы, занимаюсь и до сих пор и абсолютно уверенно заявляю: «Школьная общественная работа — чистейший вздор, абсолютно никому не принесет никакой пользы, кроме, пожалуй, комсомольских бюрократов, научившихся в школе красиво оформлять липовые бумаги и чувствовать себя при этом начальниками».

Я не хочу, чтобы меня приняли за воинствующего невежду. Нет, я люблю учиться, учиться. Я не хочу быть ящиком, в который складывается кем-то на хранение информация, чувства. И не желаю этого современному школьнику. Я думаю, они со мной соглашатся.

Теперь о Марше юных ленинцев «Революционный держим шаг». Сущность довольно хорошая, но... Оять обязовка. Маршрутов — пять, ни больше ни меньше. Высоты — три. Теоретически все очень красиво. А практически? Какими силами и в какое время дети должны идти по этим маршрутам? И не отъем ли мы у них охоту заниматься пионерской работой, ограничив их движение пятью дорогами, да к тому же прямыми? А если еще учесть, что дороги эти накатанные, без препятствий, без трудностей, все разжевано, и куда идти, и как, и с кем, и под чьим руководством. Словом, ложись, пионер, на спину, плыви по течению и читай на небе надпись «Революционный держим шаг». И усваивает пионер, что революцию, оказывается, можно делать и лежа, не задумываясь, за тебя все продумают и проведут. И вели. Всех нас вели. А мы шли. Шли, не сомневаясь, что идем правильно. И пришли.

Так неужели же и дети так же пойдут? Нельзя этого допустить. Никак нельзя.

Прошу прощения у тех педагогов, в чьих школах это не так. Я искренне их уважаю и солидарен с ними. Но их же очень мало!

Через журнал обращаясь к людям, работающим в системе народного образования, в Министерстве просвещения, в Академии педагогических наук, в ЦК ВЛКСМ, ЦС ВСПО имени В. И. Ленина: проанализируйте все, что вы делаете для детей, что вы уже сделали, что вы собираетесь делать, поставьте себя на место реального школьника. Обращаюсь к социологам: необходимо всестороннее исследование морально-психологического климата в советской школе, срочно, откладывать нельзя!

Обращаюсь к читателям «Смены»: давайте вместе подумаем, как нам воспитывать наших детей, нашу смену, чтобы им было по силам участвовать в огромной созидающей работе, развернувшейся в стране.

Игорь ШАМШУРИН,
пионервожатый,
Норильск

ИНФЛЯЦИЯ ПОЗИТОВ ИНФЛЯЦИЯ ЛОЗУНОВ

ПРЕДЛАГАЕМ СООБЩА ОБСУДИТЬ ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
ПОДНЯТЫЕ В ПИСЬМЕ НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ.

ЗАЩИТИКИ ДЕТСТВА

Ассоциация деятелей литературы и искусства для детей и юношества Союза советских обществ дружбы с народами зарубежных стран (ССОД) учредила Золотую Международную медаль имени Льва Толстого.

Учитывая, что медаль эта присуждается за гуманистические, самоотверженные усилия в защиту детства и юности, проявленные в любых сферах человеческой деятельности, в 1987 году медали присуждены следующим лицам:

- профессору Альберту Бруту Сэбину (США) — за создание вакцины против детского полиомиелита;
- писательнице Астрид Линдгрен (Швеция) — за создание книг, любимых детьми всего мира;
- директору детского дома Антонине Павловне Хлебушкиной (СССР, Ташкент) — за гуманизм, добросердечие и воспитание 3250 детей.

Поскольку в этом году новая международная награда присуждается впервые, медалью имени Льва Толстого награждены также бывшие президенты Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей и юношества, внесшие большой вклад в дело сотрудничества деятелей культуры для детей и упрочение международного авторитета Ассоциации,— поэт А. Л. Барто (посмертно) и писатель С. В. Михалков.

**Альберт СЭБИН,
США**

Полиомиелит. Страшная болезнь, омрачающая детство, радость родителей. Когда-то от нее не было спасения. Победить недуг помогает вакцина, созданная американским ученым Альбертом Сэбином.

Имя профессора А. Сэбина, члена Национальной Академии наук США, иностранного члена Академии медицинских наук СССР, сегодня знает весь мир. Ведь только по неполным данным, противополиомиелитную прививку получили более двух миллиардов человек. Впервые же воздействие вакцины А. Сэбина было изучено и апробировано в СССР в 1956—1958 годах. Вскоре эти исследования были использованы для крупносерийного производства противополиомиелитной вакцины, которая экспортируется Советским Союзом во многие страны.

Широки научные интересы А. Сэбина. Он неоднократно бывал в нашей стране, участвовал в симпозиумах и конференциях. За свою неутомимую гуманную деятельность профессор А. Сэбин отмечен наградами разных стран, в том числе и советским орденом Дружбы народов.

**Астрид ЛИНДГРЕН,
Швеция**

Детская писательница Астрид Линдгрен за свою долгую жизнь написала более 30 книг. Наибольшую известность у детей получили ее повести о толстом, забавном человечке с пропеллером за спиной — Карлсоне, который живет на крыше. Эта удивительно светлая, человечная история учит детей добру, бескорыстию, правде.

На русском языке изданы и другие книги писательницы — «Пеппи Длинныйчулок», «Мио, мой Мио!», три повести об Эмиле из Лённеберги, «Калле Блумквист и Расмус», «На острове Сальтикрока». Выходит и последняя ее повесть — «Рони, dochь разбойника».

Произведения А. Линдгрен близки народному творчеству. Как в сказках, в них просто и мудро говорится о самом сложном. Книги писательницы полны жизни, огня, задора.

Каждая книга Астрид Линдгрен — это настоящий праздник для наших ребятишек. Пусть же к многочисленным наградам, которых удостоена писательница, прибавится еще одна — медаль имени Льва Толстого.

**Антонина ХЛЕБУШКИНА,
СССР**

Вся трудная, полная тревог жизни Антонины Павловны Хлебушкиной связана с детьми, с комсомолом. Еще в довоенные годы работала она пионервожатой в школе, была директором детского центра в Ташкенте. А с 1942 года и по сей день — директор детского дома № 1, созданного по инициативе комсомольцев Сталинградского фронта для детей воинов Красной Армии. В суровый 43-й Антонина Павловна стала коммунистом.

3250 ребятишек — столько прошло через детский дом за эти 45 лет. И все они помнят тепло рук Антонины Павловны, до сих пор называющей ее мамой. 1200 воспитанников Хлебушкиной получили высшее образование. Среди бывших ее питомцев — министр, народная артистка республики, рабочие, учителя, инженеры.

«Смена» не раз писала о большом, благородном труде Антонины Павловны, удостоенной ордена Трудового Красного Знамени, медалей. Хлебушкина — заслуженный учитель школы Узбекской ССР, лауреат премии Ленинского комсомола.

ОСЛИК

Отия ИОСЕЛИАНИ

Между дворами и заброшенным виноградником тянулся проселок, за виноградником, до зарослей колючей гледичии темнела пашня, а уж за ней раскинулся просторный луг — мы называли его Бекнарой.

От колючих зарослей Бекнара отлого уходит вниз, но чем ниже, тем заметнее выравнивается. За дикой грушей, растущей посреди луга, до топкой низины петляет разверстая балка. Видно, когда-то здесь текли потоки, способные проточить овраг глубиной больше человеческого роста и шириной местами шагов до десяти. Балка, сколько помню, сплошь зарастала травой.

Грунт на Бекнаре сплошь глинистый. Раньше землей с этой поляны обмазывали плетеные дома — пачхи. А в пачах и дощатых кухнях натаптывали из нее земляные полы. До войны на Бекнаре даже построили печь для обжига кирпича, но в глину тут и там зернышками черного перца подмешивались мелкие камешки, не переносящие обжига. При нагреве они лопались, рассыпались, и кирпич получался некачественный. А в Западной Грузии такой кирпич скоро раскисает от дождей и сырости. (Это почему-то поняли после того, как печь для обжига была возведена.) Цех забросили, но на его месте еще долго стояли пустая печь и длинные навесы с полками для сушки, где в дождь и в жару укрывались не только пастушата, но и скотина — коровы, телята, овцы.

В те годы мы переменили место наших сборов — из под дикой груши перебрались под заброшенные навесы. Играя в прятки, ловкому мальчишке нетрудно было найти там надежное укрытие — вскарабкаться повыше на полки или залезть в печь... Да-а, на нашем лугу было много такого, что могло занять подростка и навсегда остаться в душе как память о детстве. Чего стоила хотя бы старая дикая груша с большим дуплом, служившая нам укрытием от жары и дождя до постройки кирпичного цеха. Или топи на нижней границе луга с лягушками по кочкам и бережкам!

Удочек с яркими поплавками у нас не водилось, но, привязав к лягушачьей лапке прочную соломинку

и по пояс свешиваясь в бочаг, умелый и упрямый мальчишка мог выловить штук пять черных раков.

Вода в бочагах стояла зеленовато-желтая, мутная, и когда соломинка на привязанной к ней лягушачьей лапке опускалась на дно, ее не было видно. Наверное, раки потому так смело и бросались на приманку, что не видели нас.

Действовать следовало умело — решительно, но осторожно. С берега, возвышавшегося над бочажком пяди на две, одним глазом надо было следить за соломинкой и тянуть ее так плавно, чтобы рак, вцепившийся в лягушачью ножку, ни о чем не догадался. Но одной осторожности было мало. В мутной воде постепенно проступали очертания рака, и ты видел его глазами, либо рукой-то чувствовал с той самой минуты, как он вцепился в лягушку; различал черные усы, маленькие темно-синие выпученные глазки по обе стороны острого, как бы заточенного панцирного носа. И вот тут-то и приходило время проявить сообразительность, ловкость да и смелость тоже. Поначалу рак то ли удивлялся новым ощущениям, то ли его разбирало любопытство, но он не отрывал клешней от приманки. Пока он плялся на тебя своими длинными на ножках глазами, надо было, держа соломинку в левой руке, правую осторожно погрузить в воду, приблизить скобу и пальцы обхватить его за спину. Повторяю, правой рукой скобу да так, чтобы при этом не напороться на его острый панцирный нос и не угодить в клешни, не то, пусть тебе изрядно крови, он все равно не выпустил бы пальца.

Да-а, были у нас забавы, как не быть!..

Там, где раскидистый бук огибала удобная для арб дорога, можно было напороться на крепенькие грибы-сыроежки, а погожим утром на рассвете влажный от росы луг бывал, как жемчугом, усыпан грибами кама — округлые шляпки молочно-белого цвета размером с голубиные, а то и с куриные яйца; а снятый и перевернутый гриб показывал свой нежно-шелковистый испод цвета какао.

Когда первоклассник или второклассник возвращается из школы, на дворе, можно сказать, еще утро. Весенний, а тем более летний день весь впереди. В каникулы же с утра и до позднего вечера мы были на лугу. Теперь для нас многое переменилось, лес из темных страшных дебрей превратился в райские кущи: прохлада, душистая земляника, смуглая, колючая ежевика, гнезда дроздов и соек; мутные бочажки, пучеглазые лягушки, черепахи и раки... А над балкой, на взлобке, который по-нашему называется бекоби (возможно, отсюда и название луга — Бекнара), дождливым пасмурным днем выковыренная ржавым, без рукоятки ножом махонькая пещерка-печурка, в ней — мелкий, едко дымящий промокший хворост и заговор в три-четыре голоса:

Гори, гори, огонек,
Острынкий ты мой клинок,
Выковырай печку,
Разожги мне костерок,
Согрей пастушонка!..

А тут еще заброшенная печь для обжига кирпича и прочные длинные полки под навесом...

Нам уже по семь-восемь лет, и даже черная корова не очень-то осмеливается нас бодать.

Нет, что ни говори, а жить можно!..

Но, как вскоре выяснилось, все это было пустяками, мелочью.

Судьба, оказывается, решила нас побаловать, а мы даже и не догадывались.

По соседству с нами (впрочем, соседство было не таким уж близким) жил родственник отца, добрейший, справедливейший и не очень-то везучий человек Энуки. Энуки был трудяга. В колхозе и в своем хозяйстве работы хватало, и я помню его постоянно усталым и удрученным. У Энуки в Кутаиси жил брат, с отличием окончивший Харьковский медицинский институт. Может быть, он и впрямь понимал в медицине, а по-моему, так просто был умным психологом, видел характер и состояние больных и лечил не столько таблетками, микстурами и захаровскими отварами, сколько словом. Знахаря я помянул потому, что к нему как к знахарю бежали со всем, что бы ни заболело, и доктор никогда никому не сказал, что такую-то болезнь он не лечит, что она не по его части.

Про город и другие села не скажу — не знаю, а от наших сельчан, вернее, от жителей нашей общины (в общину входили три села) доктор за лечение не брал ни копейки. Как мы узнали позже, еще он лечил бесплатно актеров кутаисского театра. Однако практика, видать, у него была, и немалая: за год-другой он построил в деревне добротный деревянный дом и в городе приобрел большую квартиру с двором и садом.

У врача было три сына, все трое старше меня. Насколько я знаю, машин и велосипедов в Кутаиси в те времена было мало, доктора к больным возили в коляске, вот его мальчишкам и захотелось иметь свою коляску, да еще с лошадью. А когда при желании есть и возможности, считай, что дело в шляпе.

Коляску докторским сыновьям смастерили не маленькую, в нее свободно садился один из братьев, надо полагать, чаще это был старший; но если садился один, а двое запрягались и везли, думаю, что для

них удовольствие это было ниже среднего. Коляска — вещь хорошая, но к ней, как известно, нужна лошадь. В маленькую коляску лучше запрячь маленькую лошадь. А где ее взять?.. Жеребенок, конечно, маленький. Но жеребенок не может без мамы, да и в упряжке он неизвестно что выкинет. Думали-думали, как быть, что делать, и вспомнили про ишака. Кто-нибудь, пожалуй, удивится: неужели, чтобы вспомнить про ишака, надо было столько думать? Но в Нижней Имеретии ишака знают разве что по картинкам или если видели проездом где-нибудь в Восточной Грузии, особенно в Кахетии... Словом, купили мальчишкам маленького, только-только отваженного от матери ишака. Где купили и как привели в город — не скажу, не знаю.

Холили того ишака, ласкали, баловали дай бог каждому! А работы у него было немного: в маленьком городском дворике возил игрушечную коляску и в ней — мальчишек. Мальчишки подрастили медленно, а ишак быстро и скоро вырос в здорового ишака. Вырос и стал волить по-ишачьи, переполошил весь околоток, всю улицу. В городе в те годы была тишина, кутаисцы к ишачьим серенадам непривычны, даже хохляевам эти сплые волни пришли не очень-то по душе...

Долго мальчишки не могли расстаться со своим любимцем. Закопали хлев, в котором тот жил, завесили окно деревою в три слоя, но ишак и в темноте знал свое дело...

«Папочка, он больше не будет», «Клянусь, больше не будет», «Я дам ему сахару, чтоб не кричал». Укоры, ласки, уговоры, поощрения — все тщетно. Ишак мог запеть в самую неожиданную и неподходящую минуту — даже с мешком овса на морде. Что оставалось делать? О том, чтобы продать ишака или просто выбросить, не могло быть и речи. Мальчишки отвели его в нашу деревню, к дяде, с тем чтобы с субботы на воскресенье ездить в гости и играть со своим любимцем, хорошо ухоженным и упитанным — ведь луговая трава лучше городских кормов.

В тогданим учебнике «Родной речи» был такой рисунок: верхом на ишаке сидел босоногий мальчик и на вытянутой вперед палке держал пучок травы. Мы все понимали, что, не сумев стронуть с места упрямую скотину, всадник прибегнул к хитрости, и удивлялись его сообразительности.

Никто из нас никогда не бывал ни в Картили, ни в Кахетии, ни даже в Верхней Имеретии. Так что все наше знакомство с ишаком ограничивалось рисунком из учебника.

А тут — вот он!.. На нашем лугу, перед нашими глазами!.. Средь бела дня, при ясном солнце... И это нам не привиделось, не померицилось... То ли с неба сплетет, то ли из земли вырос — ведь тогда мы не знали, как было дело. Вот он, вот, живой, настоящий, голубовато-белый, дымчатый, прекрасный, о каком мы не мечтали, — топает себе копытцами.

Не думаю, чтобы кто-нибудь из моих сверстников помыслил бы тогда о таком подарке, испытал бы подобную радость!

Вот он!.. Вот здесь!.. Стоит на краю оврага и виден от колючей изгороди ясно, четко, и не какой-нибудь, а голубовато-белый, цвета облака... Прямо и не знаю: и цветом хорош, и ноги хороши, и голова, и хвост, но особенно уши! Ах, какие прелестные уши! Ничего лучше мы в жизни не видели. Теперь-то видим, но ведь и виденному надо еще поверить!

Вот я стою и из-под навеса для сушки кирпича смотрю на него. Солнце, правда, яркое, утреннее, и воздух такой прозрачный, что виден не только из края в край весь луг; пожалуй, можно было бы увидеть на облаках того бабушкиного бога, который и для нас выкроил время и сотворил такое чудо... Но вдруг при приближении оно исчезнет! Нет, днем, при свете солнца такого не бывает. Видения возникают ночью, без лунной ночью да и при луне тоже; когда ищешь в лесу потерянную скотину, чего не привидится... Ну, положим, я фантазер, положим, мне и на небе мерещились скакуны и крылатые кони, но мой брат! Но остальные мои соседи и товарищи!

— Бичноца, ведь это ишак, верно? — Бичноца постарше нас и поопытнее, с него спрос больше.

— Индико, вымахал верста, так уж присмотрись внимательнее!

— Буду, Шотаца, Витали, смотрите, братцы!

— Резо, Залико! Иорам, прохиндей чертов!

— Кукурия, что это там стоит на пригорке и прядет такими ушами, свихнуться можно!

— Девочки, ну чего вы жметесь в такую жару друг к другу. Гляньте! Вы ведь тоже видите? Только честно...

Иорам все-таки самый решительный и смелый из нас. Не раздумывая, пошел к пригорку. Все, кроме девочек, вскочили и за них, но...

— Погодите! И-а, и-а, погоди! Резо, ты-то куда? Того же ума! Если мы все налетим разом, вдруг спугнем. Вдруг он исчезнет, улетит...

— Улетит? Птичка он, что ли? — удивляется Иорам.

— И-а, и-а! Да ты же! Убежит же!

— Куда денется? Дальше этого луга не убежит! — Не останавливается Иорам: этот и черта сумеет поймать, ишаку от такого не улетят.

— Много ты знаешь!

— А чего тут знать? Это же ишак. Осел.

— Так говоришь, как будто у твоего отца их двенадцать...

— У моего отца их нету, но ишака я все равно знаю.

— Стой, и-а, стой!.. Тс... Будуна, отойди, не налезай. Шарванди, скажи своему брату. Бичноца и Индико, чего это вытянулись во весь рост? Пригнитесь немножко, и пойдем низом по склону оврага! Вот так... Тише, тише, на цыпочках.

— Я его сверху обойду! — сообщил Иорам.

— Не надо его обходить.

— Ты тут не затевай ничего, это ишак Энуки, его из Кутаиси привели!

— А где он у них был в Кутаиси?

— У его брата.

— Его брат что — ишаков пасет?

— Да доктор он.

— Будет заливать! Где доктор — где ишак? Заткнись лучше!

Пробираемся по склону оврага, но овраг тут не глубок. Не только Бичноца с Индико, мы все крадемся, согнувшись в три погибели, жмемся к тому склону, на котором стоит это чудесное создание: стоит, и хлопает ушами, и обмахивается коротким хвостиком. Продвигаемся вперед, но сердце у меня готово выскоочить: что он сделает, когда мы подойдем поближе и он увидит нас? Скакнет и исчезнет? Или оскалит зубы и пойдет на нас? Или, напротив, повернется к нам задом и станет быкаться и лягать?

Сердца у нас от страха колются. Крадемся, подираемся, а он стоит себе и на нас ноль внимания, даже и не смотрит в нашу сторону. Мы только искоса успеваем глянуть на пригорк, овраг не так крут и глубок, чтобы укрыть нас надежно; если не прижаться к земле, не припасть всем телом, он может заметить и вдруг рванет и исчезнет, что нам тогда делать, где искать его?

Да, это и впрямь ты, ослик! Стоишь на маленьких, с кулачком, копытцах! И подковы тебе достаточно маленькой, со стариинным полтинником. Как же ты стоишь так прочно на таких тонких ногах? Брюхо бледно-соломенного цвета малость обвисло, не то, что у жеребенка, но глядим на тебя, и кажется, что это жеребята слишком поджарые и голенастые. Не тебя же упрекать в некрасивости. Темный, почти черный крап, мягкий и нежный, как у лошади. Цвета глаз мы еще не видим, ты смотришь в другую сторону, но от того, как ты ушами отгоняешь мух, можно просто сойти с ума! Одно это чего стоит! Ни у кого на целом свете нет таких ушей. На твои уши можно смотреть, не отрывая глаз, и смеяться, смеяться...

А спина? До спины дотягнешься рукой. Она не слишком высока, не надо ставить тебя в ложбинку или карабкаться на валун или плетень; ловкий мальчишка сумеет сесть верхом на ровном месте. Потом подвесит к палке пучок травы, и побежит наш ослик! В сущности, ведь и то к счастью, что ума у него не слишком много: знай он, что никогда не дотягнется до той травы, уперся бы и не с места — ведь говорят, характер у него упрямый...

Господи, да кому нужен его бег! Его жалко гонять не то что галопом, даже рысью. На него любоваться — и достаточно. А если он позволит погладить себя по спине и съест из твоих рук траву, собранную на дне оврага, ты будешь вполне счастлив!..

Шота на четвереньках карабкается вверх, его тащит туда упрямство и неудержанное желание дотронуться до этого чуда. Испуганный и возбужденный, ослик оглядывается на нас и щерится. Смеется. Смеется раньше времени, а это не к добру. Да и смех ли это?

— Назад, Шота! Назад, парень!

— Шота, тебе говорю!

Оглянулся... Ослик оглянулся и увидел нас.

Глаза... Глаза у него оказались размером с куриное яйцо. Сливы для нас плод не чуждый, со сливами в самый раз сравнивать синеву этих глаз. Во всяком случае, лучше этих глаз мы не видели. Он сам был мерилом красоты, и с ним надо было сравнивать то, что прекрасно. Породистый скакун, и тот рядом с ним показался бы некрасивым: широкие расшлепанные копыта, коротенькие уши, мосластые ноги, здоровенный круглый, длинный, свисающий до земли хвост с приставшими к нему репьями... А у нашего ослика хвост оказался тугой и гибкий, как хорошо сплетенный хлыст, и только на кончике крошечная метелка.

Убедившись, что ослик не обратил на Шоту ни малейшего внимания, мы вскочили и взбежали на пригорк, сидячими зависостью оттого, что Шота, а не мы осмелились на такое. Иорам даже встал во весь рост и обошел его с головы.

Я хотел было крикнуть: «Что ты делаешь! Ты же все загубишь!..» Но ослик не волнуется, никуда не бежит, зачем же заранее впадать в отчаяние?

К нам присоединились девочки, и мы составили довольно большой круг с осликом в середине. А ему хоть бы что; думаю, ему даже пришлась по душе детская компания. Я это заключил из того, что он с удовольствием пощипывал травку и спокойно озирался. Надо признать, что наше кольцо получилось овальным, вытянутым в сторону головы и особенно ишачьего хвоста, но скоро мы убедились, что предосторожности излишни.

Он был просто создан для нас. Если мечте суждено сбыться, то он был сбывающейся мечтой. Если человеку выпадают минуты счастья, то это были именно те самые минуты.

Стоит посреди живого кольца, чувствует себя чуточку не в своей тарелке: в городе-то больше на привязи жил, а тут вольный, на лугу, но на радостях не стал носиться галопом и взбрыкивать, а немножко растерялся. Видно, детей он любил: когда в городе его выводили из загона, с ним все время были мальчишки, и солнце, и зелень травы казались ему неотделимыми от детей. Очень даже может быть, что он как бы ждал нас и скучал в одиночестве, и хотя нас оказалось много больше трех, он не слишком утруждал свою голову подсчетами. Вокруг опять были дети, а сколько — не имело значения!.. Если тебе до смерти надоел тесный, как тюрьма, загончик с занавешенным оконцем и ты стоишь и мечтаешь о детях, траве и солнце и в один прекрасный день получаешь то и другое с избытком, тут впору опасаться, перенесешь ли ты такое счастье. Пожалуй, и впрямь нелегко перенести подобную щедрость судьбы, но ослик наш оказался крепок в полном соответствии со своей породой и вел себя спокойно, во всяком случае, с достоинством, не то, что мы.

Уверен, не все из нас знали, что ишак время от времени кричит. А те, кто знал, никогда не видели, как он это делает, и не слышали его вопля.

И вот в ту самую минуту, когда мы, словно вокруг сказочной жар-птицы, пядь за пядью сужали наш круг и каждую секунду опасались, что вот сейчас наше видение взмахнет яркими крыльями и улетит, неожиданно, не выразив предварительно на физиономии ни малейшего неудовольствия, ослик резко задрал голову, прижал к голове уши, закрыл глаза, разинул рот, оскалил зубы, с хрипом втянул воздух и как затянулся... как заладил!.. Нас он перепугал до смерти, до холодного ужаса, но, оправившись от первого испуга, мы решили, что он задыхается и вот-вот лопнет у нас на глазах. И ведь заладил — не кончает! С перепугу мы даже не сумели убежать, нас точно по ногам связали, и все разом — и мальчики, и девочки — повалились на траву. Не смея приподняться, мы отползали от него на четвереньках, а некоторые просто распластились на месте и зажали ладонями уши. Все пропало!.. Мы и представить себе не могли, что его можно спасти — попавшего в беду и так отчаянно хрюпло вопяющего.

Но вот он смолк, так же неожиданно, как и завопил, и даже принял опять пощипывать травку, будто не он только что переполошил весь белый свет и до смерти напугал нас.

Смотрим мы на него, потом друг на друга, и разбирает нас смех. Ну смеемся! Прямо катаемся по траве и встать не можем! А если б кто стоял на ногах, то повалился бы от смеха — это точно. Смеемся до колик, до слез. Верно, не видели мы ничего смешнее. Держась за животы, катаемся по земле, аж всю траву вокруг смяли — вытолтали.

Но в конце концов отсмеялись и умолкли. А он-то хорош: стоит как ни в чем не бывало, как будто ничего удивительного не произошло, и теперь уже эта его невозмутимость смешит нас, и мы молотим друг друга по спинам, без сил валимся на землю и пригоршнями рвем траву.

В жизни не видел ничего прекраснее его, наивнее и смешнее. Смешной до обморока — вот какой был наш ослик.

В тот день были разорены все близкие к пастбищу нивы и огороды. Скотина носилась по лесам и чесалась загривками о стволы дубов. Остались несъеденные из дома кукурузные лепешки с кусочком сыра. В тот день мы не заметили, как темнело и наступила ночь. И в ту ночь сон отлетел от нас, и долго, слишком долго не наступало утро.

На другой день... Я даже и не знал, что в нашем селе столько детишек! Надо было видеть, как вели себя мы — вчерашние «старые знакомые» ослика, как свысока, с гордостью поглядывали на «сегодняшних» новичков и незнайок. Но никого из них такое наше поведение не задевало, они ловили каждое наше слово...

Когда счастье подступает к твоей двери, если ты не знаешь ей цену и не распахнешь дверь пошире, оно ведь и мимо может пройти. Нет, мы не допустили ни малейшего промаха. Радость пришла неожиданно-негаданно, щедро, с открытым сердцем, но и мы встретили ее с душой нараспашку. И даже со временем не стало так, как в любимой бабушкиной поговорке: «Привычному глазу и икона доска». Мы всегда знали золотую цену той радости, знаем ее и сейчас.

Но видели бы вы, что творилось на лугу потом, когда мы стали садиться верхом на ишака! Думаете, он возмутился, взбрькнул? Ничуть не бывало. Он даже не упирался, а мы-то думали, без пучка травы на палке он не сдвинется с места. Поначалу никто не смел стегнуть его прутником или хлыстом, ему было достаточно и уговоров: «Веселей, моя лошадка! Но!», «Не достал тебе седла я...», «Мой рысак другим не пар...» — для успеха хватало и этих стишков.

Выяснилось, что он не создан для бурного галопа, но ведь и мы не были наездниками и вовсе не стремились гонять его до разлития желчи. Он возил нас на

себе без седла и уздечки — ну разве мы могли пожаловаться на судьбу!

Время больше не шло, оно словно остановилось... Но с тех самых дней я понял, что человеческое сердце... не скажу совсем уж резко — «жадное» или «ненасыщенное», но что-то сродни этим качествам свойственно ему.

Видит бог, для одного ишака нас было слишком много. Он-то, наш благодетель, был терпелив, как Иов, но мы... Мы не смогли преодолеть свое детство и детское нетерпение.

За весь день каждому из нас удавалось два, от силы три раза осуществить мечту и проехаться верхом. Однако человек остается человеком: постепенно в нашей среде проявились такие свойства, как упрямство, власть, а то и несправедливость. Даже взрослые, кто похитрее и посильнее, не очень-то считаются со слабым и простодушным, чего же говорить о мальчишках, мечтающих прокатиться на ишаке, — разве они пощадят слабого? Не скажу, что порядок и очередь слишком уж разбояничи нарушались, но... Кажется, это был Иорам: когда на ишака посадили маленького мальчишку, а ишак даже веса не почувствовал... Да, точно это был Иорам — он примостился за малчуганом сзади; вроде и очередь у слабого не отняла, и ишак не стал занимать под слишком маленький «груз».

Все затаили дыхание: думали, что двое нахалов, взгромоздившихся на это маленькое тонконогое создание, вырвут счастье из наших рук, обратят свод небес... Но это все мы, наше воображение и фантазия, а ослик потопал себе как ни в чем не бывало, точно так же, как тогда, когда на нем сидел один мальчишка.

Вот сейчас у него подкосятся ноги, и он рухнет. Сейчас подломятся тонкие щиколотки, и прощай! Вот-вот с хрустом проломится хребтина, и...

Куда там — идет себе, и хоть бы что!.. Похлестывает хвостиком по ногам заднего из всадников. Обошел луг раз, потом другой и остановился. Спрыгнул Иорам — он в восторге: вот это открытие! Оказывается, на нем могут ездить двое мальчишек, а мы по полдня простоявали в очереди.

Сначала мы все-таки осторожничали и пару наездников подбирали помладше или помельче. А те, кто покрупнее, садились поодиночке. Дело пошло на лад. Никто не был в обиде.

Потом один большой мальчишка стал сажать с собой малыша. Постепенно мы привыкли к тому, что два всадника, даже и полномерные, не очень обременяли ишака, а погода решила, что между двумя большими и тремя маленькими мальчишками не такая уж большая разница в весе.

Трое маленьких или двое больших: дело отладилось, как часы. О лучшем и не приходилось мечтать. Девочкам — смуглой, худенькой Джульетте, светловолосой Пацунии и моей двоюродной сестре Назико — мы, разумеется, не предлагали сесть на ишака, но они видели такое прекрасное зрелище, и, я думаю, этого им было вполне достаточно, они не могли пожаловаться на судьбу.

Единственное, к чему при всем своем терпении и покладистости не мог привыкнуть наш ослик — это к четырем всадникам. Во-первых, потому, что спина его была коротка для такого груза, во-вторых, силы его были небезграничны. Ослик вроде бы не слишком упирался, пока «произвождилась посадка», но стоило ему почувствовать, что груз не умещается на спине, он направлялся к нашему оврагу, становился передними ногами вниз на скат оврага, наклонял голову, и сидящий на холке, цепляясь за короткую гриву, медленно соскальзывал вниз, в овраг: то есть ишак осторожно сваливал его туда.

Это сбрасывание в овраг только поначалу было неожиданным, когда же «сверженный» всадник как ни в чем не бывало вскочил, без раны и без ушиба, «падение» с ишачьей шеи в овраг стало нашим любимым развлечением. Оставалось место на ишачьей спине не или не оставалось — неважно; четвертый все равно пристраивался сзади, прилипал, цепляясь за передних, и ишак шел к краю оврага, чтобы облегчить себе ножу.

Наш возчик наверняка пасся по ночам — днем у него не оставалось для этого времени. Но надо признаться, он заметно походел, словно уменьшился, на боках и загривке выплыли kostи. Особенно неудобно было сидеть на худой спине переднему всаднику, до того, как его скидывали в овраг, а второй, третий и в особенности четвертый всадник чувствовали себя нормально.

Мы росли, подаренное осликом счастье давало нам силы; а он оставался тем, кем был: терпеливым, спокойным, верным другом. К слову сказать, от того, что в наших краях не держат ишаков, там не знают, как их использовать в хозяйстве. Разве что разок-другой сгоняют на мельницу с кукурузой или за помоем, а так жил наш ослик себе на воле, на лугу на радость мальчишкам. И хозяин у него был не такой, чтобы с палкой гоняться за нами — почему, дескать, скотину мучает, не дает покоя. Если мы замечали где-нибудь тяжело бредущего, усталого Энку, то сами оставляли ишака в покое и прятались в навесах для сушки кирпича или в дупле старой груши, но Энку и не думал гнать нас.

В третьем классе мы с братом перешли жить к тетушке в соседнюю деревню, теперь только по воскресеньям да еще в каникулы мы могли покататься верхом на ослике.

Когда наши сверстники подросли, пастушатами и счастливыми наездниками стали их младшие братья и сестры.

Потом началась война. Начались такие беды и страдания, от каких не мог излечить даже наш всемогущий ослик. Некоторые мои одноклассники перешли учиться в районный центр, другие освоили ремесло или стали хоряничать на полях, в виноградниках, на мельнице, стали работать за старших. Неподъемный груз военного детства не мог уместиться на ишачьей спине; наши ослики и четверых-то не носили. Раскидало в разные стороны, и, на счастье, ослик так исчез из нашей жизни, что мы и не заметили. Наверное, нам и не очень хотелось уточнять, что с ним.

В том, как мне запомнилось его появление на лугу Бекнара, вы могли убедиться сами, а вот его исчезновение, уход не помню. Мне и сейчас кажется, что если я очень захочу и хорошоенько поищу, то увижу его где-нибудь на лугу возле моей деревни с четырьмя всадниками на спине, переднего из которых он осторожно сбрасывает в овраг.

Порой в трудную минуту мне случалось пожаловатьсь в сердца: «Что у меня за жизнь! Ни крошки радости не перепало!.. Ну вот я и убедился, что был глубоко не прав.

...Недавно мне довелось побывать в Кахетии, в гостях у моего друга (возможно, и истории про ослика я решил рассказать после той поездки). У друга болел отец, и я заехал навестить его. Добрались поздно, хозяин, к счастью, встретил нас на ногах, ну и сами знаете, как это бывает, — грузинским обычаем мы не изменили и в ту ночь... Словом, заночевали. С утра я был не в настроении. С вином получился перебор, да и в Кахетии его научились делать по сомнительным рецептам, и погода, как нарочно, стояла гнусная...

Утром взрослым, слава богу, было не до меня. Ребенок — мальчишка лет шести — вошел в мое положение и решил посочувствовать. Умеют дети выражать расположение, есть у них для этого всякие приемы; если ты уделишь ему внимание, то и он в долгую не останется. Тут уж, будь добр, не хмурься и не мотай головой.

Притянул мальчишку разные игрушки, в том числе саблю, разумеется, пластмассовую, и шлем — шлем был настоящий, какие надевают мотоциклисты, и это особенно нравилось мальчику. Я, конечно, похвалил его игрушки и сумел сделать это не совсем сухо, а шлем даже напялил на голову; во-первых, потому, что он налез на меня, а во-вторых, теперь я был при деле.

После этого мальчишку выкатился ко мне верхом на деревянном коне: конь скрипел при езде колесами кизилового цвета; мальчишка едва доставал ногами до пола. На голове шлем (теперь он был на нем), на боку сабля. Чего еще? Пусть только кто-нибудь посмеет обидеть его гостя, и он молнией обрушится на обидчика... Но как я ни старался, физиономия моя оставалась довольно кислой.

В это время где-то на соседнем дворе закричал ишак. Мальчишка очень удивился, увидев, как у меня мигом исправилось настроение: я засмеялся, подошел к окну и стал смотреть.

Поначалу мальчишка решил, что это он развлек меня. Ишачьего крика он не слышал, вернее, не обратил на него внимания и удивленно спросил:

— Дядя, ты куда это смотришь?
— Вон, погляди!

Мальчишка подлетел к окну, шлемом чуть не вышиб стекло.

— И чего?

Передо мной стоял рыцарь, готовый сразиться с любой несправедливостью, в настоящем шлеме, с мечом и почти живым конем, а я, приехавший откуда-то скучный и хмурый дядька, перестал обращать на него внимание и уставился в окно. Что я обнаружил там такого уж необыкновенного?

— Вон, погляди!

— А чего там?! — Мальчишка настолько не представлял, что в его дворе может быть что-то интересное, что даже отвернулся от окна.

— Посмотри, какой он красивый, какой прекрасный, какой у него голос, какие уши!.. И хоть он черный, но все равно...

— Э-э, да это же осел!

— Не осел, а ослик, — поправил я.

Мальчишка обиделся. Он никак не мог поверить, что ослик этот улучшил мое настроение. А если я прикидываюсь и изображаю такое для него, то он уже большой для подобного розыгрыша.

Не знаю, пожалеет ли кто-нибудь в этом мире меня, но того мальчишку я точно пожалел: тут, рядышком, за плетнем щипало траву живое четырехногое существо дороже и удивительнее многих чудес света, а он не знал ему цены и ни в грош не ставил.

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Владислав ЧИРКОВ

Колыбель и винтовка... Казалось бы, несочетаемо. Но сколько раз видели мы прекрасные, исполненные нежности и бесстрашения благородные лица мадонн революции, прижимавших к груди ребенка и державших в руках оружие...

Над колыбелью детей Никарагуа звучат не только песни матерей, над ними еще свистят пули. И это не абстрактная формула, а, увы, реальные сегодняшние будни мужественного народа страны Сандино.

Каждый раз, когда я встречаюсь с людьми этой страны, когда вижу, с какой необыкновенной, по особому пристальной заботой обходятся они

с детьми, сколько неподдельной сердечности и широты души дарят им, почему-то приходят в голову горькие мысли о тех малышах, которые погибли, о тех, у кого погибли отцы и матери.

Народ, насчитывающий чуть больше трех миллионов человек, за 8 лет неофициальной войны США против Никарагуа потерял 12 тысяч граждан, в том числе больше тысячи детей в возрасте до 12 лет. Они погибли в пылающих хижинах, подожженных засланными карательями, их расстреливали на улицах, когда они играли или спешали в школу.

Трагедии, которые переживает наш сложный и противоречивый век, мно-

голики. Но эта, должно быть, самая страшная: когда бомбу швыряют в детскую колыбель...

И все же жизнь сильнее!

Мне вспоминаются слова замечательного поэта и гражданина Никарагуа Руэна Дарио, называвшего свой народ «певчим, сильным и гордым».

Если в стране, где свистят бандитские пули и полыхают крестьянские поля, в стране, которую пытаются взять измором и где далеко не каждый и не каждый день удается наесться досыта, если в такой стране люди каждый вечер заполняют библиотеки, театры и концертные залы, если идут по пыльным горным дорогам, навстречу ненависти и ко-

Юный знаменосец революции.

Колыбель и винтовка...
Будни Никарагуа.

Открытие нового мира началось...

Он узнал, что такое «контрас».

Революция и романтика, революция и поэзия...

варству «контрас» добровольцы-бригадисты, чтобы обучать грамоте рабочих и крестьян, то эта страна, эта революция непобедимы. Ибо суть ее — человечность, гуманизм, смелая мечта о добром Завтра для своих детей.

Огромен ущерб, который понесла Никарагуа от военных действий и экономической блокады Вашингтона. Его исчисляют почти тремя миллиардами долларов. Вдумайтесь, что это означает для отнюда не богатой маленькой страны. И тем не менее медицинское обслуживание в Никарагуа бесплатно. Вдвое по сравнению с дореволюционным периодом снижена детская смертность. Бесплатно и образование. Революция гордится своими новыми школами, гордится тем, что там изучают науку дружбы и человеческого товарищества.

Никарагуанцам, как воздух, нужен мир. Но какой только лжи не изобретают в Белом доме, толкая об «агрессивных замыслах» Никарагуа! Дескать, если сандинистов не «остановить», то возникнет угроза и Панамскому каналу, и американским перевозкам в Карибском море, и даже национальной безопасности США, не говоря уже о том, что всю Центральную Америку захлестнут.

по выражению Рейгана, «красные волны».

При всей своей антикоммунистической ослепленности в Вашингтоне понимают: никарагуанцы мечтают вовсе не о том, чтобы заняться изменением существующих порядков в других странах, а о том, чтобы их оставили в покое и они могли бы полностью посвятить себя благоустройству собственного дома, будущему своих детей.

...Мне не раз говорили, что лучшие песни Никарагуа, звучат ли они на испанском или на языках индейских племен, — это колыбельные. Не знаю, быть может, это относится ко всем песням, которые поют в нашем беспокойном и тревожном мире. Но когда речь идет о Никарагуа, понимаешь, каким это сегодня наполнено высоким смыслом.

Дети Никарагуа — это сегодняшняя боль и завтрашняя гордость щедрого и мудрого народа.

Так пусть колыбельным песням не придется прерываться автоматными очередями и свистом пули.

Вашингтон приговорил революционную Никарагуа к смерти.

Никарагуа приговорила себя к жизни, и история утвердила этот приговор.

РЖАВЧИНА

Михаил ПЕЧЕРСКИЙ,
специальный корреспондент «Смены»

Все остальное будет понятнее, если сначала я расскажу об одном человеке, который в этой истории сыграл немаловажную роль. Многие считают его правдолюбцем и борцом за справедливость. Это мнение подогревается тем, что он часто выступает с критикой на собраниях и указывает на недостатки.

— Знаю его давно, — атtestовал мне Сергея Вуккера секретарь комитета комсомола Восточно-Казахстанского машиностроительного завода Александр Эртман. — Уважаю за честность и принципиальность. А также за умение работать. Токарь экстра-класса. На заводских и даже областных конкурсах профессионального мастерства всегда выходит победителем. Парень что надо.

Я спросил Вуккера:

— Это верно, что вы однажды прямо из-под носа «увели» выгодную работу у Геннадия Сурина?

— Было дело, — не стал отрицаться Сергей. — А что мне оставалось? Радоваться, что Сурин получил хороший наряд и будет иметь на нем хороший приварок, а я в это время должен выколачивать колечки из шайбочек, болтов, гаечек?

— Да ведь ваш товарищ.

— Ну уж нет. У меня как-никак шестой разряд, семья, и я имею полное право наличную мужскую зарплату.

— Но у Сурина тоже семья и тоже шестой разряд...

— Его заботы — не моя печаль. Пусть не зевает. У нас ведь это не новость — любыми способами перехватить такой наряд, чтобы потом не тосковать над платежной ведомостью. Не я первый, не я последний.

— И все же, не понимаю... Чего вам было делить в одном-то коллективе? Дело ведь общее...

— А зарплата? — остро глянул на меня Сергей. — Ее тоже, что ли, в общий котел? Даешь уравниловку? Но вы же знаете, что записано в Конституции: «От каждого по способностям — каждому по труду».

— Но с Сурином-то, с какой стороны ни подойди, получилось совсем не по закону: ни по писаному, ни по нравственному.

— А! Пусть не зевает...

«Зевок» у Геннадия Сурина получил вот какой. На заводе выпускают сотни различных машин, механизмов, приспособлений, агрегатов и запчастей по разовым заказам многих предприятий Министерства цветной металлургии СССР, зачастую даже в одном-единственном экземпляре. Для станочников это означает необходимость обрабатывать детали много, но небольшими сериями. За смену им нередко приходится делать несколько переналадок. Теряется время, снижаются темпы, что отражается и на заработках. Если токарям, которые работают на малых станках, именуемых здесь «двадцатками», случается иметь дело с более-менее крупной серией заготовок повышенной сложности обработки, — это уже как подарок судьбы.

Вот такой «подарок» и получил однажды токарь второго механосборочного цеха Геннадий Сурин. Ему надлежало обработать сорок колес к устройству

для сжигания топлива. А четыре десятка таких колес — это целая неделя без всяких переналадок. И, конечно, хороший заработка. Вуккер доставил шайбы, болты и гайки. Мелочь.

Дело было в пятницу после обеда. Сурин успел начерно обработать десяток заготовок, а затем вместе с Владимиром Маметьевым и Сергеем Вуккером отправился домой. На углу одной из улиц Усть-Каменогорска приятели распрошались. Вуккер немного выжал и... рванул обратно в цех. Торопясь, перетаскал к своему станку тридцать оставшихся без присмотра суринских заготовок и до последнего ночных автобуса делал им черновую обдирку.

Утром в понедельник поднялся великий шум. Вспыльчивый профорг комсомольско-молодежного коллектива Геннадий Сурин и уравновешенный группоморг Сергей Вуккер едва не дошли до первобытного «выяснения отношений». Спасибо Николаю Бабичеву: он решительно вмешался во взрывоопасную ситуацию и не дал свершиться поединку. Руководитель КМК Алексей Одинцов, принявший на себя обязанности третейского судьи, подытожил рассудительно и кратко:

— Плюнь, профорг, уступи комсоргу. И не бери близко к сердцу. Сегодня он тебя, а завтра ты его объегоришь.

Подумав немного, он принял компромиссное решение:

— Чтоб ни тому, ни другому не было обидно, пусть-ка теперь за эти заготовки возьмется Маметьев.

Тот не стал принципиальничать, отнекиваться и вдаваться в психологические тонкости возникшей проблемы. Работа денежная — грех отказываться.

«Благодаря согласию растут малые государства, из-за раздоров гибнут великие державы», — заметили когда-то наблюдательные эллины. Бригада не государство. Но и к ней подходит мудрый вывод древних греков.

Когда пять лет назад во втором цехе создавался КМК, ни у кого, пожалуй, не возникало сомнений в преимуществах

бригадной формы организации и оплаты труда. Новорожденному комсомольско-молодежному коллективу будущее рисовалось безоблачным. Бригада получает задание — изготовить машинно-комплект, и все семнадцать токарей начинают согласно трудиться на единий наряд с оплатой по конечному результату, помогая друг другу и демократично решая свои проблемы.

Реальность, однако, сразу внесла коррективы в радужные надежды. Цеховая администрация не позабыла о том, чтобы стопроцентно обеспечивать бригаду необходимыми заготовками. Вместо того, чтобы навести в этом деле порядок, цеховое начальство приняло «соломоново» решение: о машинно-комплектах забыть, а продолжать работать как и раньше: по индивидуальным нарядам. Правда, чтобы хоть как-то соответствовать духу времени и не портить статистическую отчетность, куда КМК уже был впечатан черным по белому, здесь старым методам постарались придать атрибуты новизны: создали совет бригады, избрали профорга и группоморга, ввели КТУ, велели бригадиру раздавать и закрывать наряды.

Алексей Степанович Одинцов стал охотно раздавать и закрывать. При этом, однако, довольно скоро обнаружилось, что лидер КМК имеет весьма смутное представление о справедливости. Ему казалось, что главным измерителем человеческих ценностей является рубль, а справедливость заключается в том, чтобы у него как у главы коллектива он был наиболее полновесным. Большой дока по этой части Сергей Вуккер, используя свои полномочия комсорга, провел с лидером беседу, в ходе которой убедил Алексея Степановича, что рубль, конечно, главный измеритель, но в одиночку бороться за справедливость негоже. Один в поле не воин. Надо иметь надежных соратников, которые в случае чего могут занять вокруг бригадира глухую круговую оборону.

Одинцов оценил намек комсорга. Отныне, подбирая себе самую выгодную работу и пропуская самый высокий КТУ, они всем составом совета бригады бились за каждый заветный полновесный рубль. Сергей Вуккер, Владимир Маметьев, Вячеслав Решетников, Юрий Булгаков и, конечно, сам бригадир могли зарабатывать до пятисот рублей в месяц, а многие другие, особенно из числа молодых и менее опытных токарей, — намного меньше.

В бригаде стали возникать конфликты. Недовольные члены КМК, после каждой получки роптали и требовали объяснений. Лидер скликнул своих преданных помощников, те крутили луговицы на пиджаках у недовольных и пускались в туманные рассуждения о том, что полновесная зарплата зависит от КТУ, который выводится на основе тарифного заработка, а на него, в свою очередь, давят потолок фонда заработной платы, система материально-технического снабжения и целый ряд других железных обстоятельств. И вообще, ребята, бригадир свое дело знает тут, он по каждому из вас ведет скрупулезные подсчеты и расчеты. Ребята шли к своему профоргу. Тот давил на бригадира:

— Почему выгодные работы ты даешь только очень узкому кругу?

— Потому что мне виднее, кто на что способен и что кому можно доверить.

После подобных разговоров бригадир кое-кому иногда все же подкидывал хорошую работу, но своего общего стратегического направления не менял и меячи не собирался. Конфликты, временно затухая, разгорались снова. Не было в КМК спокойствия и мира. Падало у людей настроение, не пробуждала радости работа, ржавели и портились контакты взаимономинации. Неловко чувствуя себя в этой нервной обстановке, «востстал» член совета бригады Юрий Булгаков:

— Как хотите, ребята, а я в такие игры больше не играю...

Но не дрогнули члены совета, твердо стояли на своем. Поднимешь КТУ другим — сам останешься внакладе. Зачем? И не выдержал Юрий Булгаков: подал заявление, перешел от греха подальше на другой участок. Не захотели больше оставаться «под крылом» Алексея Одинцова и его окружения Геннадий Сурин, Николай Бабичев, покинули бригаду Владимир Ганзин, Геннадий Казанский и многие другие, особенно из числа молодых.

— Не хочу работать в коллективе, где нет коллективизма, элементарной порядочности и каждый только за себя, — объясняет мотивы своего ухода Николай Бабичев. — Деньги, деньги... Как будто это самое главное, что только есть на белом свете! Кстати, вы заметили, сколько у нас на заводе валяется загубленного ржавого железа? Вот так же, я думаю, кое у кого гибнет совесть от ржавчины...

Когда я приехал на Востокмашзавод, КМК Алексея Одинцова как единое цепь фигурировал лишь на цеховой доске показателей, поскольку обозначен здесь несмыываемой нитроэмалью. Однако ни фактически, ни юридически его уже не было. Фактически — потому, что

Иллюстрация Сергея Антидина

от прежнего состава осталось всего три «корифея». Одинцов, Вуккерт, Решетников. Остальные — народ новый и в основном не комсомольского возраста. А юридически — потому, что в середине лета начальник цеха Борис Фейгис забил последний гвоздь в гробовую доску коллектива, разъединенного ржавчиной раздоров. Цитирую его распоряжение номер семьдесят четыре: «В связи со снижением производственных показателей и ухудшением производственной дисциплины временно отстранить Одинцева А. С. от обязанностей бригадира и впредь планировать сменные задания токарям группы станков ИКБ2 индивидуально на каждого станочника. Распоряжение действительно с 1.06.86 года сроком на два месяца».

Фейгису бы позвать на помощь заводской комитет комсомола, который породил этот КМК, ежеквартально признавал его лучшим на предприятии. Смотриши, сообща и нашли бы достойный выход из тупиковой ситуации. Да не любят демократических церемоний молодой руководитель. Ну и отдал распоряжение, ни с кем не советуясь.

Прошли месяцы, но не возродился бесславно распавшийся комсомольско-молодежный коллектив. «Корифеи», вспоминая былые вольготные дни, голосуют за возрождение. Однако «новобранцы», которые стоят за соседними станками и наслышаны о корыстолюбивых замашках ветеранов, ни в какую не хотят объединяться с ними. Даже несмотря на призызы секретаря комитета комсомола Александра Эртмана и увещевания самого директора предприятия Виктора Васильевича Слободчикова. Состоится ли все-таки победа нового над старым?

Вопрос остается открытым не только потому, что во главе КМК оказались не те лидеры. Там, где есть порядок, проще выпрямить любые искривления. А если порядка нет?

На Востокмашзавод я приехал в начале месяца.

Неудачное время для визита, — пошутил бригадир второго механосборочного цеха коммунист Сергей Колесов. — Сейчас на заводе косяком идут собрания, совещания и заседания: руководящий народ всех рангов трудится в кабинетах над планами ускорения. А само ускорение начнется с двадцатого числа.

— Почему именно с двадцатого?

— Так ведь у нас такая система: сначала надо наговориться досыта, а уж потом «Эй, ухнем!».

— Ритмичности нет, — подтвердили веселую шутку бригадира в финансово-отделе предприятия. — Половину всей продукции завод выпускает в последней пятидневке, срывает выполнение договорных обязательств.

Вот такое «ускорение». Надо ли удивляться, почему в таких условиях распался КМК Алексея Одинцева и почему здесь постоянно громадный дефицит станочников? Не выдерживая нервотрепки, они каждый год увольняются десятками. На их место приходят другие — но тоже ненадолго.

— У нас на заводе каждый третий — комсомолец — рассказывал Александр Эртман. — Естественно, у меня нередко возникает необходимость посоветоваться с директором предприятия по тем или иным молодежным проблемам. Но очень часто просто никак не могу попасть к Виктору Васильевичу. Однажды, к примеру, по неотложным делам комсомольско-молодежных коллективов пробивался к нему две недели, а попал только после того, как записался у секретарши на прием по личным вопросам. Пришлось выказать свою обиду на заводском партийном собрании. Но и после этого ровным счетом ничего не изменилось. Какое-то у нас технократическое отношение к людям. План, проценты, бумаги, цифры... Чувствуешь, и в меня въедается эта башнила. Взять хотя бы тот же КМК из второго цеха. Ценили его за проценты перевыполнения, а людей не видели за цифрами. И получилось самое настоящее верхоглядство.

ПРЕДЕЛ НЕВОЗМОЖНОГО

Владимир КУЗНЕЦОВ,
доктор
педагогических наук,
заслуженный мастер спорта

Во все времена человек стремился как можно глубже заглянуть в самого себя, угадать скрытые в себе силы. Сегодня этим занимается новая наука — антропомаксимология. С ее основоположником, недавно безвременно ушедшим из жизни, доктором педагогических наук, заведующим сектором резервных возможностей человека Всесоюзного НИИ физической культуры Владимиром Васильевичем КУЗНЕЦОВЫМ беседовала наш корреспондент Анна МАГОМАЕВА. Это была последняя встреча ученого с журналистом.

— Владимир Васильевич, вспомним для начала пример, ставший почти хрестоматийным. Пилот, совершивший вынужденную посадку на Севере, вышел из самолета и наклонился, осматривая шасси. И вдруг он почувствовал плечом жесткое прикосновение. Обернулся — за спиной белый медведь огромных размеров. Летчик одним махом вспрыгнул на крыло самолета, расположенного на высоте около двух метров! И это в неуклюжих сапогах, тяжелой шубе, толстых брюках! Другой, не менее замечательный случай произошел во время войны. Зная, что от его жизни зависит жизнь товарищей, один из моряков несколько часов плыл ночью в Финском заливе при температуре воды 15 градусов. Хотя было известно, что время безопасного пребывания в такой воде ограничивается часом... Именно благодаря подобным крайне опасным, чрезвычайным ситуациям люди издавна открывали в себе доныне неведомые силы, которыми наделила их природа. И все больше задавались вопросом: на что же все-таки способен человек?

— Дело в том, что раньше мы имели в виду далеко не самый высокий, а весьма средний уровень наших возможностей. Изучали «усредненные» биологico-социальные нормы, которые, в сущности, причесывали всех под одну гребенку. Это был результат давно устоявшейся порочной методики исследований. В последние двести лет мы практически строили теорию средне-

статистического человека, пользуясь функциональным подходом в его изучении. Во главу угла ставилось познание нормальной (средней) работы всех систем организма. Учение великого физиолога Петровича Павлова о том, что «норма скрыта в патологии», было практически забыто. Теперь иной подход — видеть норму в необычном. Ведь должен же существовать и высший рубеж достижений, их вершина? Что, если принимать за норму рекорд и, отталкиваясь от него, пересмотреть сложившиеся привычные представления о человеческих возможностях?

Эти мысли возникли у меня еще в студенческие годы, во время Олимпиады в Хельсинки, где дебютировали советские спортсмены.

Комментарий журналиста. На Владимира Кузнецова, тогда одного из сильнейших метателей копья в стране, возлагались большие надежды. И Кузнецов (а он по характеру максималист) выкладывался на тренировках, как ему казалось, полностью. Он делал пятьдесят бросков подряд и считал это пределом. Каково же было его удивление, когда в Хельсинки он увидел, как будущий победитель американец Янс почти второе перекрывает привычную тренировочную норму, ничуть не страдая при этом упадком сил...

— Владимир Васильевич, в последние десятилетия особенно резко, стремительно происходит ломка традиционных представлений о человеческих возможностях. С чем это связано?

— «Виновата» научно-техническая революция. Каждый день в производство внедряются новые, сложнейшие технические системы. Чтобы обслуживать их, нужно овладеть колоссальной суммой знаний и навыков, которая, кстати, растет значительно быстрее, чем мы это осознаем. Вот и образуются так называемые «ножницы» между темпами научно-технического прогресса и общепринятым подходом к возможностям человека. Общество в итоге несет невосполнимые потери: период творческой активности большинства людей не очень велик, а мы так непозволительно много времени тратим на обучение!

Одно из уникальных явлений человеческой психики — чудо-счетчики, моментально возводящие в степень, умножающие и складывающие в уме огромные числа. Для них, к примеру, ничего не стоит вычислить, сколько секунд прошло со времени смерти Нерона до падения Константинополя. И у каждого свой секрет. Для Урании Диамонди цифры складывались в виде бесконечного калейдоскопа цветов. Иногда казалось, будто вместо него считает чей-то голос. А цюрихский профессор математики Трахтенберг, во время второй мировой войны — узник концлагеря, изучая отдельные феномены, су-

мел создать универсальную систему ускоренного счета для всех. Эта система резко повышает скорость выполнения сложных счетных операций.

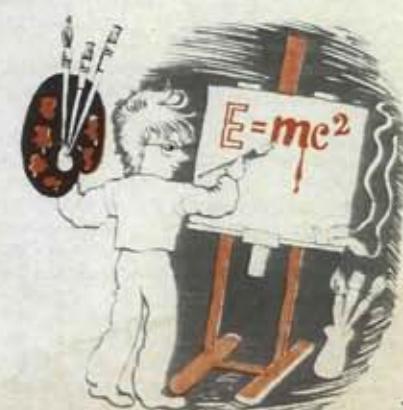
— Значит, быстрый счет уже не тайна, а научно разработанная система, ее можно изучать, ее можно овладеть... До какой степени совершенства?

— Это покажет практика. Для нас, ученых, важнее другое: аксиома, что почти любой человек может научиться продлевать в уме счетные операции все быстрее. Главное — уйти от усредненности. Ведь, несмотря на то, что человек с незапамятных времен стремился познать себя, свои возможности, резервы как физические, так и психические, знания о человеческом организме накапливались прежде всего за счет изучения больных людей. Естественно, что полученные таким путем закономерности годились разве что для объяснения нарушений в работе отдельных органов и систем человеческого организма. Что же касается здоровых людей, то медицину они практически не интересовали. Научный консерватизм привел к тому, что даже сегодня наука имеет всего лишь поверхностные знания о возможностях здорового человека.

Переворотом в системе познания стал новый метод «оптимальной нормы», созданный во ВНИИ физической культуры: антропомаксимологический (сокращенно АМЛ), изучающий резервные возможности человека в период максимальных нагрузок.

— На севере и в пустыне, в условиях холода и жары учеными не раз проводились исследования человека в экстремальных ситуациях. Естественно, за смельчаками велось неустанные наблюдение. Чуть что — немедленно оказывалась помощь. Почему же вы выбрали зоной своего исследования именно спорт?

— Вы уже частично ответили на свой

вопрос. Как раз осознание испытуемыми того, что жизнь их вне опасности, что, если тяжело, можно отступить, мешало сделать достоверные выводы о пределах наших возможностей. А ведь именно здесь скрыты универсальные закономерности, общие для всех и для всех важные, полезные. Настоящие модели стрессовых ситуаций можно воссоздать в спорте. Рекордсмены, как правило, обладают такими качествами, как быстрота, ловкость, сила, гармония движений, которыми неплохо было бы наделить общество в целом. Но думать, что на примере спортсменов человечество узнает, какими физическими возможностями оно будет обладать завтра, неправильно.

Миллиарды никогда не достигнут рекордов Бубки и Власова, да и не нужно. Важно, что большой спорт — пока единственная модель деятельности, при которой на самом высоком уровне проявляется сочетание психических и физических сил, заложенных в нас природой. Здесь все важно: пульс, дыхание, движение руки и даже угол поворота головы. Отдельные, как будто созданные природой специально, люди с исключительными способностями — своего рода разведчики. Многие годы преодолевая сверхнагрузки, спортсмены легко «включают» аварийные механизмы своего организма. В них-то вся суть. И незачем каждому тысячу раз повторять их подвиг. Пусть лучше один найдет оптимальный вариант для всего человечества. Лучший вариант заложен в каждом!..

Комментарий журналиста. Неоднократный чемпион, рекордсмен страны в метании копья, Кузнецов как никто другой знает это. Он на себе изучал технику броска копья...

Колоссальных усилий стоило достичь броска на 70 метров — тут одни законы, через годы труда покорилась 80-метровая отметка — там уже совсем другие. Никаких общих закономерностей выявлено не было. И только когда копье, брошенное будущим профессором, вонзилось в землю на рекордной отметке 85 метров 64 сантиметра, удалось найти общие законы движения, реализации человеческих возможностей. Было положено начало «закона рациональности». Он сводится к тому, что в момент сверхнагрузок, когда мышцы и нервы напряжены до предела, организм не может позволить себе неоправданных действий и «выдает» оптимальный вариант с наименьшими энергозатратами. Каждое движение диктуется строгой необходимостью, оно предельно рационально, и для этого включаются скрытые в обычной обстановке резервы...

Профессор показал мне не совсем обычный спортивный зал. Спортсмены в нем бегают, прыгают, метают копье. Но только копье после броска остается на месте. Оно закреплено на специальных стойках, снабженных целой системой амортизаторов, так, чтобы заставить метателя выполнить бросок единственным необходимым для победы способом. Сила, приложенная к копью, фиксируется, и ЭВМ сообщает возможный результат. Тренажер помогает спортсмену последовательно, в строго определенном порядке, включать в работу мышцы рук, плеча, ног, спины. Всобще-то, чтобы бросить копье, достаточно участия 5—6 мышц, но чтобы достичь рекорда, в работу должны включиться семьдесят, это диктует «закон рациональности».

Подобным образом в институте был в свое время спрогнозирован прыжок Ященко. В эксперименте были использованы хитроумные качели, состоящие из системы рычагов и противовесов, с тяжелой штангой под сиденьем. Ященко раскачивался на качелях, отталкиваясь ногой от вертикально укрепленной платформы, а штанги-противовесы создавали определенную резонансную нагрузку на ноги. Толчок — и ЭВМ мгновенно фиксировала: время — 0,139 секунды, усилие на опору — 730 килограммов. А это значит, что на толчковую ногу спортсмену удалось развить усилие, чтобы взять ре-

кордную высоту — 250 сантиметров. Это при условии идеального перехода через планку. Качели заставили его оттолкнуться единственно возможным для достижения цели образом, и, что особенно важно, помогли спортсмену поверить в свою высоту.

Увы, большинство людей просто не умеет прыгать, точно так же, как младенец не умеет ходить. Им нужно научиться использовать свои мышцы, которые очень часто работают «вхолостую», а мы об этом и не догадываемся...

— Владимир Васильевич, сможет ли наука, базирующаяся на спорте, помочь нам в работе, в повседневной жизни?

— Спорт — лишь точка отсчета. Существует более 70 видов спорта, которые копируют работу различных систем организма человека, занятого в одной из 6 тысяч профессий. Не зря давно вошло в привычку связывать, например, шахматы с логическим мышлением, которое необходимо и математику, и физику. Точных и быстрых движений рук теннисистов позавидует любой хирург и швея. И если изучить законы стремительных движений спортсменов, можно сформировать подобные навыки и у хирургов, разработав для них соответствующую методику «скорости». Если проследить в лабораторных условиях систему умозаключений того же шахматиста, можно помочь сделать открытие химии. Словом, у спортсменов мы можем позаимствовать оптимальные приемы выполнения любых операций.

— Не предполагает ли «оптимизация» какие-то завышенные требования, выполнить которые под силу только суперменам?

— Вовсе нет. Энергии будет затрачиваться значительно меньше. Резервы деятельности открываются не за счет мышечной силы, а путем оттачивания профессиональных навыков. Дело в том, что корни антропомаксимологии лежат в основе нормальной работы нашего организма. Давно известно, что наше сердце работает с максимальной нагрузкой. Даже во время сна сердечная мышца «напрягается» сильнее, чем мышцы бегуна-спринтера. Уменьшается лишь частота сердечных сокращений. В чем тут секрет? Отгадка в соотношении работы и отдыха: три к пяти — это универсальный общечеловеческий закон, по которому бьется сердце. А значит, в этом направлении надо вести исследования. Ведь для каждой профессии обязательно должны существовать свои соотношения работы и отдыха, при которых результат станет наилучшим. Но это только начало. Придет время, и благодаря антропомаксимологии мы сможем помочь каждому юному человеку сделать выбор, в каком виде деятельности он принесет максимальную пользу обществу. Ведь частенько случается, что любимое чадо непременно учат рисовать. А у ребенка, скажем, незаурядные музыкальные способности. Или наоборот: с пеленок вручдают скрипку, когда он прирожденный конструктор. Система тестов, изучение затрат умственной и физической энергии ребенком в той или иной деятельности, оценка эмоций, которые вызывает определенная работа, помогут отгадать призвание человека. Так что антропомаксимология закладывает фундамент развития творческих и трудовых способностей личности.

— Наверное, каждому хочется поскорее закончить учиться, чтобы наконец приступить к главному... Но не каждый, к сожалению, наделен способностями Карла Брюллова, поступившего в Академию художеств в девять лет, Эдисона, еще подростком сделавшего свои первые открытия, или Моцарта, чья музыкальная одаренность проявилась в три года...

— Здесь опять же необходимо хоть на мгновение отказаться от привычных канонов. И иди от главного к второстепенному, делая самое сложное простым и понятным с самого начала. Как во время войны, когда моряне обучали, начиная со скорости приема и передачи ста знаков в минуту. Овладев вершиной, не нужно прорабатывать детали. Они приходят сами собой. Именно этот прием используется сегодня в обучении машинописи за четыре дня. Главное — научить человека сознательно включать резервы. Над этим-то мы и работаем.

Комментарий журналиста. Результаты работ ученых в этом направлении я испытала на себе. Срочно нужно было освоить французский язык. Мне посоветовали идти в университет, где только что организована группа, занимающаяся по методике Кузнецова: за три месяца учат говорить... Я недолго думая отправилась на занятия и в первые минуты пожалела. Буквально с порога меня засыпали неведомыми фразами. Учительница разводила руками, рисовала на доске, судя по интонации, что-то спрашивала, требовала ответа. Я почувствовала, как у меня на лбу от напряжения выступают капли пота. Почему-то было очень стыдно. На меня со всех сторон смотрели студенты и ждали ответа, а я не понимала... И вдруг, словно что-то включилось: в голове вспыхивали отрывки фраз, произносимых преподавателем. Оказывается, в самих ее вопросах были зашифрованы ответы. И если ты «догадывался», как их расшифровать, фраза наизусть врезалась в память. Потом на протяжении многих дней мне снились звуковые сны: я говорила, знакомилась, спорила, пела, читала стихи по-французски, мозг десятки раз про кручил за ночь дневной материал. А через три месяца я заговорила...

— Владимир Васильевич, я овладела французским языком благодаря вашей методике, но иностранный язык лежит как бы в стороне от других наук. А можно ли с помощью АМЛ освоить совершенно новую для себя область знаний?

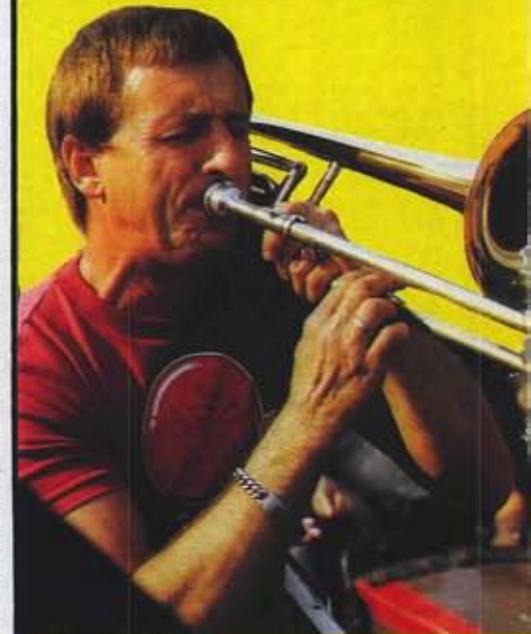
— Безусловно. Именно для этого мы и существуем. Одна из наших целей — ускоренное обучение. В самом деле, например, в спорте относительно высокого результата новичок может сейчас добиться за считанные недели благодаря рекомендациям АМЛ. Так почему бы не распространить подобные методы на системы профтехобучения и высшего образования. Кстати, тот факт, что за три года пребывания в училище человек получает всего лишь четвертый разряд — тревожный сигнал для антропомаксимологов. Мы считаем, что за этот период можно достигнуть куда более высокой квалификации.

— Владимир Васильевич, недавно я увидела международный знак АМЛ. Идея понятна: разламывая деревянную колоду, человек вырывается на волю. Но здесь спортом и не пахнет, хотя началось все с него.

— Ничего удивительного. Мы работаем на будущее. Завтра не останется такой области человеческой деятельности, в которой не понадобятся наши исследования... Повторяю, смысл спортивных рекордов — открытие универсальных законов, которые помогут нормальному человеку в нужное время реализовывать все свои резервы. Каждый сможет «вырваться» за пределы средних биологических норм и, не переступая допустимого для организма порога, в любой области быть талантливым, на любой работе трудиться в полную силу.

Величина которой пока неизвестна.

Смена

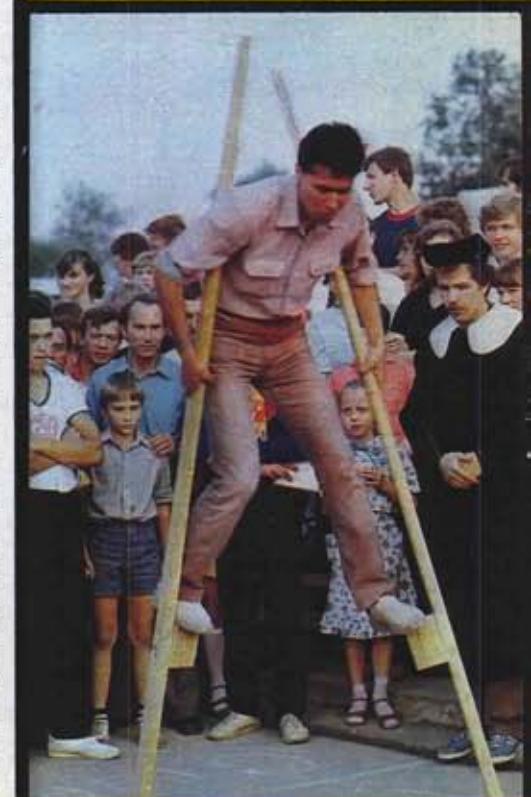

П о проспекту гарцевали холеные кони с нарядными всадниками в седлах, на площади среди кружящихся вальсе пар мелькали лиса Алиса и кот Базилио, рядом с эстрадой в парке можно было увидеть Змея Горыныча, слушающего выступление духового оркестра, по одной из улиц плыли... байдарки на колесах — чудеса да и только! А происходят они в подмосковном городе Зеленограде. Тысячи его молодых жителей в последние выходные июня становятся участниками и зрителями традиционного карнавала, проводимого районным комсомолом.

Рассказывает второй секретарь Зеленоградского райкома ВЛКСМ Алексей Михальченков:

— Для нас карнавал — это экзамен, своего рода отчет о работе комсомольского актива по организации досуга

СВОИМ

АДРЕС ИНТЕРЕСНОГО ОПЫТА

Валерий САПУНОВ.

Фото
Елены ГЛАЗАЧЕВОЙ

И РУКАМ!

молодежи. Клуб самодеятельной песни, городской туристский клуб, а всего полтора десятка различных самодеятельных творческих объединений принимают участие в подготовке и проведении праздника. В последнее время у нас идет прямо-таки лавинообразный процесс создания новых клубов. Строить для них специальные помещения нет возможности, и клубы открываются, как правило, в заново отремонтированных подвалах жилых зданий и торговых центров. Пытаемся вводить в их работе хозрасчетные начала. Так, на базе дискотеки «Резонанс» возник хозрасчетный клуб-кафе. Его идея — привлечь к совместному отдыху людей разных возрастов. Вот бы и нашему карнавалу, как этому клубу, перейти на самоокупаемость, — мечтает Алексей, — ведь пока деньги на его проведение выделяют предприятия. Найдено, мне кажется, вполне разумное решение: создать самоокупаемый районный молодежный центр по организации досуга. Средства будут отчисляться от различных платных мероприятий: вечеров отдыха, концертов, дискотек и так далее. И что очень важно, центр получит возможность распоряжаться деньгами...

По существующим правилам район комсомола практически лишен возможности проводить платные мероприятия и пользоваться доходом от них. Какие-то крохи выбиваются всеми правдами и неправдами, но ведь это не выход.

Взять тот же карнавал, — продолжает Михальченков. — Аренда одного радиофицированного автобуса обходится в сумму около пяти сот рублей. Приглашаем в гости самодеятельные коллективы из Москвы — хоть раз людей на кормить надо? Наконец, очень нуждаемся в помощи профессионального режиссера. Словом, молодежный центр позволил бы не только координировать работу по организации досуга в городе, но и решить массу хозяйственных проблем.

Очень жаль, что разумная эта идея пока остается только идеей. Московский городской совет профессиональных союзов не спешит поддержать инициативу зеленоградцев...

У каждого города, большого и самого малого, своя индивидуальность. И не только во внешнем облике, в архитектуре. Люди, их настроение в будни и праздники — это тоже лицо города. А веселое народное празднество — своя яркая краска в общую палитру.

...Заканчивалась очередной зеленоградский карнавал. На глади пруда в городском парке загорелись огромные буквы: «КАРНАВАЛ». В небе повисли яркие парашюты фейерверка. Отсалютовали столько раз, сколько лет Зеленограду. А ему нет еще и тридцати...

Концерты самодеятельных артистов, праздничные шествия, конкурсы, веселые соревнования — все это карнавал в Зеленограде.

Продолжаем публикацию цикла стихов известной советской поэтессы, начатую в первом номере журнала.

БЕЛА АХМАДУЛИНА СВЕТИЛЬНИК

■
Зачем он ходит? Я люблю одна
быть у луны на службе обожанья.
Одною мной растрячена луна.
Три дня назад она была большая.

Ее размер не мною был возвращен.
Мы свиделись — она была огромна.
Я неусыпным выпила зрачком
треть совершенно полного объема.

Я извела луну на пустяки.
Беспечен ум, когда безумны ноги.
Шесть километров вдоль одной строки:
бег-бред ночной по Паршинской дороге.

Вчера бочком вошла в мое окно.
Где часть ее — вдруг лучшая? Неужто
все это я? Не жег другой никто
ее всю ночь, не дожигал на утро.

Боюсь узнать в апреля первый день,
что станется с ее недавней статью.
Так изнуряет издали злодей
невинность черт к ним обращенной страстью.

Он только смотрит — в церкви, на балу.
Молитвенник иль веер упадает
из дрожи рук. Не даю им на полу
и миг побить, ее жених страдает.

Он смотрит, смотрит — сквозь отверстость стен,
в кисейный мир, за возбраненный полог.
В лик непорочный многознанья тень
привнесена. Что с ней — она не помнит.

Он смотрит. Как осунулось лицо.
И как худа. В нем — холодок свободы.
Вот жениху возвращено кольцо.
Все кончено. Ее везут на воды.

Оплачу вкратце косвенный сюжет,
наскучив им. Он к делу не пригоден.
Я жду луну и завожу брегет.
Зачем ко мне он все-таки приходит?

— Кто к Вам приходит? И брегет при¹ чем?
— А Вы-то кто? Вас нет, и не пристало
Вам задавать вопросы. Кто прочел
заране то, чего не написала?

Придуман мной лишь этот оппонент.
Нет у меня загадок без разгадок.
Живой и часто плачущий предмет —
брегет — мне добрый подарил Рязанов.

Приходит же... Не бил ли он собак?
Он пустомелит, я храню молчанье.
Но пес во мне, хоть принужден солгать,
загривок дыбит и таит рычанье.

О нет, не преступаю я границ
приличья, но разросшийся вокруг сердца
ветвистый самовластный организм
не переносит этого соседства.

Идет! Часов непрочный голосок
берет он в руки. Бедный мой брегетик!
Я надвигаю тучу на восток,
чтоб он луны хотя бы не приметил.

И падает, и гибнет мой брегет!
Луны моей сообщник и помощник,
он раслевал всегда под лунный свет,
он был — как я, такой же полуночник.

Виновник так подавлен и смущен,
что я ему прощаю незадачу.
Удостоверясь, что сосед ушел,
смеюсь над тем, как безутешно плачу.

В запасе есть не певчие часы.
Двенадцать ровно — и нисколько пенья.
И нет луны, хоть небеса ясны.
Как грубо шутит первый день апреля!

Пускаюсь в путь обычный. Ход планет
весь помещен над Паршинской дорогой.
В час пополуночи иду по ней,
строки вот этой спутник одинокий.

Вот здесь, при мне, живет мое «всегда».
В нем погостить при жизни — редкий случай.
Смотрю извне, как из небес звезда,
на сей свой миг, еще живой и суши.

Так странен и торжествен этот путь,
как будто он принадлежит чему-то
запретному: дозволено взглянуть,
но велено не разгласить под утро.

Иду домой. Нимало нет луны.
А что ж герой бессвязного рассказа?
Здесь взгорбье есть. С него глаза длинны.
Гость с комнатой мою не расстался.

Вон мой огонь. Под ним — мои стихи.
Вон силует читателя ночного.
Он, значит, до какой дошел строки?
Двенадцать было. Стало полвторого.

Ау! Но Вы обидеться могли
на мой ответ придуманным планетам.
Вас занимают выдумки мои?
Но как смешно,
что дело только в этом.

Простите мне! Стихи всегда приврут.
До тайн каких Вы ищете дознаться?
Расстанемся, мой простодушный друг,
в стихах — навек, а наяву — до завтра.

Семь грустных дней безлуною моему.
Брегет молчит. В природе — дождь и холод.
И так темно, так боязно уму.
А где сосед? Зачем он не приходит?

Такая пала на душу метель:
ослепли в ней и запутали кони.
Я в элегантный въехала мотель,
где и сижу в шезлонге на балконе.

Вот так-то, брат Ладыжинский овраг.
Я знаю силу твоего week-end'a,
но здесь такой у барменов аврал,—
прости, что говорю интеллигентно.

Въезжает в зрене новый лимузин,
Всяк флаг охоч до нашего простора.
Отечество юлит и лебезит:
Алешки — ладно, но и Льва Толстого.

О, бедное Отечество, прости!
Не все же гордиться и грозить чумою.
Ты приворотным зельем обольсти
гостей желанных — пусть тряхнут мошною.

С чего я начала? Шезлонг? Лонгшез?
Как ни скажи — а все сидеть тоскливо.
Но сколько финнов! Уж не все ли здесь,
где нет иль мало Финского залива?

Не то, что он отсутствует совсем,
но обитает за глухой оградой.
Мне нравится таинственный сосед,
невидимый, но свежий и отрадный.

Его привет щекою и плечом
приму — и вновь затворничаем оба.
Но — Финский он. Я — вовсе ни при чем,
хоть почитатель финского народа.

Не мне судить: повсюду и всегда,
иль только здесь, где кемпинг и суббота,
присуща людям яркая черта
той красоты, когда душа свободна.

Да и не так уж скрытен их язык.
Коль придан Вакху некий бог обратный,
они весь день кричат ему: «Изыды!»,
не размыкая рюмок и обятияй.

Но и моя вдруг засверкала жизнь.
Содержат трех медведиц при мотеле.
Невольно стала с ними я дружить,
на что туристы с радостью глядели.

Поэт. Медведь. Все — детское «Ура!».
Мы шествуем с медведицей мою.
Не обессудь, великая страна,
тебя я прославляю, как умею.

Какой успех! Какая благодать!
Аттракционом и смешным, и редким
могли бы мы валюту добывать
столиц нужную — да возбранил директор.

Что делать дале? Я живу легко.
Событий — нет. Занятия — невинны.
Но в баре, глянув на мое лицо,
вдруг на мгновенье умолкают финны.

Где Питкяранта? Житель питкярантский
собрался в путь. Автобус дребезжит.
Мой тайный глаз, живущий под корягой,
автобуса оглядывает жизнь.

Пока стоим. Не спешает к цели
сквозной приют скитальцев и сирот.
И силует старинной финской церкви
в проеме арки скорбно предстает.

Грейпфрут — добыча многих. Продавала
торговли придуры неуместный плод.
Эх, Сердоболь, эх, город Сортавала!
Нюх отворен и пришлый запах пьет.

Всех обличков так скучно выраженье,
так загнан взгляд и неказиста стать,
словно они эпоху Возрожденья
должны опровергать и попирать.

В дверь, в попыхах, три девушки скакнули.
Две первые приложи, хоть грубы.
Содеяли уроки физкультуры
их наливные руки, плечи, лбы.

Но простодушна их живая юность,
добротна плоть, и дело лишь за тем
(он, кстати, рядом), кто зрачков угрюмость
примерит к зову их дремотных тел.

Поехали! И свалки мимолетность
пронзает вдруг единством и родством:
котомки, тетки, дети, чей-то локоть —
спасемся ль, коль друг в друга прорастем?

Гремим и едем. Хвойными грядами
обведенено сверкание воды.
На всех балконах — рыбых душ гирлянды.
Фиалки скал издалека видны.

Проносится роскошный дух грейпфрута,
словно гуляка, что тряхнул мошной.
Я озираю, мучась и ревнуя,
сокровища черемухи сплошной.

Но что мне в этой, бледно-белой, блеклой,
с кульками и бутылками в руках?
Взор, слабоумно-чистый и далекий,
оставит грамотея в дураках.

Ее толкают: — Танька! — дремлет Танька,
но сумку держит цепкостью зверька.
Блаженной, древней исподволн тайна
расширила бессмыслицу зрачка.

Должно быть, снимок есть на этажерке:
в огромной кофте Танька лет пяти.
Готовность к жалкой и неясной жертве
в чертах приметна и сбылась почти.

Да, этажерка с розаном, каморка.
В таких стенах роль сумки велика.
Брезгливого и жуткого кого-то
в свой час хмельной и Танька завлекла.

Подружек ждет обнимка танцплощадки,
особый смех, прищуривание глаз.
Они уйдут. А Таньке нет пощады.
Пусть мается — знать, в мае родилась.

С утра не сыщет маковой росинки.
Окурки, стужа, лютая кровать.
Как размыкать ей белые ресницы?
Как миг снести и век провековать?

Мне — выходит. Навек я Таньку брошу.
Но все она стоит передо мной.
С особенной тоской я вижу брошку:
юродивый цветочек жестянкой.

Мне Звездкин говорил, что он в меня влюблен.
Он так и полагал, поскольку люто-свежий
к нам вечер шел с Оки. А все же это он
мне веточку принес черемухи расцветшей.

В Ладыжине, куда он часто уходил,
чтобы ослабить мысль любви не разделенной,
черемухи цветок, пока еще один,
очнулся и глядел на белый свет зеленый.

За то и сорван был, что прежде всех расцвел,
с кем словно не в родстве,
а в сдержанном соседстве.
Зачем чужой любви сторонний произвол
летает мимо нас, но уязвляет сердце?

Уехал Звездкин вдруг, единственный этюд
не дописав. В сердцах порвал его — и ладно.
Он, говорят, — талант, а таковые — пьют.
Лишь гений здрав и трезв,
хоть и не чужд таланта.

Со Звездкиным едва ль мы свидимся в Москве.
Как робкая душа погибшего этюда —
тайственный цветок белеет в темноте
и Звездкину вслед еще глядит отсюда.

Власть веточки моей в ночи так велика,
так зрия печальный чад. И на исходе суток
содеян воздух весь энергией цветка,
и что мои слова, как не его поступок?

ПОИСК ВО ИШИЯ ЧЕГО?

Беседа за «круглым столом» с участниками Всесоюзной выставки молодых художников «Молодость страны», посвященной XX съезду ВЛКСМ

Они расположились буквально по соседству — Кремлевский Дворец съездов, где проходил XX съезд комсомола, и Выставочный зал Манежа, где открылась главная молодежная выставка страны. Какую роль способна взять на себя молодежь в охватившем всю страну процессе перестройки? Вот, пожалуй, наиболее актуальный вопрос съезда. И такой же вопрос задают посетители выставки.

Ее организаторы — Министерство культуры СССР, Союз художников СССР, Академия художеств СССР и ЦК ВЛКСМ. Перед выставкомом (председатель — народный художник СССР Таир Салахов) стояла сложная задача просмотреть около 6000 работ молодых художников из всех союзных и автономных республик. На этот раз больше половины представленных работ были приняты и более 2000 вошли в экспозицию, что вдвое превысило обычную норму.

Выставка отличается от предыдущих не только желанием показать «как можно больше» (ведь впервые в Манеже работы были развешаны в два ряда),

но и представить разнообразие художественного видения. Практически всем существующим сегодня направлениям — критический реализм, традиционный реализм, художественный эксперимент, экспрессионизм, примитив, авангард — нашлось место в экспозиции.

Корр. Надежды, возлагаемые зрителями на Всесоюзную выставку, — следствие «сюрприза», преподнесенного вами в конце прошлого года. XVII молодежная выставка московских художников на Кузнецком мосту, вызвавшая массу споров и неожиданно большой наплыв зрителей, открыла новые имена и «закрыла» старые представления о возможностях выставочного дела. Каким будет следующий шаг?

Сергей Манцерев, 29 лет, третекурсник Московского высшего художественно-промышленного училища. «Молодость страны» — первая в его жизни выставка. По-моему, он уже сделал. Мои работы приняли, не спрашивая справок с места учебы, не сверяясь с мнением администрации училища. Не думал, что такое возможно.

Сергей Стародубцев, 35 лет, член Союза художников СССР, окончил

Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени Мухиной, участник нескольких Всесоюзных выставок. Раньше было как? Сначала спрашивали, у кого учится «претендент». Потом выясняли, кому из членов выставочного комитета знакомы его работы. А сами работы смотрели в последнюю очередь, и то не всегда. Просто руки опускались от такого «отбора»!

Максим Кантор, 29 лет, член молодежного объединения при Московской организации Союза художников, окончил Московский полиграфический институт, участник пяти выставок, во Всесоюзной участвует впервые. Пора дать художнику право самому отвечать за свои работы. В этом смысле тоже сделан определенный шаг. На недавней выставке на Каширской вообще не было никакого выставкома. Просто было создано творческое объединение единомышленников, в котором каждый имел равные права и равную выставочную площадь.

Альгис Бигузас, 28 лет, член молодежного объединения при Союзе художников Литвы, окончил Литовский

государственный художественный институт, участник десяти республиканских выставок, во Всесоюзной участвует впервые. Я не видел выставок на Кузнецком и на Каширской — только слышал о них. Но в подготовке республиканской выставки мы пошли примерно тем же путем. Объединение избрало свой оргкомитет. Потом именно с этой выставки, а не откуда-нибудь со стороны Министерство культуры отбирало работы для Всесоюзной. Такой опыт — первый. Не скажу, что он обернулся полным отсутствием конфликтов. Отказываться хорошо знакомым людям, сверстникам оказалось очень трудно.

Корр. Вот видите, отсутствие оргкомитета или «своей» оргкомитет не панацея. Скорее, временная мера. Конфликтов избежать все равно не удастся, и все равно кто-то вынужден оставаться «за дверьми».

А. Бигузас. Так это творческие конфликты, а не закулисные интриги!

Лев Табенкин, 34 года, член СХ СССР, окончил Московский полиграфический институт, участник нескольких десятков выставок, во Всесоюзной участвует впервые.

Х. Пуур. Детство.

С. Шерстюк. Открытие.

С. Бочаров. Первый поезд.

И. Козлов. Художник Р. Куприашвили.

Очень важно точно определить дистанцию от картины до зрителя.

Участники выставки писали портреты делегатов XX съезда ВЛКСМ.

Нельзя недооценивать право художника на личную ответственность за свое творчество. XVII молодежную отличал от многих других стойкий энтузиазм ее участников, рожденный этим правом. Сейчас на Кузнецком — весенняя выставка МОСХа, которая не сильно отличается от молодежной по стилистике. Однако она не стала событием. Но... никому не придет в голову упрекать за это ее организаторов или участников. А мы рисковали.

Корр. И наиболее активно поддержали вас в риске зрители. Те самые, которых вы обычно обвиняете в потребительском отношении к искусству, отсутствии должной подготовки и доброжелательности. Но и вам не худо бы предпринять какие-то шаги навстречу зрителю.

А. Бигузас. Для этого нужна трибуна. Не будешь же вылавливать зрителей на улице и затаскивать в мастерскую.

Алексей Сундуков, 35 лет, член СХ СССР, окончил МВХПУ, участник пятнадцати выставок, во Всесоюзной участвует впервые. Иногда складывается впечатление, что потеря влияния изобразительного искусства на

зрителя — процесс запланированный и последовательно реализуемый. Зайдите в новое здание Третьяковки на Крымском валу. Современное искусство представлено там огромным количеством огромных полотен. А зрители... вообще не представлены. Как в пустыне, честное слово! Эти работы покупали не год и не два. И не «кто-нибудь», а Худфонд — подразделение Союза художников. Для кого, спрашивается? Нет, я не призываю именно эти картины снять и какие-либо другие, по своему выбору, повесить. Но если, пусть временно, поместить с ними рядом образцы современных художников или, наоборот, работы изрядно подзабытых художников 20-х годов, экспозиция приобрела бы публицистический заряд. Зрители поневоле сравнивали бы, спорили.

Корр. Вам не кажется, что мы больше говорим о способах демонстрации произведений искусства, нежели о них самих? Сейчас время нового осмысливания истории и современности, время новых, реалистичных прогнозов, время снятия «запретных тем». Неужели оно не отразилось на вашем творчестве?

Л. Табенкин. Я лично с опаской от-

ношусь к художникам, с готовностью «откликающимся» на требования времени. Что ж поделать, бывают времена, когда одни пишут «в стол», а другие жалуются на запреты.

Виктор Татаренко, 35 лет, член СХ СССР, окончил ЛВХПУ имени Мухиной, участник Всесоюзных выставок. Монументальное искусство требует огромных затрат, большого числа рабочих рук, массового восприятия. Иными словами, социального заказа. И здесь компромиссы оборачиваются обилием плакатных, схематичных монументов и почти полным отсутствием проблемных работ. Эта проблема практически не тронута. Чтобы она сдвинулась с мертвой точки, должны измениться критерии социального заказа.

Корр. «Должны измениться» — звучит безлико. Может быть, «должны изменить»? И не кто-нибудь, а вы?

В. Татаренко. Менять порядки может человек, так или иначе себя заявивший. Сейчас можно найти активные способы подачи «заявлений»: например, через любительские объединения. Но они идут как бы помимо Союза художников.

Л. Табенкин. То, что на выставках соседствуют совершенно разные жанры, стили и взгляды, — реальное достижение демократизации искусства. Вполне допускаю: то, что не нравится мне на Всесоюзной выставке, понравится многим. И наоборот: многим не понравятся мои работы и кого-то из присутствующих здесь. Но такое соседство предполагает дискуссию открытую, а не кейнейшную. И борьбу творческую, а не административную. Надо признать, что пользоваться такой возможностью мы пока не умеем.

М. Кантор. Прекрасно, что вышел фильм «Покаяние»! Но если он станет стереотипом покаяния, если вся страна покается в одном фильме, то, глядишь, немедленно объянутся генералы от покаяния и превратят фильм в догму. В искусстве нет иного средства против иерархии, кроме постоянной смены кумиров, направлений, порядков. Я не верю в шедевры, рожденные спокойным, незыблально уверенным в себе человеком. Я верю в борьбу.

«Круглый стол» вел
Андрей ВАСИЛЬЕВ.

СИМЭТЫ
Лев ОЗЕРОВ

БАДОВ

Есть портреты Батюшкова и Пушкина, на которых легко отметить их схожесть, схожесть как бы двух братьев — старшего и младшего. Это разительное внешнее сходство, обращающее на себя сугубое внимание, подкрепляется сходством куда более существенным — духовным, творческим, психологическим (для этого надо углубиться в тексты). Оно важно для нашего восприятия.

Певучесть пушкинской речи слышится у Батюшкова уже в самом начале XIX века. Одно из своих стихотворений Батюшков назвал «Мой гений» (1815):

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленишь дальний.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локон златые
Небрежно выющиеся власов.

Эта мелодика предсказывает мелодику «Для берегов отчизны дальней» или «Я помню чудное мгновенье».

Читатели середины и особенно второй половины XIX века будут приписывать эти стихи Пушкину. В заблуждение был введен даже такой просвещенный человек и поэт, как Аполлон Майков. На общность душевного и стихотворного строя Батюшкова и Пушкина указывал Белинский: «Это еще не пушкинские стихи, но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских...» Речь шла у Белинского о стихотворении Батюшкова «Вакханка» (1815):

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отсталая;
Я за неё — она бежала
Легче серны молодой.

Наш слух привык в сочетании имен: Батюшков и Пушкин. О первом говорится порой только лишь как о предшественнике второго. И этого было бы достаточно для того, чтобы прочно войти в историю поэзии.

Пушкин до Пушкина... Все, что у Батюшкова было намеком, предчувствием, догадкой, стало у Пушкина осознанной мыслью, творческой позицией. Ныне историкам литературы сравнительно нетрудно установить преемственность Пушкина от Батюшкова. Да и Пушкин хорошо знал своего предтечу. А ведь Батюшков, особенно в первые годы их знакомства, мог о своем преемнике только догадываться.

Известно, что Батюшков познакомился с лицеистом Пушкиным в 1815 году. В следующем году автор «Опытов» пытается предостеречь юношу Пушкина от увлечения вакхическими мотивами,вшенными ему стихами... Батюшкова. Далее он интересуется судьбой «Руслана и Людмилы» и в письме из Италии (1819) спрашивает: «Просите Пушкина, именем Ариоста, выслать мне свою поэму, исполненную красот и — надежды, если он возлюбит славу, паче рассеяния». Батюшков был любимым автором Пушкина-лицеиста, его «Городок» написан, несомненно, под влиянием «Моих пенатов». Но неверно ограничивать влияние Батюшкова на Пушкина только лицейскими годами, как это делали исследователи.

Вместе с Жуковским Батюшков подготовил романтизм Пушкина и в еще большей степени, чем автор «Светланы» и «Людмилы», реализм его. Говоря о романтизме, нельзя забывать, что именно Батюшков первым перевел на русский язык отрывок из Байрона в ту пору, когда английский поэт только входил в моду. Этот перевод («Есть наслаждение и в дикости лесов...») настолько пришелся по душе Пушкину, что был им собственноручно переписан.

Влияние Батюшкова на Пушкина было длительным. Не только в лицейский период, но и в последние годы творческой деятельности Пушкин обращался к позиции Батюшкова. Порой это не влияние, а общность мотивов, сходство художественных натуралистов Батюшкова и Пушкина. Тема ухода от светской суеты в сельскую тишину и в уединение, выраженная в стихотворении Батюшкова «Таврида», становится излюбленной в пушкинской лирике последнего периода («Давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег...», 1834).

Первую беглую зарисовку образа молодого человека, напоминающего позднейшего Онегина, находим у Батюшкова. В «Прогулке по Москве» он говорит о «добром приятеле»:

Который с год зевал на балах богачей,
Зевал в концерте и в собранье,
Зевал на скачке, на гулянье,
Везде равно зевал...

Этот выхваченный из жизни характер станет со временем типическим образом и властно заявит о себе в русской литературе. Как же не узнать в этом «добром приятеле», фланкировавшем по проспектам и кочевавшем с концерта на скачки, того, который «равно зевал средь модных и стариных зал»! Описание утра в том же «Евгении Онегине» перекликается с картиной из стихотворения Батюшкова «Странствователь и домосед».

Роднит Батюшкова с Пушкиным также их отношение

к Петру I, интерес к его личности, постоянные размышления над его значением. В «Прогулке в Академию художеств» Батюшков говорит: «У нас перед глазами Фальконетово произведение, сей чудесный конь, живой, пламенный, статный и столь смело поставленный, что один иностранец, пораженный смелостью мысли, сказал мне, указывая на коня Фальконетова: «Он скакает, как Россия!»

На девятнадцать лет позже этой статьи Пушкин писал в «Медном всаднике»:

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

В письме к Вяземскому Батюшков говорит о задуманной им поэме «Русалка». Но, увы, ему не удается задуманную поэму начать, так же как Пушкину — начатую завершить.

«Теперь я по горло в прозе», — пишет Батюшков в 1815 году Жуковскому. Он разрабатывает в письмах, статьях, воспоминаниях, заметках основы своего прозаического стиля, в котором предвосхищает и Пушкина, и других русских писателей.

В очерке Батюшкова «Прогулка по Москве» есть меткие зарисовки городских типов, прямо ведущие нас в галерею, которую справедливо принято называть «грибоедовской Москвой». Городские типы, наблюдения за жизнью улицы, доходящие в обрисовке до гротеска и карикатуры, — все это в очерке Батюшкова позволяет судить о нем как о тонком жанристе.

Предчувствия, предвосхищения, догадки Батюшкова, его начинания имели для дальнейшего хода развития русской литературы огромное значение. Батюшков и Жуковский, а еще раньше Державин были сильными и яркими художниками. Но их значение стало еще более ощущим и понятным, когда пришел Пушкин. Батюшкову было присуще многое из того, что стало позднее столь характерным для поэтов пушкинской плеяды, — он ведь был самой ранней ее звездой.

Есть в истории нашей литературы заразительный и прекрасный пример того, как можно одновременно восторгаться поэтом и относиться к нему критически.

Перед нами заметки Пушкина — читателя Батюшкова, — сделанные на экземпляре книги «Опыты в стихах и прозе», изданной в Петербурге в 1817 году (часть вторая). Исследователи прежде полагали, что Пушкин делал эти заметки вскоре после выхода книги Батюшкова. Теперь же придерживаются мнения, что они сделаны не ранее 1830 года.

Известно стихотворение «К друзьям».

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может драгоценен.
Я добрым гением уверен,
Что в сем Дедале рифм и слов
Недостает искусства (и т. д.).

На полях против этих строк Пушкин пишет: «Весьма дурные стихи». Слова «драгоценен» и «уверен» подчеркнуты, очевидно, потому, что Пушкин не считал их рифмой. И верно: одинаковые опорные (на ударении) гласные («е») не поддерживаются звучанием предшествующих им согласных («ц» и «в»).

Его приводят в восторг двустишие:

Земную ризу брошу в прах
И обновлю существование!

На полях Пушкин пишет: «Прекрасно». Далее находим живые, непосредственные, всегда взыскательные отклики: «Прелесть», «Слабо», «Темно», «Не то», «Прелест и совершенство — какая гармония».

Иногда Пушкин вспоминает старый вариант стихов Батюшкова и отдает ему предпочтение.

О подвигах своих расскажет древний воин,
Товарищ юности; и, сидя за столом,
Мне лагерь начертит веселых чащ вином.

Пушкин рядом с этими строками пишет: «Было прежде: чащ пролитых вином — точнее».

Пушкин любил Батюшкова и вместе с тем был к нему предельно строг. Разумеется, Пушкин — это не обычный читатель, а гениальный читатель, образец взыскательности и вкуса. Узнав и изучив Пушкина, читающего и размышляющего, наш современник многому у него научится.

И я с давних пор держу перед глазами в качестве примера отношения учителя и ученика — Батюшкова и Пушкина. И в этой связи нередко вспоминаю о Жуковском, который отметил «победителя-ученика» и считал себя «побежденным».

Безбрежное поле русской словесности долгое время было у нас размежевано вульгарными социологами на узкие полоски, на каждой из которых восседал «изучаемый писатель». Где мелко-, где средне-, где крупнопоместный. И за Батюшковым было закреплено мечтко. Но не на просторах любимой им России, а среди развалин греческих храмов и древностей Неаполя.

Человек трагической судьбы и больших противоречий, Батюшков усилиями отдельных исследователей и истолкователей его творчества был превращен в далекого от реальной жизни певца эллинских мифов. У многих, писавших о Батюшкове, его сочинения выглядят этакой мраморной плитой, на которой начертаны некие давние письмена.

Забегая вперед. Приближайшем знакомстве перед нами не один портрет Батюшкова. Перед нами два портрета.

Первый. Молодой русский офицер. Он скачет в бой. 1812 год. Победа русских войск, окрыленность, Париж, далеко идущие замыслы. Живость, одухотворенность, глубокий интерес к окружающему...

И второй. Душевнобольной, измученный человек. Тягчайшее одиночество. Друзья, придумывающие «Эолову арфу» в доме, где живет поэт: пусть ее звучание разгонят смертельную тоску. Не помогает — так же, как и все прочее...

Вглядимся в эту жизнь. Перечитаем страницы поэта. Еще не все, далеко не все следы этого человека замечены ветром времени. Хотя бы потому, что во многие из этих следов почтительно ставил ногу Александр Пушкин...

В этом году мы отмечаем 200-летие со дня рождения Константина Николаевича Батюшкова. Он родился в Вологде 18 (29) мая 1787 года. Раннее детство он проводит в родовом имении отца, в Даниловском, вблизи Бежецка бывшей Тверской губернии. Мать поэта вскоре после его рождения сошла с ума (умерла в 1795 году).

Десятилетнего Батюшкова отдают в петербургский пансион француза Жакино, а затем в пансион итальянца Триполи. Здесь будущий поэт изучает европейские языки, с упоением читает классиков XVII и XVIII веков, начинает писать. В эту пору большое влияние на Батюшковаоказал его дальний родственник и друг отца, известный тогда писатель М. Н. Муравьев. Первое литературное произведение четырнадцатилетнего Батюшкова было напечатано отдельной брошюрой (перевод на французский язык «Слова митрополита Платона по случаю коронации Александра Первого»).

В 1802 году Батюшков зачисляется на службу в министерство народного просвещения. Служба тяготит поэта, но обстоятельства не позволяют оставить ее. Старинный дворянский род Батюшковых обеднев. Имяение пришло в упадок. «Могу умереть с голоду», «ни гроша нет» — это даже не жалобы, а констатация печального факта.

Высокопоставленных покровителей и меценатов, какие бывали у некоторых поэтов того времени, Батюшков не имел да и не хотел искать их сочувствия и внимания: «Просить и кланяться в Петербурге не буду, пока будет у меня кусок хлеба».

«Я писал о независимости в стихах, о свободе в стихах», — говорил впоследствии поэт о своем творчестве, которое он противопоставлял писаниям многих угодливых писателей той поры.

«Не чиновен, не знатен и не богат» — в такой краткой, но внятной характеристике, данной Батюшковым своему положению в современном ему обществе, много правды. Занятие литературой (по крайней мере первые два десятилетия XIX века) не сулило никаких выгод, никаких заработка. Сочинитель довольствовался, должен был довольствоваться благородностью издателя. В силу всего этого поэт и вынужден был поступить на службу.

В начальную творческую пору Батюшков сближается с литераторами, членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» Н. А. Радищевым — сыном автора «Путешествия из Петербурга в Москву», И. П. Пинским. Он встречается с Державиным, Озеровым, Капнистом и другими известными писателями и общественными деятелями. Завязывается крепкая и делящаяся многие годы дружба с Н. И. Гnedичем, поэтом и переводчиком, впоследствии составителем и издателем сочинений Батюшкова.

В 1807 году, когда войска Наполеона угрожают России, поэт оставляет гражданскую службу и записывается в народное ополчение. Со своей частью он отправляется в Пруссию, участвует в походе. В сражении под Гельзбергом он был ранен в ногу. Уже в следующем, 1808 году Батюшков участвует в войне со Швецией, в походе в Финляндию. Во время похода им написано несколько стихотворений и начат перевод поэмы Торквата Тассо «Освобожденный Иерусалим».

В 1809 году Батюшков участвует в походе по льду на Аландские острова. В начале лета он получает отпуск, после короткого пребывания в Петербурге едет в имение Хантоново, где пишет среди прочего стихотворный памфlet «Видение на берегах Леты», разошедшийся в списках и напечатанный в искаженном виде лишь через тридцать два года после его создания. Один из списков стихотворения, которое, по существу, является маленькой сатирической поэмой, был назван «Страшный суд русских писателей, или видение на берегах Леты дон Ипотаса де Ротти». Этот боевой памфlet был подхвачен всей передовой Россией. Имя Батюшкова как поэта становится широко известным. Осмеянные им шишковисты неистовствовали — поэт попал не в бровь, а в глаз. Не могли быть в восторге от «Видения на берегах Леты» и сентименталисты, они (за исключением Карамзина, весьма почитаемого поэтом) также подверглись осмеянию. Остроту и боевой дух сатиры Батюшкова высоко ценил Пушкин, назвавший в ряду произведений, «презревших печать» того времени, и «Видение на берегах Леты».

С декабря 1809 года поэт живет в Москве. Он намерен выйти в отставку, служить в дипломатической миссии, мечтает путешествовать по Европе. В Москве в 1810 году Батюшков знакомится с Карамзиным и входит в круг близких ему литераторов. Получив

отставку в чине подпоручика, поэт в этот период своей жизни много пишет в стихах и в прозе, переводит, причем переводы зачастую превосходят оригиналы.

В начале 1812 года Батюшков выезжает в Петербург и в апреле этого года поступает в Публичную библиотеку в качестве помощника хранителя манускриптов.

Начавшаяся в 1812 году Отечественная война усиливает в душе поэта патриотическое чувство. Он хочет пойти на войну, но болезнь — сильная лихорадка — мешает ему сразу же осуществить это намерение. Почти в канун Бородинского сражения он берет отпуск и приезжает в Москву для того, чтобы сопровождать в Нижний Новгород вдову своего наставника Е. Ф. Муравьеву и ее семью. Стечение беженцев и народные бедствия, увиденные поэтом по пути следования из Москвы в Нижний, производят на него тяжелое впечатление. Батюшков возвращается в Москву после изгнания из нее французов. Сердце его надрывается при виде народных страданий.

В 1813 году, как только позволило состояние здоровья, Батюшков выезжает в Дрезден, в главную квартиру действующей армии. Он, адъютант при генерале Раевском, участвует в боях. В сражении под Лейцигом погибает воспетый Батюшковым его друг Петин, ранен Раевский. В 1814 году поэт участвует в переходе наших войск через Рейн и вступлении во Францию.

Неудавшаяся в 1815 году попытка жениться, расстройство дел и испортившиеся отношения с отцом поэт переживал тяжело. Некоторое время он живет на Украине (город Каменец-Подольский) у своего военного начальства. Поэты заочно выбирают в члены литературного общества «Арзамас», в которое входили А. С. Пушкин, В. Л. Пушкин, В. А. Жуковский, Д. В. Даудов, Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев и другие. В ту пору Батюшков переживает большой творческий подъем: за год пишет двенадцать стихотворных и восемь прозаических произведений.

После приезда в Москву поэт становится членом «Московского общества любителей словесности». При вступлении в него была оглашена «Речь о влиянии легкой поэзии на языки» — историко- и теоретико-литературная статья Батюшкова, опубликованная в «Трудах» общества. Как «один из лучших, можно сказать, классических, наших поэтов», по предложению А. Е. Измайлова, он избирается почетным членом «Вольного общества любителей словесности». Поэт принимает участие в заседаниях «Арзамаса». В октябре 1817 года выходят «Опыты в стихах и прозе» — первое издание сочинений Батюшкова.

После поездок в деревню с целью спасти от продажи с публичного торга имение умершего в 1817 году отца, после пребывания в Петербурге поэт весной 1818 года отправляется на юг, на лечение. По совету Жуковского он подает прошение о зачислении в одну из миссий в Италии. В Одессе поэт получает от А. И. Тургенева письмо, извещающее его о назначении на дипломатическую службу в Неаполь. После долгого путешествия (Варшава, Вена, Рим) он прибывает на место службы. Впечатления от поездки у Батюшкова ярки; духовно важной и ценной для поэта была встреча с группой русских художников (Сильвестром Щедриным, Орестом Кипренским и другими), живших тогда в Риме. Но поэт тоскует по России и об этом пишет в своих письмах к друзьям. Он не ладит с начальником — русским посланником графом Штакельбергом. Сановный лакей измывался над самолюбивым и легко ранимым поэтом, пытаясь его унизить. Однажды Штакельберг поручил своему подчиненному, сверхштатному секретарю миссии Батюшкову, составить бумагу, суть которой расходилась с убеждениями поэта. Он возразил начальнику. Тот ответил, что подчиненный не имеет права рассуждать.

Измученный болезнями, издевками Штакельберга и ему подобными, утомленный походами и переездами, исподволь навредившей манией преследования, Батюшков фактически кончает свой творческий путь в 1821 году — около тридцати пяти лет от роду. Душевная болезнь одолела поэта, его яркое дарование и глубокий ум. Поэт уничтожает все, что написано им в Италии. Несколько раз покушается на самоубийство. Просит разрешения удалиться в монастырь и постричься в монахи.

Безуспешны все попытки вылечить Батюшкова. В 1828 году его поселяют в Москве, в Грузинах, в специально снятом для него домике. «Известие твое о Батюшкове,— пишет Вяземский А. И. Тургеневу,— меня сокрушает... Мы все рождены под каким-то бедственным созвездием. Не только общественное благо, но и частное не дается нам. Черт знает как живем, к чему живем!»

Свыше тридцати лет тяжелая душевная болезнь терзала Батюшкова. Свыше трех десятилетий он чувствует себя в «одиночной камере безумия». Он бродит, боясь преследования и произнося проклятия. «Хочу смерти и покоя». «Несслерод буде наказан, как убийца». И в «Подражание Горацио» — «Не царствуйте, цари! Я сам на Пинде царь».

Больному Батюшкову на протяжении трех с лишним десятилетий кажется, что он в тюрьме, что он окружен врагами. Привыкает к себе внимание наше тот факт, что своими врагами он считал императора Александра и преданного исполнителя его воли — графа Нессельроде. Он писал Жуковскому о «каторге, где погибают

ежегодно», погибает на протяжении почти половины всей жизни. Болезнь Батюшкова носила оттенок, дававший Белинскому право, не вдаваясь в подробности и объяснения, утверждая, что «превосходный талант этот был задушен временем».

Ярок и характерен эскиз портрета, сделанный рукой Батюшкова: «Ему около тридцати лет. Он то здоров, очень здоров, то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя: посмотришь завтра — удалился в мысли, в религию и стал мрачнее инока. Лицо у него точно доброе, как сердце, но столь же непостоянное. Он тонок, сух, бледен, как полотно. Он перенес три войны и на биваках был здоров, в покои — умирал! ...он не охотник до чинов и крестов. А плакал, когда его обошли чином и не дали креста... В нем два человека... Оба человека живут в одном теле...»

Конечно, это не портрет, а автопортрет: «Это я! Догадались ли теперь?» — поясняет Батюшков. В этом автопортрете, написанном с глубоким пониманием светотени, художник рисует два различных облика, оказавшихся в его душе. Одного, являющегося выражением передового, светлого начала, он условно называет «белым» человеком, другого, символизирующего все отсталое, реакционное, он именует «черным». «У белого совесть чувствительна, у другого — медный лоб,— пишет Батюшков.— Белый обожает друзей и готов для них в огонь; черный не даст и ногтей обстряч для дружества, так он любит себя пламенно. Но в дружестве, когда дело идет о дружестве, черному нет места; белый на страже! В любви... но не кончим изображение, оно и гнусно, и прелестно! Все, что ни скажешь хорошего насчет белого, черный припишет себе. Заключим: эти два человека или сей один человек живет теперь в деревне и пишет свой портрет первом по бумаге».

Батюшков пытается, чтобы «эти два человека или сей один человек» жили в согласии. Но это ему никак не удается. Прогрессивное и реакционное, «белое» и «черное» ведут борьбу не на жизнь, а на смерть. Впервые с такой определенностью в русской литературе показана эта борьба «белого» человека с «черным», образ которого многократно будет варьироваться позднее вплоть до Блока и Есенина.

Если «белый» человек пишет Александру I четверостишие (к сожалению, не дошедшее до нас) с просьбой отменить крепостное право, если он с тяжелым вздохом говорит: «Судьба подчиненных мне людей у меня на сердце», то у «черного» проскальзывают интонации человека, привыкшего к владению крепостными. «Белый» человек благожелательно пишет о радищевце Пинне, «черный» готов отречься от «огненных страстей юности».

Нет, решительно не могли мирно сожительствовать и строить свои отношения как добрососедские эти два разных человека.

Батюшков был натурой увлекающейся, порывистой, беспокойной: «...я вспомину чувствовать не умею», или, тоже о себе: «...сердца, одаренные глубокою или раздражительною чувствительностью, часто не знают середины». Чтобы показать амплитуду философских колебаний Батюшкова, стоит привести его высказывания в период с сентября по ноябрь 1809 года (в письмах к Гнедичу): «...тело от души разлучать не должно». И далее, на вопрос, что называть разумом, Батюшков отвечает: он, разум, «не сын ли, не брат ли, лучше сказать, тела нашего?».

Трагический разлад между идеалом и действительностью еще много десятилетий будет терзать и мучить русских литераторов, принимая форму то прямого протesta, то едкой иронии и горькой печали — чувственного выражения неудовлетворенности жизнью, — то злопоязыка басни и сатиры, то романтического полета и героики. Много десятилетий русские поэты и писатели будут слышать железный шаг класса, преданного «промышленным заботам» (Баратынский). Это шел тот командор, рука которого, именуемая по старому десницей, привыкла пересчитывать золото. Введенное чувствительным Карамзиным слово «промышленность» прочно входило в быт.

Влюбленному в благозвучие поэтической речи и полногласие распева, ищащему гармонии в природе и обществе Батюшкову невозможно было привыкнуть к железному скрежету. Но поэт вместе с тем уже не мог не останавливаться на этих звуках, неприятных его уху. Они становились все громче. «О, век железный!» — воскликнул Батюшков осенью 1809 года. Через четверть века Баратынский в стихотворении «Последний поэт» подхватил это восклицание и сделал его эпически достоверным утверждением, почти констатацией:

Век шествует путем своим железным.

Пройдет еще много десятилетий, и Александр Блок в своем «Возмездии» скажет:

Век девятнадцатый, железный.

Воистину жестокий век!

Чуткий и впечатлительный Батюшков один из первых в дорассветной рани услышал скрежет железа и на себе испытал пожжение не каменной, а железной десницы.

После многих лет болезни и страданий Батюшков умер от тифа в Вологде 7(19) июля 1855 года.

Большие биографические и творческие пропуски ли-

шают возможности с желательной полнотой воссоздать картину развития Батюшкова. Многое скрыто от нас сам поэт — уничтожил часть рукописей. Но и при учете этих пропусков, и при упоминании о «не созревших надеждах» творческий облик Батюшкова и вклад поэта в русскую литературу встают перед нами сегодня в своем истинном значении.

Надо помнить, что Батюшков еще готовился к главным свершениям в своем творчестве. Поэт говорил о себе: «Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Под узнай теперь, что в нем было».

Читатель обращается к реальному литературному наследию Батюшкова и видит, что оно ценно и по сумме идей, заложенных в нем, и по богатству историко-культурных ассоциаций, и по смелости разноречивых образов, и по окрыленности их, и по возвышенному строю и дивной певучести поэтической речи. Батюшков — чародей мелодии стиха. Его стих хочется произносить слегка нараспев, как некогда произносились трагические монологи: не говорить, а именно декламировать.

До Батюшкова наши поэты не уделяли такого пристального внимания звуку в стихе. Автора «Тени друга» не могли увлечь примитивные звукоподражания. Стих его удивительно музыкален, весь как бы пронизан стихией мелодии. Он и в чтении певуч.

К числу горячих увлечений Батюшкова относится живопись. Поэт был хорошим рисовальщиком. Он присуживает часами «с Винкельманом в руке», вникая в искусство древности. Он посещает музеи и картинные галереи. Их воздействие на его ум и сердце неотразимо, о чем сам поэт пишет в своих письмах и статьях. Его «Прогулка в Академию художеств» является одним из ярких, смелых и ранних по времени критических обзоров пространственного искусства, сделанных тонко и по-своему злободневно. Это последнее качество стоит подчеркнуть: Батюшков хорошо понимал насущную необходимость создания русской национальной живописи.

К числу задуманных и, к сожалению, невыполненных работ относится курс истории литературы. «Хочется написать в письмах маленький курс для людей светских и познакомить их с собственным богатством», — пишет поэт Вяземскому в 1817 году. Замечания историко- и теоретико-литературного характера, разбросанные в письмах и статьях Батюшкова, и в наши дни читаются с большим интересом.

Статья «Нечто о поэте и поэзии» является предварительными намеками новой поэтики с отступлениями в психологию творчества. Батюшков делает попытку ощутить в разрозненных произведениях словесности литературный процесс. В вопросах языка и стиля поэт занял определенную и далеко не компромиссную позицию. Эта позиция роднит его с самыми передовыми деятелями русской литературы.

Стиль писателя Батюшков ставит в зависимость от мышления его: «Есть писатели, у которых слог темен, у иных — мутен; мутен, когда слова не на месте; темен, когда слова не выражают мысли, эти мысли неясны от недостатка точности и натуральной логики».

Многолинейность, разнохарактерность образов Батюшкова, широта его чувствований, высокая культура стиха — все это привлекает к нему внимание. В его поэзии нет доминанты — печальной или радостной. Батюшков не только грустно-мечтательен, но и весел, не только порывист, но и глубокомыслен.

Батюшков надолго пережил свою творческую карьеру. Первая книга Батюшкова «Опыт в стихах и прозе» является одновременно и последней. Об этом можно только глубоко сожалеть. Ведь, по мнению Белинского, «Батюшкову немного недоставало, чтобы он мог переступить черту, разделяющую талант от гениальности».

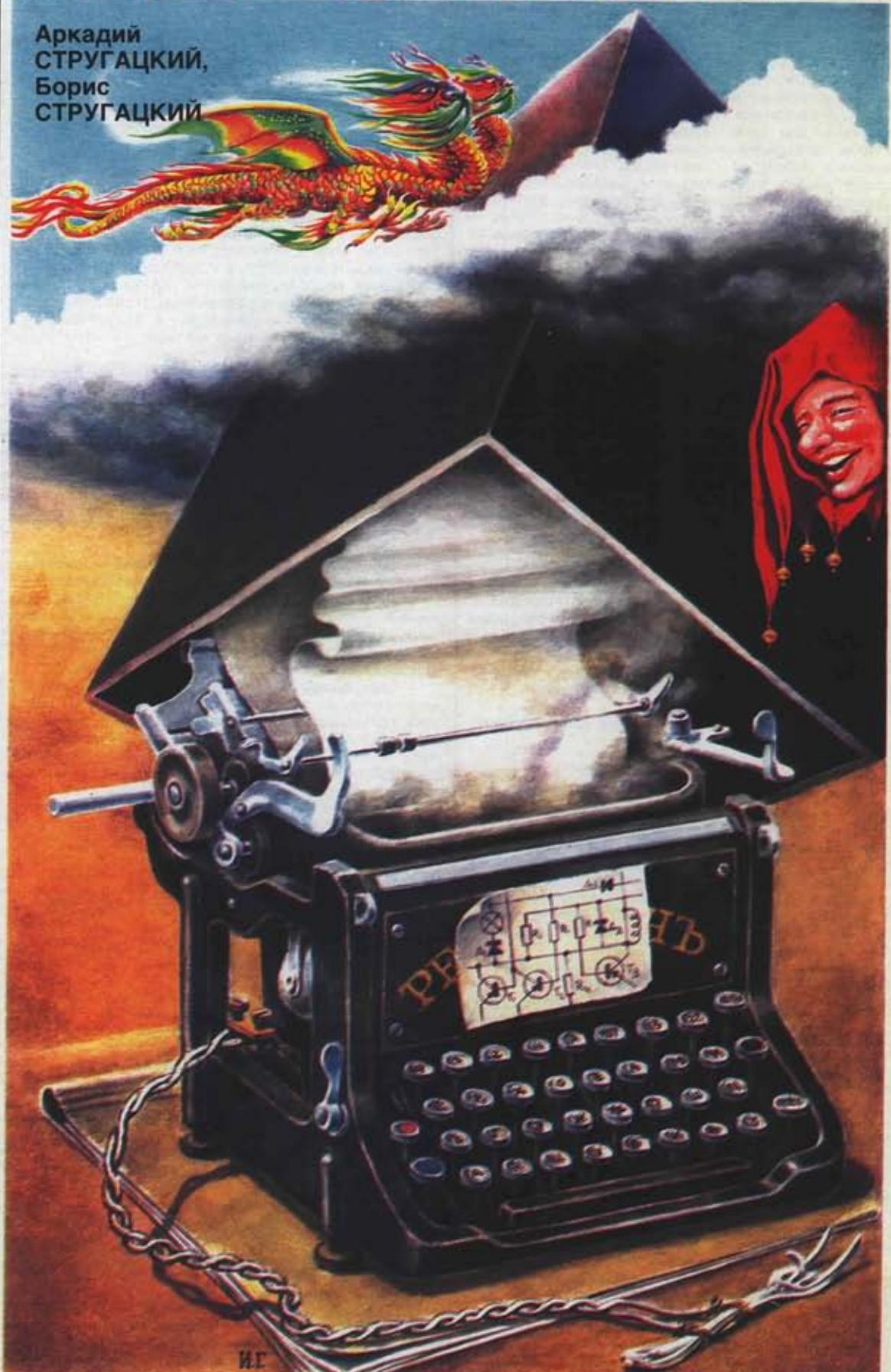
Невелико по количеству и объему, но ценно по своему историко-культурному и эстетическому значению наследие поэта. С годами, с десятилетиями становится все более очевидным, что без учета вклада Батюшкова в классическую русскую поэзию не понять ее истоков, ее поступательного развития. «Память сердца» бережно хранит звонкое имя поэта.

Пришел Пушкин и силой своего гения отдал от нас своих предшественников: Державина, Жуковского, Батюшкова. Отдал? Это первое ощущение со временем сменяется другим, противоположным: не отдал, а прилизил. И это ощущение остается надолго, навсегда.

Среди высказываний Батюшкова есть звучащие актуально, остро современно. Например: «...Как жаль, что мои товарищи мало пользуются собственным богатством». Будто сказано это вчера вечером или сегодня утром, пришло в наши квартиры с последней почтой. Это попрек старшего: вы проходите мимо своих сокровищ, прибдянетесь, не замечаете, не дорожите памятниками старины и сделанным современниками. Понек и предупреждение. Предупреждение и напутствие. Среди прочего в этих словах есть оттенок, который, конечно, не предусмотрен Батюшковым. Этот оттенок привнесен нашими днями, и мы можем сказать друг другу: как жаль, что мои товарищи лишь понаслышке знают о Батюшкове и мало пользуются его богатым оставленным нам наследием.

СКАЗКА О ТРОЙКЕ

Аркадий
СТРУГАЦКИЙ,
Борис
СТРУГАЦКИЙ

В славном Китежграде герои народных сказок, легенд, мифов и преданий чувствуют себя так же свободно и вольготно, как и герои Рабле,

как и вымышленные персонажи, хорошо известные каждому из нас из опыта своей жизни, полной проблем, забот, борьбы,

требующей поступков и веры в свои силы...

Китежград и его обитатели знакомы многим читателям по популярной повести братьев Стругацких

«Понедельник начинается в субботу» (изд-во «Детская литература», 1979 г.), по телефильму «Чародеи», снятому по их сценарию. «Сказка о Тройке» — продолжение повести «Понедельник начинается в субботу», герои которой и здесь не вешают нос, столкнувшись с глупостью и пошлостью, но с весельем и отвагой

вступают в отчаянную схватку с ними.

В лукавом и потешном сказочном обличье, в карнавальном круговороте фантасмагорических персонажей и ситуаций предстает перед нами противоборство молодых творческих сил с бюрократическим консерватизмом, громыхающим столь хорошо знакомым всем нам привычным набором фраз, штампов, бесплодных резолюций, продиктованных единственным желанием запретить все необычное, живое, свежее, плодотворное.

Сказка весело и заразительно смеется над этими отжившими свое застанными явлениями, борьба с которыми в наши дни приобрела такую остроту и значение.

«Сказка — ложь, да в ней намек,

добрый молодцам урок». Уроки «Сказки о Тройке» очевидны и не подлежат сомнению. Жизнь не остановила, это не по силам никаким параграфам и регламентациям, она идет вперед, движимая усилиями людей, полных сил, замыслов и веселой отваги.

Актуальность этого произведения, его ненатужное, изящное остроумие, пронизанное бодростью и оптимизмом юмор наверняка привлекут к сказке-сатире внимание читателей, и прежде всего молодых, кому хочется пожелать идти по жизни с отважным весельем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мы сидели на травке в пыльном скверике под окнами заводского управления и переваривали обед — каждый по-своему. Федя читал «Китежградские новости», медленно ведя по строчкам черным неразгибающимся пальцем; мрачный Витя Корнеев лелеял обуревшие его черные замыслы; Эдик Амперян спрашивал, Роман Ойра-Ойра отвечал; а я, не теряя драгоценного времени, загорал себе подмышки. Комаров и слепней поблизости не было, они тоже, вероятно, переваривали обед.

Внизу под обрывом величественно несла в своих хрустальных струях ядовито-оранжевые сточные воды прохладная Китежа. На другом берегу сладко томились под солнцем заливные луга. По ровной желтой насыпи, выбрасывая белые дымки, полз игрушечный поезд. На горизонте в парном мареве синела зубчатая кромка далекого леса. Над серыми башнями Старой крепости, сверкая солнечными зайчиками, совершало эволюции небольшое летающее блюдо.

Окна завода управления были раскрыты, и слышно было, как пишущие машинки вяло и неубедительно отвечают на энергичные напористые очереди бухгалтерских «рейнметаллов». Зажмурившись, можно было легко представить себя в районе боев местного значения. В полуподвале управления, подчиняясь сложному ритму, сдвоенно и тяжело грохали печатающие механизмы табуляторов. Пикирующими бомбардировщиками визжали и завывали на складе циркулярные пилы. По бомбардировщикам выпускали обойму за обойму скорострельные пневматические молотки. В ремонтных мастерских, устрашающе лязгая гусеницами, разворачивались танки, а где-то в цехах дальновидно ухал паровой молот. Кроме того, у ворот склада разгружали машину листового железа — звуки были сочные, военные, но я не мог подобрать для них удовлетворительную аналогию.

— А это что за развалина? — спрашивал Эдик.

— А это Старый Китежград, — отвечал Роман.

— Тот самый?

— Тот самый. Двенадцатый век.

— А почему только две башни? — спросил Эдик.

Роман объяснил ему, что до осады было четыре: Кикимора, Аукашка, Плюнь-Ядовитая и Уголовница. Годзилла прожег стену между Аукалкой и Уголовницей, ворвался во двор и вышел защитникам в тыл. Однако был он дубина, по слухам — самый здоровенный и самый глупый из четырехглазых драконов. В тактике он не разбирался и не хотел, а потому, вместо того чтобы сосредоточенными ударами сокрушить одну башню за другой, кинулся на все четыре сразу, благо голов как раз хватало. В осаде же сидела нечисть бывшая и самоутверженная, бравая Разбойники сидели, Соловей Одихмантьевич и Лягва Одихмантьевич, с ними Лихо Одноглазое, а также союзный злой дух Кончар по прозвищу Прыщ-И Годзилла, естественно, пострадал через дурость свою и жадность. Вначале, правда, ему повезло освободить Кончара, скорбного в тот день вирусным гриппом, и в Плюнь-Ядовитую ально ворвался Годзиллов прихвостень Вампир Бевульф, который, впрочем, тут же прекратил военные действия и занялся пьянством и грабежами. Однако это был первый и единственный успех Годзиллы за всю кампанию. Соловей Одихмантьевич на пороге Аукалки драли бешено и весело, не отступая ни на шаг. Лягва Одихмантьевич по малолетству отдал было первый этаж Кикиморы, но на втором закрепился, раскачал башню и обрушил ее вместе с собою на атаковавшую его голову в тот самый момент, когда хитрое и хладнокровное Лихо Одноглазое, заманившее правофланковую голову в септические подвалы Уголовницы, взорвало башню на воздух со всем содержимым. Лишившись половины голов, и без того недалекий Годзилла окончательно одурел, пометился по крепости, давя своих и чужих, и, брыкаясь, кинулся в отступ. На том бой и окончился. Захмелевшего Бевульфа Соловей Одихмантьевич прикончил акустическим ударом, после чего сам скончался от множественных ожогов. Уцелевшие ведьмы, лещие, водяные, аукалки, кикиморы и домовые перебили деморализованных вурдалаков, троллей, гномов, сатиров, наяд и дриад и, лишенные отныне руководства, разбрелись в беспорядке по окрестным лесам. Что же касается дурака Годзиллы, то его занесло в большое болото, именуемое ныне Коровьим Вязлом, где он вскорости и подох от газовой гангрены.

— Любопытно, — проговорил Эдик, разглядывая из-под ладони заросшие серые глыбы Аукалки и Плюнь-Ядовитой. — А вход туда свободный?

— Свободный, — ответил Роман. — За пятак.

— Жалко, — сказал Эдик. — Не успею я туда сходить.

Роман промолчал, а Витька Корнеев, отвлекшись от черных мыслей, посмотрел на Эдика с состраданием.

— А вот это блудце? — спросил Эдик. — Это наше блудце?

— Наверное, — сказал Роман. — Колонист какой-нибудь упражняется. Чтобы навыков не терять.

— А где сама Колония?

— В городском парке, вон на том конце города.

— Сходим? — предложил Эдик.

— Успеется, — сказал Роман.

Эдик посмотрел на часы.

— Четыре часа, — сказал он озабоченно. — До приема остался всего час, но, может быть, успеем? А то пока разговоры, пока бумаги подпишут...

— Пока тебе подпишут здесь бумаги, шляпа ты фетровая, — сказал грубый Корнеев, — и пока кончатся все разговоры, ты здесь и накупаешься, и назагоряешься, и на лыжах находишься, и женишься, и разведешься (Эдик посмотрел на него с изумлением), от Колонии тебя будет тошнить, от этих дурацких развлечений тебя будет рвать...

— Что это с ним? — спросил Эдик, обращаясь к Роману. Роман, не говоря ни слова, повалился на спину и задрал ногу на ногу. Тогда Эдик поглядел на меня. Глаза у него были такие чистые, такие наивные, и весь он был такой нездешний, такой увереный в могуществе разума, такой свеженький из своего отдела Линейного Счастья, еще пахнущий яблоками и детским смехом, такой избалованный — избалованный дружбой с умными и добрыми людьми, избалованный рациональностью и справедливостью, избалованный горным воздухом чистого знания... Витька и Роман тоже были такими две недели назад.

— Эдик, — ласково сказал я. — Ты намерен, я вижу, сегодня же вечером вернуться в Институт?

— Да, — сказал Эдик. — А что?

— И времени у тебя нет? Вся аппаратура готова, а завтра прямо с утра ты хочешь начать?

— Естественно...

— И тебе так не терпится начать, что ты просто не можешь позволить себе остаться здесь еще хотя бы на день, чтобы осмотреть Колонию?

— Да, да... Вообще, я бы с удовольствием, но... В чем дело?

— А внимательно осмотреть крепость? — спросил я.

— А поискать зубы Годзиллы, выбитые Соловьевым Одихмантьевичем? — предложил Роман.

— И еще девочки, — сказал Витька с горечью. — Ух, какие девочки в Китехграде!

— Я не понимаю, ребята, — сказал Эдик. От обиды у него даже припухла нижняя губа. — Не смешно.

— Ты еще не знаешь, до чего все это не смешно, — сказал Роман. — Тебе вот даже не пришло в голову спросить, почему мы сидим здесь так долго? Саша уже второй месяц, а мы с Витькой третью неделю. Уж не стал ли ты, чего доброго, эгоистом?

— Ну как — почему... У Саша дела на заводе...

— А мы с Витькой?

— Н... ну, я не знаю... В конце концов почему я должен был об этом думать?

— Эгоист! — сказал Роман, с грустью укрепляясь в этом ужасном предположении относительно Эдика. — Федя, полюбуйтесь, пожалуйста. Вот это эгоист. Видите, как выглядит эгоист?

Федя вздрогнул, поглядел на Эдика поверх газеты, мучительно засмущался и, поскольку обе руки у него были заняты, в полном смятении задрал правую ногу, снял пенсне и принялся тереть линзы о штаны.

— По-моему... — пробормотал он. — Нет... Эгоист... Не может быть... Как же так...

— Спасибо, Федя, — сказал вежливый Эдик. — Это была шутка. — Он оглядел нас. — Вы хотите сказать, что здесь имеет место бюрократическая волокита, из-за которой я вынужден буду задержаться?

— Нет, — сказал я. — Нашей простой, многоократно описанной и разоблаченной бюрократической волокитой здесь, к сожалению, и не пахнет.

— Волокита! — презрительно сказал Витька и сплюнул сквозь зубы на одуванчик. Одуванчик увял.

— Волокита... — мечтательно произнес Роман. — Волокита, Эдик, это, в сущности, прекрасно. Несешь, бывало, на подпись что-нибудь исходящее, а бухгалтер, шалун этакий, посыпает тебя за визор к директору... Идешь к директору, а у директора, естественно, совещание, надобно подождать, садишься в кожаные кресла, пощебечешь с референтом, полистаешь газету, возвращаешься к бухгалтеру, а бухгалтер, шалунишка, на обеде... Садишься в кожаные кресла, пощебечешь со счетоводом...

— Золотые люди, — сказал Витька. — День-два, и все готово...

— А здесь? — спросил Эдик с интересом.

— А здесь, Эдик, — сказал я, — ничего этого и в заводе нет. Здесь — ТПРУНЯ!

— Ну и что же? Я знаю.

— Ты знаешь, что такое ТПРУНЯ? — осведомился Роман.

— Знаю. Тройка По Распределению и Учету Необычайных Явлений.

Витька хрюкнул захохотал.

— Да, — сказал Роман, качая головой. — Распределение и учет. И как ты себе это представляешь?

— Я никак это себе не представляю. Зачем? Два месяца назад я подал заявку. Месяц назад меня любезно известили о том, что моя заявка зарегистрирована. Сегодня мне понадобился экспонат из Колонии необычайных явлений, и я за них прибыл.

— Шалунишки! — вскричал вдруг Панург. — Учетчики-бухгалтеры! А между прочим, матриархат имеет свои преимущества! В Центральном московском бассейне некий гражданин повадился подныривать под купальщиц и хватать их за ноги. И вот одна из купальщиц, изловчившись, саданула его, нахального, ногой по голове. — Панург захохотал во все горло. — Она попала ему по челюсти, а сама вышла и отправилась одеваться. Проходит время, а нахального гражданина нет и нет. Вытащили его... — Панург снова захохотал. — Вытащили они его... Вытащили, понимаете, его, а он уже холодный! И челюсть сломана...

Все мы, кроме Эдика, тоже не могли удержаться от жуткого смеха, хотя я ощущал некий озноб. Роман побледнел лицом, а по шерстистому загривку Феди прошла волна. Витька же, отсмеявшись, сплюнул на анютину глазки и спросил Эдика:

— Понял?

— Не совсем, — сказал Эдик, рассматривая Панурга, утиравшего глаза шутовским колпаком.

— Не смешно тебе? — спросил Витька.

— Честно говоря, нет, — ответил Эдик.

— Ничего, привыкнешь, — пообещал Витька. — Время у тебя еще есть.

— Да, — сказал Роман. — Время у тебя теперь есть. Никогда в жизни у тебя не было так много времени. И я объясню тебе, почему. ТПРУНЯ, Эдик, не Тройка По Распределению и Учету. ТПРУНЯ, Эдик, это Тройка По Рационализации и Утилизации.

— Ну и что же? — спросил Эдик.

— Он воображает, будто ТПРУНЯ — это вроде кладовщика, — сожалением сказал Роман, обращаясь ко мне и к Витьке. — Он воображает, будто стоит ему принести накладную, как он тут же получит все, что требует. Что есть ТПРУНЯ? — спросил он.

Я немедленно откликнулся:

— ТПРУНЯ есть авторитетный административный орган, неукоснительно и неослабно выполняющий свои функции и никогда не подменяющий собою других административных органов.

— Понял? — сказал Витька Эдiku. — Кладовщик — это кладовщик, а ТПРУНЯ — это ТПРУНЯ.

— Позвольте, — сказал Эдик, но Роман продолжал:

— Что есть Рационализация?

— Рационализация, — мрачно ответствовал Витька, — это такая поганая дрянь, когда необъяснимое возвышается или низводится авторитетными болванами до уровня повседневности.

— Однако позвольте, — сказал смущенный Эдик.

— А что есть Утилизация? — спросил Роман.

— Утилизация, — сказал я Эдiku, — есть признание или же категорическое непризнание за рационализированным явлением права на существование в нашем бренном реальном мире.

Эдик опять попытался что-то сказать, но Роман упредил его:

— Могут ли решения Тройки быть обжалованы?

— Да, могут, — сказал я. — Но результаты не воспоследуют.

— Как мордой об стол, — разъяснил Корнеев.

Эдик безмолвствовал. Выражение решительности и готовности к благородному протесту медленно сползло с его лица.

— Авторитеты ли для Тройки, — тоном провинциального адвоката спросил Роман, — рекомендации и пожелания заинтересованных лиц?

— Нет, не авторитеты, — сказал я. — Хотя и рассматриваются. В порядке поступления.

— Что есть заинтересованное... — начал Роман, но Эдик перебил его.

— Неужели Печать? — спросил он с ужасом.

— Да, — сказал Роман. — Увы.

— Большая?

— Очень большая, — сказал Роман.

— Ты такой еще не нюхал, — добавил Витька.

— И круглая?

— Зверски круглая, — сказал Роман. — Никаких шансов.

— Но позвольте, — сказал Эдик, с видимым усилием стараясь подавить растерянность. — Если, скажем... скажем, оквадратить? Скажем... з-з... преобразование Кирима — Оппенгеймера?..

Роман покачал головой.

— Определитель Жемайтиса равен нулю.

— Ты хочешь сказать — близок к нулю?

Витька неприятно заржал.

— А то бы без тебя не додались, — сказал он.

Равен, товарищ Амперян! Равен!

— Определитель Жемайтиса равен нулю, — повторил Роман. — Плотность административного поля в каждой доступной точке превышает число Одина, административная устойчивость абсолютна, так что все условия теоремы о легальном воздействии выполняются...

— И мы с тобой сидим в глубокой потенциальной галоше, — закончил Витька.

Эдик был раздавлен. Он еще шевелил лапками, проводил усами и топорщил надкрылья, но это были уже чисто рефлекторные действия. Некоторое время он открывал и закрывал рот, потом выхватил из воздуха роскошный блокнот с надписью «Делегату городской профсоюзной конференции» и принял бешено строчить в нем, ломая и нетерпеливо восстанавливая грифель, потом вновь растиорвал в воздухе канцелярские принадлежности и принял бешено аппетита покусывать пальцы, бессмысленно тараща глаза на мирный пейзаж за рекой. Все молчали. Роман лежал на спине, задрав ногу на ногу, и, казалось, спал. Витька, вновь погрузившись в океан черных замыслов, шумно сопел и оплевывал окружающую натуру ядовитой слюной. Не вынеся этого душераздирающего зрелища, я отвернулся и стал смотреть, как Федя читает.

Федя был существом мягким, добрым и деликатным, он был очень упорен. Чтение давалось ему с огромным трудом. Любой из нас уже давно бы отказался от дела, требующего таких усилий, и признал бы себя бесталанным и негодным. Но Федя был существом другой породы. Он грыз гранит, не жалея ни зубов, ни гранита. Он медленно вел палец по очередной строке, подолгу задерживаясь на буквах «щ» и «ь», трудолюбиво покроятывал, добросовестно шевелил большими серыми губами, длинными и гибкими, как у шимпанзе, и, наткнувшись на точку с запятой, надолго замирал, собирая кожу на лбу в гармошку и судорожно подергивал далеко отставленными большими пальцами ног. Пока я смотрел на него, он до брался до слова «дезоксирибонуклеиновая», дважды попытался взять его с налету, не преуспел, применил слоговой метод, запутался, пересчитал буквы, затрепетал и робко посмотрел на меня. Пенсне косо и странно сидело на его широкой переносице.

— Дезоксирибонуклеиновая, — сказал я. — Это такая кислота. Дезоксирибонуклеиновая.

Он, жалко улыбаясь, поправил пенсне.

— Кислота,— повторил он перехваченным голосом.— А зачем она такая?

— Иначе ее никак не назовешь,— сочувственно сказал я.— Разве что сокращенно—ДНК... Да вы это пропустите, Федя, читай дальше.

— Да-да,— сказал он.— Я лучше пропущу.

Он снова принял читать, а я смотрел на него и думал, какой же чудовищной мощью должна обладать Большая Круглая Печать, если одного прикосновения ее к бумаге оказалось достаточно для того, чтобы навеки закаблить этого свободолюбивого снежного человека, этого доброго и деликатного властыку недоступных вершин и превратить его в вульгарный экспонат, в наглядное пособие для популярных лекций по основам дарвинизма. Потом я услышал осторожное кваканье и обернулся. Кузька был, конечно, тут как тут. Он сидел на крыше заводского управления и робко поглядывал в нашу сторону. Я помахал ему и поманил его пальцем. Он, как всегда, страшно смущался и попятился. Я призываю похлопал ладонью по траве возле себя. Кузька смущался окончательно и спрятался за вытяжную трубу.

Витька вдруг рявкнул:

— Хватать и тикать. Плевал я на них. Подумаешь, Печать... В первый раз, что ли...

— Главное в нашем положении,— сказал Роман, не открывая глаз,— это спокойствие. Выдержка и ледяное хладнокровие. Надо искать пути.

— Главное в нашем положении — вовремя рвануть когти,— возразил Корнеев.— Унося что-нибудь в клюве при этом,— добавил он.

— Нет-нет,— встрепенулся Эдик.— Нет! Главное в нашем положении — не совершать поступков, которых мы будем стыдиться.

Я посмотрел на часы.

— Главное в нашем положении — не опоздать к началу заседания. Лавр Федотович очень не одобряет опозданий.

Мы встали. Федя из вежливости тоже встал. Когда мы выходили из скверика, я обернулся. Федя уже снова читал. А Кузька сидел рядом с ним и пробовал на зуб шапочку с бубенцами, которую часто оставлял после себя Панург.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ровно в пять часов мы перешагнули порог комнаты заседаний. Как всегда, кроме коменданта Колонии, никого еще не было. Комендант сидел за своим столиком, держал перед собой открытое дело и ак подпривал от нетерпеливого возбуждения. Глаза у него были как у античной статуи, а губы непрерывно двигались, словно он повторял в уме горячую защитительную речь. Нас он не заметил, и мы тихонько расселись на стульях вдоль стены под табличкой «Представители». Роман сразу же принял орудовать пилочкой для ногтей. Витька засунул руки в карманы и выставил ноги на середину комнаты. Эдик, усевшись в изящной позе, осторожно озирался. Он скользнул равнодушным взглядом по демонстрационному столу прямо перед входом, по маленькому столику с табличкой «Научный консультант», с некоторым беспокойством задержал взгляд на огромном, под зеленой суконной скатертю столе для Тройки и, все более беспокоясь, принял изучать увлеченного коменданта, полускрытое горой канцелярских папок. Вид чудовищного коричневого сейфа, мрачно возвышавшегося в углу позади коменданта, поверг его в первую панику, а когда он поднял глаза и обнаружил на стене необычайный кумачовый лозунг «Народу не нужны нездоровые сенсации. Народу нужны здоровые сенсации», лицо его так переменилось, что я понял: Эдик готов.

Именно в этот момент, вероятно, комендант вдруг ощутил, что в комнате присутствует нечто, не прошедшее должной проверки и оной подлежащее. Он встрепенулся, повел большим носом и обнаружил Эдика.

— Посторонний! — произнес он со странным выражением.

Эдик встал и поклонился. Комендант, не спуская с него напряженного взора, вылез из-за стола, сделал несколько крадущихся шагов и, остановившись перед Эдиком, протянул руку. Эдик пожал руку и представился: «Амперян». Затем он отступил и поклонился снова. Потрясенный комендант несколько мгновений стоял в прежней позе, а затем поднес падонь к лицу и недоверчиво осмотрел ее. Затем он с беспокойством, как бы ища оброненное, оглядел пол у своих ног.

— Здорово, Зубо,— сказал грубый Корнеев.— Эдик, это Зубо. Дай ему документы, а то его сейчас кондрат хватит.

Витька был недалек от истины. Комендант, болезненно улыбаясь, продолжал лихорадочно озираться. Эдик торопливо сунул ему свое удостоверение. Комендант ожила. Действия его стали осмысленными. Он

пожрал глазами сначала фотографию на документе, а на закуску глазами же пожрал самого Эдика. Явное сходство фотографии с оригиналом привело его в восторг.

— Очень рад! — воскликнул он.— Зубо моя фамилия. Комендант я. Представитель, так сказать, городской администрации. Устраивайтесь, товарищ Амперян, располагайтесь, нам с вами еще работать и работать...

Он вдруг замолчал и рысью вернулся на свое место. И вовремя. В приемной послышались шаги, голоса, кашель, дверь распахнулась, движимая властной рукой, и в комнате появилась Тройка в полном составе — все четверо — плюс научный консультант профессор Выбегалло. Лавр Федотович Вунюков, ни на кого не глядя, проследовал на председательское место, сел, водрузил перед собой огромный портфель, с лязгом распахнул его и принял выкладывать на зеленое сукно предметы, необходимые для успешного председательствования: номенклатурный бювар крокодиловой кожи, набор шариковых авторучек в сафьяновом чехле, коробку «Герцеговины Флор», зажигалку в виде триумфальной арки и призматический театральный бинокль.

Отставной полковник мотокавалерийских войск, брякнув медалями, устроился справа от Лавра Федотовича, высоко задрав седые брови и, придав таким образом своему лицу выражение бесконечного изумления и неодобрения, мирно заснул.

Рудольф же Архипович Хлебовводов, еще более похлеставший и усохший за минувшие три часа, сел подле Лавра Федотовича и принял немедленно что-то шептать ему в ухо, бесцельно бегая воспаленными с желтизной глазами по углам комнаты.

Фарфоркус по обыкновению не сел за стол. Он демократически устроился на жестком стуле напротив коменданта, вынул толстую записную книжку в дряхлом переплете и сделал в ней пометку.

Никто из членов Тройки не обратил на нас, по-видимому, никакого внимания. А научный консультант профессор Выбегалло обратил. Он равнодушно оглядел нас, сдвинул брови, поднял на мгновение глаза к потолку, как бы пытаясь припомнить, где это он нас видел, не то припомнил, не то не припомнил, усился за свой столик и принял деятельно готовиться к исполнению своих ответственных обязанностей. Перед ним появился первый том «Малой Энциклопедии», затем второй том, затем третий, четвертый...

— Гррр,— произнес Лавр Федотович и оглядел присутствие взглядом, проникающим сквозь стены и видящим насквозь. Все были готовы: полковник спал, Хлебовводов наспехтывал, Фарфоркус сделал вторую пометку, комендант, похожий на ученика перед началом опроса, судорожно листал страницы дела, а Выбегалло положил перед собой шестой том. Что же касается представителей, то есть нас, то мы значения не имели. Я посмотрел на Эдика и поспешно отвернулся. Эдик был близок к полной деморализации — появление Выбегаллы его доконало.

— Вечернее заседание Тройки объявляю открытых,— сказал Лавр Федотович.— Следующий! Докладывайте, товарищ Зубо.

Комендант вскочил и, держа перед собой раскрытую папку, начал было высоким голосом: «Машкин Эдельвейс Захарович...», но его тут же перебил бдительный Фарфоркус.

— Протестую! — крикнул он, обращаясь к Лавру Федотовичу.— Где порядковый номер дела? Почему не поименованы пункты?

Лавр Федотович повернулся голову и некоторое время рассматривал коменданта.

— Правильное обобщение, верное,— произнес он наконец.— Поименуйте, товарищ Зубо.

Комендант с бумажным шорохом облизнул сухим языком сухие губы и начал снова, но теперь уже голосом низким и как бы севшим:

— Дело номер сорок второе. Фамилия: Машкин. Имя: Эдельвейс. Отчество: Захарович...

— С каких это пор он Машкиным заделался? — брюзгливо спросил Хлебовводов.— Бабкин, а не Машкин! Бабкин Эдельвейс Петрович. Я с ним работал в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году в Комитете по молочному делу. Эдик Бабкин, плотный такой мужик, сливки очень любил... И, кстати, никакой он не Эдельвейс, а Эдуард. Эдуард Петрович Бабкин...

Лавр Федотович медленно обратил к нему каменное лицо.

— Бабкин? — произнес он.— Не помню... Продолжайте, товарищ Зубо.

— Отчество: Захарович,— дергая щекой, повторил комендант.— Год и место рождения: тысяча девятьсот первый, город Смоленск. Национальность...

— Э-дельвейс или Э-дельвейс? — спросил Фарфоркус.

— Э-дельвейс,— сказал комендант.— Национальность: белорус. Образование: неполное среднее общее, неполное среднее техническое. Знание иностранных языков: русский — свободно, украинский и белорусский — со словарем. Место работы...

Хлебовводов вдруг звонко слепнул себя по лбу.

— Да нет же! — закричал он.— Он же помер!

— Кто помер? — деревянным голосом спросил Лавр Федотович.

— Да этот Бабкин! Я же как сейчас помню — в одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом году помер он от инфаркта. Был он тогда финдиректором Всероссийского общества испытателей природы, пришел, значит, в свой кабинет, сел и помер. Так что тут какая-то путаница.

Лавр Федотович взял бинокль и некоторое время изучал коменданта, потерявшего дар речи.

— Факт смерти у вас отражен? — осведомился он.

— Христом богом... — пролепетал комендант.— Какой смерти?.. Да почему же смерти?.. Да живой он, в приемной дожидается...

— Одну минуточку,— вмешался Фарфоркус.— Вы разрешите, Лавр Федотович? Товарищ Зубо, кто дожидается в приемной? Только точно. Фамилия, имя, отчество.

— Бабкин,— с отчаянием сказал комендант.— То есть что я говорю? Не Бабкин — Машкин! Машкин дожидается. Эдельвейс Захарович.

— Понимаю,— сказал Фарфоркус.— А где Бабкин?

— Бабкин помер,— сказал Хлебовводов авторитетно.— Это я вам точно могу сказать. В одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом. Правда, у него сын был. Пашка, по-моему. Павел, значит, Эдуардович. Я его недавно встречал. Заведует он сейчас магазином текстильного лоскута в Голицыне, что под Москвой. Толковый работяга, но, кажется, не Павел все-таки, не Пашка...

Я налил стакан воды и передал коменданту. В наступившей тишине было слышно, как комендант гулко глотает. Лавр Федотович размял и продул папиросу.

— Никто ничего не забыл,— произнес он.— Это хорошо. Товарищ Фарфоркус, я попрошу вас занести в протокол, в констатирующую часть, что Тройка считает полезным принять меры к отысканию сына Бабкина Эдуарда Петровича на предмет выяснения его имени. Народу не нужны безымянные герои. У нас их нет.

Фарфоркус закивал и принял быстро писать в записной книжке.

— Вы напались? — осведомился Лавр Федотович, разглядывая коменданта в бинокль.— Тогда продолжайте докладывать.

— Место работы и профессия в настоящее время: пенсионер-изобретатель,— нетвердым голосом прочел комендант.— Был ли за границей: не был. Краткая сущность необъяснимости: эвристическая машина, то есть электронно-механическое устройство для решения инженерных, научных, социологических и иных проблем. Ближайшие родственники: сирота, братьев и сестер нет. Адрес постоянного местожительства: Новосибирск, улица Щукинская, 23, квартира 88. Все.

— Все? — переспросил Лавр Федотович.

— Все ли? —sarcastically осведомился Фарфоркус.

— Все! — решительно сказал комендант и утерся рукавом.

— Какие будут предложения? — спросил Лавр Федотович, приспустив тяжелые веки.

— Па-а машинам! — взревел вдруг полковник, не просыпаясь.— Пики перед себя! За-води! Рысы... арш-арш!

Всем нам это очень понравилось, и даже бледный до синевы Эдик немного ожила. Однако, кроме нас, на полковника никто больше внимания не обратил.

— Я бы предложил впустить,— сказал Хлебовводов.— Я почему предлагаю? А вдруг это Пашка?

— Других предложений нет? — спросил Лавр Федотович. Он пошарил по столу, искал кнопку, не нашел и сказал коменданту: — Пусть дело войдет, товарищ Зубо.

Комендант опрометью кинулся к двери, высунулся и тотчас вернулся, пяясь, на свое место. Следом за ним, перекосившись набок под тяжестью огромного черного футляра, вкатился сухопарый старичок в толстовке и в военных галифе с оранжевым кантом. По дороге к столу он несколько раз пытался прекратить движение и с достоинством поклониться, но футляр, обладавший, по-видимому, чудовищной инерцией, неумолимо нес его вперед, и, может быть, не обошлось бы без жертв, если бы мы с Романом не подхватили старичка в полуэтапе от затрепетавшего уже Фарфоркуса. Я сразу узнал этого старичка — он неоднократно бывал в нашем институте, и во многих других институтах он тоже бывал, а однажды я видел его в приемной заместителя министра тяжелого машиностроения, где он сидел первым в очереди, терпеливый, чистенький, пылающий энтузиазмом. Старичок он был неплохой, беззрный, но, к сожалению, не мыслил себя вне научно-технического творчества.

Я забрал у него тяжеленный футляр и водрузил изобретение на демонстрационный столик. Освобожденный наконец старичок поклонился и сказал дрезбажшим голоском:

— Мое почтение. Машкин Эдельвейс Захарович, изобретатель.

— Не он,— сказал Хлебоводов вполголоса.— Не он и не похож. Надо полагать, совсем другой Бабкин. Однофамилец, надо полагать.

— Да-да,— согласился стажер, улыбаясь.— Принес вот на суд общественности. Профессор вот товарищ Выбегалло, дай бог ему здоровья, порекомендовал. Готов демонстрировать, ежели на то будет ваше желание, а то засиделся я у вас в Колонии — неприлично...

Внимательно разглядывавший его Лавр Федотович отложил бинокль и медленно наклонил голову. Старичок засуетился. Он снял с футляра крышку, под которой оказалась громоздкая старинная пишущая машинка, извлек из кармана моток провода, воткнул один конец куда-то в недра машинки, затем огляделся в поисках штепселя и, обнаружив, размотал провод и воткнул вилку.

— Вот, извольте видеть, так называемая эвристическая машина,— сказал стажер.— Точный электронно-механический прибор для отвечания на любые вопросы, а именно — на научные и хозяйствственные. Как она у меня работает? Не имея достаточно средств и будучи отфтоболиваем различными бюрократами, она у меня пока не полностью автоматизирована. Вопросы задаются устным образом, и я их печатаю и ввожу таким образом к ей внутрь, довожу, так сказать, до ейного сведения. Отвечание ейное, опять через неполную автоматизацию, печатаю снова я. В некотором роде посредник, хе-хе! Так что, ежели угодно, прошу.

Он встал за машинку и широким жестом перекинул тумблер. В недрах машинки загорелась неоновая лампочка.

— Прошу вас,— повторил стажер.

— А что это там у вас за лампа? — подозрительно спросил Фарфуркис.

Стажер ударил по клавишам, потом быстро вырвал из машинки листок бумаги и руцой поднес его Фарфуркису. Фарфуркис прочитал вслух:

— «Вопрос: что у нея... гм... у нея внутри за пп...» Лэпэчэ... Кэпэдэ, наверное? Что еще за лэпэчэ?

— Лампочка, значит,— сказал стажер, хихикая и потирая руки.— Кодируем помаленьку.— Он вырвал у Фарфуркиса листок и побежал обратно к своей машинке.— Это, значит, был вопрос,— произнес он, загоняя листок под валик.— А сейчас посмотрим, что она ответит...

Члены Тройки с интересом следили за его действиями. Профессор Выбегалло благодушно-отечески сиял, изысканными и плавными движениями пальцев выбирая из бороды какой-то мусор. Эдик пребывал в спокойной, теперь уже полностью осознанной тоске. Между тем стажер бодро простучал по клавишам и снова выдернул листок.

— Вот, извольте, ответ.

Фарфуркис прочитал:

— «У мене внутре... гм... не... неонка». Гм. Что это такое — неонка?

— Айн секунд! — воскликнул изобретатель, выхватил листок и вновь побежал к машинке.

Дело пошло. Машина дала безграмотное объяснение, что такое неонка, затем она ответила Фарфуркису, что пишет «внутре» согласно правил грамматики, а затем...

Фарфуркис: Какой такой грамматики?

Машина: А нашей русской грамтк.

Хлебоводов: Известен ли вам Бабкин Эдуард Петрович?

Машина: Никак нет.

Лавр Федотович: Грррм... Какие будут предложения?

Машина: Признать меня за научный факт.

Стажер бегал и печатал с неимоверной быстротой. Командант восторженно подпрыгивал на стуле и показывал мне большой палец. Витька, развалившись на стуле, гыгыкал, как в цирке.

Хлебоводов (раздраженно): Я так работать не могу. Чего он взад-вперед мотается, как жесть по ветру?

Машина: Ввиду стремления.

Хлебоводов: Да уберите вы от меня ваш листок! Я вас ни про чого не спрашиваю, можете вы это понять?

Машина: Так точно, могу.

До Тройки наконец дошло, что, если они хотят кончить когда-нибудь сегодняшнее заседание, им надлежит воздержаться от вопросов, в том числе и от риторических. Наступила тишина. Старичок, который основательно умаялся, присел на краешек кресла и, часто дыша полуоткрытым ртом, вытираясь платочком. Выбегалло горделиво озирался.

— Есть предложение,— тщательно подбирая слова, сказал Фарфуркис.— Пусть научный консультант произведет экспертизу и доложит нам свое мнение.

Лавр Федотович поглядел на Выбегаллу и велич-

ственno наклонил голову. Выбегалло встал. Выбегалло любезно осклабился. Выбегалло прижал правую руку к сердцу. Выбегалло заговорил.

— Эта... — сказал он.— Неудобно, Лавр Федотович, может получиться. Как-никак, а же суизан рекомендатель сет нобль вё¹. Пойдут разговоры... эта... кумовство, мол, протексион... А между тем случай очевидный, достоинства налицо, рационализация... эта... осуществлена в ходе эксперимента... Не хотелось бы подставлять под удар доброе начинание, гасить инициативу народа. Лучше будет что? Лучше будет, если экспертизу произведет лицо незаинтересованное... эта... постороннее. Вот тут среди представителей находитесь товарищ Привалов Александр Иванович... (Я вздрогнул.) Компетентный товарищ по электронным машинам. И незаинтересованный. Пусть он. Я так полагаю, что это будет ценно.

Лавр Федотович взял бинокль и стал поочередно

нас рассматривать. Я был в смятении. Витька гыгыкал уже совершенно неприлично. Роман толкал меня локтем, а Эдик умоляюще шептал: «Саша, надо! Дай им! Такой случай!»

— Есть предложение,— сказал Фарфуркис,— просят товарища представителя оказать содействие работе Тройки.

Лавр Федотович отложил бинокль и дал согласие. Теперь все смотрели на меня. Я бы, конечно, ни за что не стал пугаться в эту историю, если бы не стажер. Сет нобль вё хлопал на меня красными веками столь жалостно, и весь вид его являл такое очевидное обещание век за меня боязлив, что я не выдержал. Я встал и приблизился к машине. Старичок радостно мне улыбался. Витька елозил ногами от восторга. Я осмотрел агрегат и сказал:

— Ну хорошо... Имеет место пишущая машинка «ремингтон» выпуска тысяча девятьсот шестого года в сравнительно хорошем состоянии. Шрифт дерево-люционный, тоже в хорошем состоянии.— Я поймал умоляющий взгляд стажера, вздохнул и пощелкал тумблером.— Короче говоря, ничего нового данная печатающая конструкция, к сожалению, не содержит. Содержит только очень старое...

— Внутре! — прошелестел стажер.— Внутре смотрите, где у нее анализатор и думатель...

— Анализатор,— сказал я.— Нет здесь анализатора. Серийный выпрямитель есть, тоже старинный. Неоновая лампочка обыкновенная. Тумблер. Хороший тумблер, новый. Та-ак... Еще имеет место шнур. Очень хороший шнур, совсем новый... Вот, пожалуй, и все.

— А вывод? — живо осведомился Фарфуркис.

Эдик ободряюще мне кивал, а Витька с Романом одновременно показали мне, как надлежит делать хук справа в челюсть. Я дал им понять, что постараюсь.

— Вывод,— сказал я.— Описанная машинка «ремингтон» в соединении с выпрямителем, неоновой лампочкой, тумблером и шнуром не содержит ничего необыкновенного.

— А я? — вскричал стажер.

Роман с Витькой показали мне хук слева, но этого я не мог.

— Нет, конечно... — промямлил я.— Проделана большая работа... (Эдик схватился за голову.) Я, конечно, понимаю... добрые намерения... (Роман смотрел на меня с презрением.) Ну в самом деле,— сказал я,— человек старался... нельзя же так... (+Кретин,— отчетливо произнес Витька.— Годзилла.) Нет... Ну что ж... Ну пусть человек работает, раз ему интересно... Я только говорю, что необыкновенного ничего нет... А вообще-то даже остроумно...

— Какие будут вопросы к врио научного консультанта? — осведомился Лавр Федотович.

Уловив вопросительную интонацию, стажер взвился и рванулся было к своей машине, но я удержал его, обхватив за талию.

— Да-да,— сказал Фарфуркис.— Придержите его, а то тяжело работать, в самом деле. Все-таки у нас не вчерашних вопросов и ответов.

— Правильно! — подхватил Хлебоводов, а стажерка все бился и рвался у меня из рук, так что я ощущал себя жандармом.— И вообще выключите ее пока, нечего ей подслушивать.

Высвободив одну руку, я щелкнул тумблером, лампочка погасла, и стажер затих.

— А вот все-таки у меня есть вопрос,— продолжал Хлебоводов.— Как же это она все-таки отвечает?

Я обалдело взорвался на него. Роман и Витька мрачно веселились. Эдик пришел в себя и теперь, жестко прищурившись, разглядывал Тройку. Выбегалло был доволен. Он извлек из бороды длинную щепку и вонзил между зубами.

— Выпрямители там, тумбы разные,— говорил Хлебоводов,— это нам товарищ врио все довольно хорошо объяснил. Одного он нам не объяснил: фактов он нам не объяснил. А имеется непреложный факт, что когда задаешь ей вопрос, то получаешь тут же ответ. В письменном виде. И даже когда не ей, а кому другому задаешь вопрос, все равно обратно же получаешь ответ. А вы говорите, товарищ врио, ничего необыкновенного нет. Не сходятся у вас концы с концами. Непонятно нам, что же говорит по данному поводу наука.

Наука в моем лице потеряла дар речи. Хлебоводов меня сразил, зарезал он меня, убил и в землю закопал. Зато Выбегалло отреагировал немедленно.

— Эта... — сказал он.— Так ведь я и говорю, ценное же начинание! Элемент необъяснимого имеется, порыв снизу... Почему я и рекомендовал. Эта... — сказал он старику.— Объясни, мон шер, товарищам, что тут у тебя к чему.

Старичок словно взорвался.

— Высочайшие достижения нейтронной мегаплазмы! — провозгласил он.— Ротор поля наподобие дивергенции градиуирует себя вдоль спины и там, внутрь, обращает материю вопроса в спиритуальные электрические вихри, из койх и возникает синегдоха отвращения...

У меня потемнело в глазах. Рот наполнился хиной, заболели зубы, а проклятый нобль вё все говорил и говорил, и речь его была гладкой и плавной, это была хорошо составленная, вдумчиво отрапортированная и уже неоднократно произнесенная речь, в которой каждый эпитет, каждая интонация были преисполнены эмоционального содержания, это было настоящее произведение искусства, и, как всякое настоящее произведение искусства, речь эта облагораживала слушателя, делала его мудрым и значительным, преображала его и поднимала на несколько ступенек выше. Старики были никаким изобретателем — он был художником, гениальным оратором, достойнейшим из последователей Демосфена, Цицерона, Иоанна Златоуста... Шатаясь, я отступил в сторону и прислонился лбом к холодной стене.

...Они внимательно слушали. Слушал седой полковник, пристально глядя из-под клоковатых бровей, и в полу сумраке торжественно и грозно блестело золотое шитье его мундира и тускло отсвечивали тяжелые гроздья орденов. Слушал Лавр Федотович, опустив на руки мощный череп, ссутулив широкие плечи, обтянутые черным бархатом мантии. Хлебоводов слушал, подавшись вперед, весь собранный в хищном напряжении, стиснув узорные подлокотники большими белыми руками, прижав грудью к краю стола массивную платиновую цепь. А Фарфуркис слушал задумчиво, откинувшись на спинку кресла, уставив неподвижный взгляд в низкий сводчатый потолок.

Изобретатель уже давно замолчал, но все оставались неподвижны, словно вслушивались в глубокую средневековую тишину, мягким бархатом повисшую над скользкими сводами. Потом Лавр Федотович поднял голову и встал.

— По закону и по всем правилам я должен был бы говорить последним,— начал он.— Но бывают случаи, когда законы и правила обрашаются против своих адептов, и тогда приходится отбрасывать их. Я начинаю говорить первым, потому что мы имеем дело как раз с таким случаем. Я начинаю говорить первым, потому что не могу ждать и молчать. Я начинаю говорить первым, потому что не ожидаю и не потерплю никаких возражений.

Теперь слушал изобретатель неподвижный, как изваяние, рядом со своим Големом, рядом со своим чудовищным железным Оракулом, во чреве которого медленно возгорались и гасли угрюмые огни.

— Мы — гардианы науки, мы — ворота в ее храм, мы — беспристрастные фильтры, оберегающие от фальши, от легкомыслия, от заблуждений. Мы охраняем посевы знаний от плевел невежества и ложной мудрости. И пока мы делаем это, мы не люди, мы не знаем снисхождения, жалости, лицеприятия. Для нас существует только одно мерило: истина. Истина отдельна от добра и зла, истина отделна от человека и человечества, но только до тех пор, пока существует добро и зло, пока существует человек и человечество. Нет человечества — к чему истина? Есть ответы на все вопросы, значит, не надо искать знаний, значит, нет человечества, и к чему же тогда истина? Когда поэт сказал: «И на ответы нет вопросов», — он описал самое страшное состояние человеческого общества — конечное его состояние... Да, этот человек, стоящий перед нами, — гений. В нем воплощено и через него выражено конечное состояние человечества. Но он убийца, ибо он убивает дух. Более того, он страшный убийца, ибо он убивает дух всего человечества. И потому нам больше не можно оставаться беспристрастными фильтрами, а должно нам вспомнить, что мы люди, и как людям нам должно защищаться от убийцы. И не обсуждать должно нам, а судить! Но нет законов для такого суда, и потому должно нам не судить, а беспощадно карать, как карают охваченные ужасом. И я, старший здесь, нарушая законы и правила, первый говорю: смерть!

— Смерть человеку и распыление машине,— хрюпнул сказал полковник.

— Смерть человеку... — медленно и как бы сожалением проговорил Хлебоводов.— Распыление машины... и забвение всему этому казусу.— Он прикрыл глаза рукой.

¹ Этот благородный старик.

Фарфуркис выпрямился в кресле, глаза его были зажмулены, толстые губы дрожали. Он открыл было рот и поднял сжатый кулечок, но вдруг помотал головой и капризно произнес:

— Ну, товарищи... ну куда это мы с вами заехали, в самом деле? Нельзя же так...

— Грррм! — произнес Лавр Федотович, ворочая шеей.

Хлебовводов, смутно видимый в густившихся сумерках, сунулся носом в большой клетчатый платок и проговорил невнятно:

— Свет зажечь, что ли, пора? Засиделись мы нынче. Комендант сорвался с места и включил свет. Все зажмурились, а мотокавалерийский полковник всхрапнул и проснулся.

— Как? — произнес он дребезжащим голосом. — Уже? Я за то, чтобы это продвинуть... продвинуть. Мотокавалерия все решает. Пики... шашки... клиренс подходящий. Засекается на левую заднюю, но это устранимо... устранимо... Так что мое мнение — про-двинуть.

— Грррм! — сказал Лавр Федотович и уставился мертвым взглядом в «ремингтон». — Выражая общее мнение, постановляю: данное дело номер сорок второе считать рационализированным. Переходя к вопросу об утилизации, предлагаю товарищу Зубо огласить заявку.

Комендант принялся торопливо листать дело, а тем временем профессор Выбегалло выбрался из-за своего стола, с чувством пожал руку сначала старишке, а затем, прежде чем я успел увернуться, и мне. Он сиял. Я не знал, куда деваться. Я не смел оглянуться на ребят. Пока я тупо размышлял, не запустить ли мне «ремингтоном» в Лавра Федотовича, меня схватил старишка. Он, как клещ, впился мне в шею и троекратно поцеловал, оцарапав щетиной. Не помню, как я добрался до своего стула. Помню только, что Витья сказал мне: «Дубина прекраснодушная! Роман вытер мне нос платком, а Эдик шепнул: «Эх, Саша! Ну ничего, с кем не бывает...»

Между тем комендант перелистал все дело и жалобным голосом сообщил, что на данное дело заявок не поступало. Фарфуркис тотчас заявил протест и процитировал статью инструкции, из которой следовало, что рационализация без утилизации есть нонсенс и может быть признана действительной лишь условно. Хлебовводов начал орать, что эти штучки не пройдут, что он деньги даром получать не желает и что он не позволит коменданту отправить коту под хвост четыре часа рабочего времени. Лавр Федотович с видом одобрения продул папиросу, и Хлебовводов взыграл еще пуще.

— А вдруг это родственник моему Бабкину? — вонзил он. — Как так нет заявок? Должны быть заявки! Вы только поглядите, старишко какой! Фигура какая самобытная, интересная! Как это мы будем такими старишками бросаться?

— Народ не позволяет нам бросаться старишками, — заметил Лавр Федотович. — И народ будет прав.

— Вот именно! — рявкнул вдруг Выбегалло. — Именно народ! И именно... эта... не позволяет, значит! Как же это нет заявок, товарищ Зубо? На Черный Ящик у вас заявка есть? Есть! Как же вы говорите, что нет?

Я обомлел.

— Погодите! — сказал я, но меня никто не слушал.

— Так это же не Черный Ящик! — кричал комендант, прижимая к груди руки. — Черный Ящик совсем по другому номеру проходит!

— Как это так не черный? — кричал в ответ Выбегалло, размахивая обшарпанным черным футляром от «ремингтона». — Какой же он, по-вашему, ящик-то? Зеленый, может быть? Или белый? Дезинформацией занимается народными старишками бросается?

Комендант жалобно выкрикивал, что это, конечно, тоже черный ящик, не зеленый и не белый, явно черный, но не тот ящик, тот черный ящик проходит по делу под номером девяносто седьмым, и на него заявка имеется от товарища Привалова Александра Ивановича, а этот черный ящик — и не ящик вовсе, а эвристическая машина, и проходит она по делу под номером сорок вторым, и заявки на нее нет. Выбегалло орал, что нечего тут... эта... жонглировать цифрами и бросаться старишками, что черное есть черное, оно не белое и не зеленое, и нечего тут, значит, махизм разводить и всякий эмпириокритицизм, а пусть вот товарищи члены авторитетной Тройки сами посмотрят и скажут, черный это ящик или, скажем, зеленый. Проснувшийся от шума полковник выкатил глаза и отдал приказ взять повод, переменить потники и врубить третью скорость. Витья оглушительно свистел в два пальца. Роман с Эдиком кричали: «Долой!» — а, я, как испорченный граммофон, только твердил: «Мой Черный Ящик — это не ящик... Мой Черный Ящик — это не ящик...»

Наконец до Лавра Федотовича дошло ощущение некоторого непорядка.

— Грррм! — сказал он, и все стихло. — Затруднение? Товарищ Хлебовводов, устраните.

Хлебовводов твердым шагом подошел к Выбегалле, взял у него из рук футляр и внимательно осмотрел его.

— Товарищ Зубо, — сказал он. — На что ты имеешь заявку?

— На Черный Ящик, — уныло сказал комендант. — Дело номер девяносто седьмое.

— Я тебя не спрашиваю, какое номер дело, — возразил Хлебовводов. — Я тебя спрашиваю, ты на черный ящик заявку имеете?

— Имею, — признался комендант.

— Чья заявка?

— Товарища Привалова из НИЧАВО. Вон он сидит.

— Да, — страстно сказал я, — но мой Черный Ящик — это не ящик... точнее, не совсем ящик...

Однако Хлебовводов внимания на меня не обратил. Он посмотрел футляр на свет, потом приблизился к коменданту и зловеще произнес:

— Ты что же бирюкратию разводите? Ты что же, не видите, какого оно цвета? На твоих же глазах рационализацию произвели, вот товарищ представитель от науки на твоих глазах сидит ждет, понимаете, выполнения заявки, ужинать давно пора, на дворе темно, а ты что же номерами здесь жонглируешь?

Я чувствовал, что на меня надвигается какая-то тоска, что будущее мое заполнится каким-то унылым кошмаром, непоправимым и совершенно иррациональным. Но я не понимал, в чем дело, и только продолжал жалко бубнить, что мой ящик — это не совсем ящик, а точнее, совсем не ящик. Мне хотелось разъяснить, рассеять недоразумение. Комендант тоже бубнил что-то убедительное, но Хлебовводов, погрозив ему кулаком, уже возвращался на свое место.

— Ящик, Лавр Федотович, черный, — с торжеством доложил он. — Ошибки никакой быть не может, сам смотрел. И заявка имеется, и представитель присутствует.

— Это не тот ящик! — хором проныли мы с комендантом, но Лавр Федотович, тщательно изучив нас в бинокль, обнаружил, по-видимому, в обоих какие-то несообразности и, сославшись на мнение народа, предложил приступить к немедленной утилизации. Возражений не последовало, все ответственные лица кивали, даже спящий полковник.

— Заявку! — возвзвал Лавр Федотович.

Моя заявка легла перед ним на зеленое сукно.

— Резолюция!!

На заявку пала резолюция.

— ПЕЧАТЬ!!!

С лязгом распахнулась дверь сейфа, пахнуло затхлой канцелярией, и перед Лавром Федотовичем застыла медью Большая Круглая Печать. И тогда я понял, что сейчас произойдет. Все во мне умерло.

— Не надо! — просипел я. — Помогите!

Лавр Федотович взял Печать обеими руками и занес над Заявкой. Собравшись с силами, я вскочил на ноги.

— Это не тот ящик! — завопил я в полный голос. — Да что же это... Ребята!

— Одну минуту, — сказал Эдик. — Остановитесь, пожалуйста, и выслушайте меня.

Лавр Федотович задержал неумолимое движение и обратил свой мертвенный взгляд на Эдика.

— Посторонний? — осведомился он.

— Никак нет, — тяжело дыша, сказал комендант. — Представитель.

— Тогда можно не удалять, — произнес Лавр Федотович и возобновил было процесс приложения Большой Круглой Печати, но тут оказалось, что возникло затруднение. Что-то мешало Печати приложиться. Лавр Федотович сначала просто давил на нее, потом встал и навалился всем телом, но приложение все-таки не происходило — между бумагой и печатью оставался зазор, и величина его явно зависела от усилий товарища Вунюкова. Можно было подумать, что зазор этот заполнен каким-то невидимым, но чрезвычайно упругим веществом, препятствующим приложению. Лавр Федотович, видимо, осознал тщету своих стараний, сжал руки на подлокотники и строго, хотя и без всякого удивления, посмотрел на Печать. Печать неподвижно висела сантиметрах в двадцати над моей заявкой.

Казнь откладывалась, и я снова начал воспринимать окружающее. Эдик что-то горячо и красиво говорил о разуме, об экономической реформе, о добре, о роли интеллигенции и о государственной мудрости присутствующих. Присутствующие слушали его внимательно, но с неудовольствием, а Хлебовводов ерзal и поглядывал на часы. Роман и Витья застыли в жутких позах, я даже подумал сначала, что их разбил паралич. Оба они были потные, над Витькой столбом поднимался пар, а более слабый в коленках Роман тихонько постанывал и кряхтел от напряжения. Они держали Печать, милье друзья мои, спасали меня, дурака и сплюнтя, от беды, которую я сам накачал себе на голову. Надо было что-то делать. Надо было что-то немедленно предпринимать.

— ...и в седьмых, наконец, — рассудительно говорил Эдик, — любому специалисту, а тем более такой авторитетной организации, должно быть ясно, товарищи, что так называемый Черный Ящик есть не более чем

термин теории информации, ничего общего не имеющий ни с определенным цветом, ни с определенной формой какого бы то ни было реального предмета. Менее всего Черным Ящиком можно называть данную пишущую машинку «ремингтон» вкупе с простейшими электрическими приспособлениями, которые можно приобрести в любом электротехническом магазине, и мне кажется странным, что профессор Выбегалло навязывает авторитетной организации изобретение, которое изобретением не является, и решение, которое может лишь подорвать ее авторитет.

— Я протестую, — сказал Фарфуркис. — Во-первых, товарищи, представитель нарушил здесь все правила ведения заседания, взял слово, которое ему никто не давал, и вдобавок еще превысил регламент. Это раз. (Я с укасом увидел, что Печать колыхнулась и упала на несколько сантиметров.) Далее, мы не можем позволить товарищу представителю порочить наших лучших людей, очернять заслуженного профессора и официального научного консультанта товарища Выбегаллу и обелить имеющий здесь место и уже заслуживший одобрение Тройки черный ящик. Это два. (Печать провалилась еще на несколько сантиметров. У Витьки громко, на всю комнату хрюнули позвонки.) Наконец, товарищ представитель, надо бы вам знать, что Тройку не интересуют никакие изобретения. Объектом работы Тройки является необъяснимое явление, в качестве какового в данном случае и выступает уже рассмотренный и рационализированный черный ящик, он же эвристическая машина.

— Это же до ночи можно просидеть, — обиженно добавил Хлебовводов, — ежели каждому представителю слово давать.

Печать вновь осела. Зазор был теперь не более десяти сантиметров.

— Это не тот черный ящик, — сказал я и проиграл два сантиметра. — Мне не нужен этот ящик! (Еще сантиметр.) Я протестую! На кой мне черт эта старая песочница с «ремингтоном»? Я жаловаться буду!

— Это ваше право, — великоложно сказал Фарфуркис и выиграл еще один сантиметр.

Эдик снова заговорил. Он взывал к теням Ломонова и Эйнштейна, он цитировал передовые центральные газеты, он воспевал науку и наших мудрых организаторов, но все было втощее. Лавра Федотовича это затруднение наконец утомило, и, прервавши оратора, он произнес только одно слово:

— Неубедительно.

Раздался тяжелый удар. Большая Круглая Печать впилась в мою заявку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мы покинули комнату заседания последними. Мы были подавлены. Роман кряхтел и растирал натруженную поясницу. Витька, черный от злобы и усталости, шипел сквозь зубы: «Слонята, мармеладчики, культуртрегеры, маменькины сыночки... Хватать и тикать, а не турусы разводить!..» Эдик вел меня под локоть. Он тоже был расстроен, но держался спокойно. Вокруг нас, увлекаемый инерцией своего агрегата, вился старишка Эдельвейс. Он нашептывал мне слова вечной любви, обещал ноги мыть и воду пить и требовал подъемных и сutoчных. Эдик дал ему три рубля и велел зайти послезавтра. Эдельвейс выпросил еще полтинник за вредность и исчез. Тогда мне стало легче, и я обнаружил, что Витька и Роман тоже исчезли.

— Где Роман? — спросил я слабым голосом.

— Отправился ухаживать, — ответил Эдик.

— Господи, — сказал я. — За кем?

— За дочкой некоего товарища Голого.

— Понятно, — сказал я. — А Витька?

Эдик пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — По-моему, Витя намерен сделать большую глупость.

— Он хочет из убить? — спросил я с восхищением.

Эдик разуверил меня, и мы вышли на улицу. Федя уже ждал нас. Он поднялся со скамеек, и мы втроем, рука об руку, пошли вдоль улицы Первого Мая.

— Устали? — спросил Федя.

— Ужасно, — сказал Эдик. — Я и говорить устал, и слушать устал, и вдобавок еще, кажется, сильно поглупел. Вы замечаете, Федя, как я поглупел?

— Нет еще, — сказал Федя застенчиво. — Это обычно становится заметно через час-другой.

Я сказал:

— Хочу есть. Хочу забыться. Пойдемте все в кафе и забудемся. Закатим пир. Мороженого...

Эдик был «за», Федя тоже не возражал, хотя никогда не понимал мороженого. Народу на улицах было много, но никто не слонялся по тротуару, как это обычно бывает в городах летними вечерами. Китежградцы, напротив, тихо, культурно сидели на своих крылечках и молча трещали семечками. Семечки

были арбузные, подсолнечные, тыквенные и дынные, а крылочки были резные с узорами, резные с фигурами, резные с балюсинами и просто из гладких досок — знаменитые китежградские крылочки, среди которых попадались и музейные экземпляры многовековой давности, взятые под охрану государством и обезображенными тяжелыми чугунными досками, об этом свидетельствующими. На задах кряхала гармонь — кто-то, что называется, пробовал лады.

Эдик с интересом расспрашивал Федю о жизни в горах. Федя с самого начала проникся к вежливому Эдику большой симпатией и отвечал охотно.

— Хуже всего, — рассказывал Федя, — это альпинисты с гитарами. Вы не можете себе представить, как это страшно. Эдик, когда в ваших родных тихих горах, где шумят одни лишь обвалы, да и то в известное заранее время, вдруг над ухом кто-то зазвенит, застучит и примется реветь, как «непулок» вскарабкался по «жандарму» и «запилил по гребню» и как потом «ланцелупа» «пробило на землю». Это бедствие, Эдик. У нас некоторые от этого болеют, а самые слабые даже умирают...

У меня дома клавесин есть, — продолжал он мечтательно. — Стоит у меня там на вершине клавесин, на леднике. Я люблю играть на нем в лунные ночи, когда тихо и совершенно нет ветра. Тогда меня слышат собаки в долине и начинают мне подывать. Право, Эдик, у меня слезы навертаются на глаза, так это получается хорошо и печально. Луна, звуки в просторе несутся, и далеко-далеко воют собаки...

— А как к этому относятся ваши товарищи? — спросил Эдик.

— Их в это время никого нет. Остается обычно один мальчик, но он мне не мешает. Он хроменький... Впрочем, это вам неинтересно.

— Наоборот, очень интересно.

— Нет-нет... Но вы, наверное, хотели бы узнать, откуда у меня клавесин. Представьте себе, его занесли альпинисты. Они ставили рекорд и обязались втащить на нашу гору клавесин. У нас на вершине много неожиданных предметов. Задумает альпинист подняться к нам на мотоцикл — и вот у нас мотоцикл, хотя и поврежденный... Гитары попадаются, велосипеды, бюсты разные, зенитные пушки... Один рекордсмен хотел подняться на тракторе, но трактора не раздобыл, а раздобыл он асфальтовый каток. Если бы вы видели, как он мучился с этим катком! Как старался! Но ничего у него не вышло, не дотянул до снегов. Метров пятьдесят всего не дотянул, а то бы у нас был асфальтовый каток...

Мы подошли к дверям кафе, и Федя замолчал. На ярко освещенных ступенях роскошного каменного крыльца в непосредственной близости от турникета отировался Клоп Говорун. Он жаждал войти, но швейцар его не впускал. Говорун был в бешенстве и, как всегда, находясь в возбужденном состоянии, испускал сильный, неприятный для непьющего Федора запах дорогого коньяка «курвуазье». Я наскоро познакомил его с Эдиком, посадил в спичечный коробок и велел сидеть тихо, и он сидел тихо, но как только мы прошли в зал и отыскали свободный столик, он сразу же развалился на стуле и принялся стучать по столу, требуя официанта. Сам он, естественно, в кафе ничего не ел и не пил, но жаждал справедливости и полного соответствия между работой бригады офицеров и тем высоким званием, за которое эта бригада борется. Кроме того, он явно выпендривался перед Эдиком, он уже знал, что Эдик прибыл в Китежград лично за ним, Говоруном, в качестве его работодателя.

Мы с Эдиком заказали себе яичницу по-домашнему, салат из раков. Федя в кафе хорошо знали и принесли ему сырого тертого картофеля, морковную ботву и капустные кочерыжки, а перед Говоруном поставили фаршированные помидоры, которые он заказал из принципа.

Съевши салат, я ощутил, что устал, как последняя собака, что языки у меня не поворачиваются и что нет у меня никаких желаний. Кроме того, я постоянно вздрагивал, ибо в шуме публики мне то и дело слышались взглывшие выкрики: «Ноги мыть и воду пить!.. У ей внутрь!..» Зато прекрасно выспавшийся за день Говорун чувствовал себя бодрым, как никогда, и с наслаждением демонстрировал Эдику свой философический склад ума, независимость суждений и склонность к обобщениям.

— До чего бессмыслицы и неприятные существа! — говорил он, озирая зал с видом превосходства. — Воистину только такие грузные жвачные животные способны под воздействием комплекса неполноты выдумат миф о том, что они цари природы. Спрашивается: откуда взялся этот миф? Например, мы, насекомые, считаем себя царями природы по справедливости. Мы многочисленны, вездесущи, мы

драгоценного времени на бессмыслицы заботы о по-томстве. Мы обладаем органами чувств, о которых вы, хордовые, даже понятия не имеете. Мы умеем погружаться в анабиоз на целые столетия без всякого вреда для себя. Наиболее интеллигентные представители нашего класса прославлены как крупнейшие математики, архитекторы, социологи. Мы открыли идеальное устройство общества, мы овладели гигантскими территориями, мы проникаем всюду, куда захотим. Поставим вопрос следующим образом: что вы, люди, самые, между прочим, высокоразвитые из млекопитающих, можете такого, чего бы хотели уметь и не умели бы мы? Вы много хвастаетесь, что умеете изготавливать орудия труда и пользоваться ими. Простите, но это смешно. Вы уподобляетесь калеке, который хвастает своими костылями. Вы строите себе жилища, мучительно, с трудом, привлекая для этого такие противоестественные силы, как огонь и пар, строите тысячи лет, и все время по-разному, и все никак не можете найти удобной и рациональной формы жилища. А жалкие муравьи, которых я искренне презираю за грубость и приверженность к культуре физической силы, решили эту простенькую проблему сто миллионов лет назад, причем решили раз и навсегда. Вы хвастаете, что все время развиваетесь и что вашему развитию нет предела. Нам остается только хохотать. Вы ищете то, что давным-давно найдено, запатентовано и используется с незапамятных времен, а именно: разумное устройство общества и смысл существования. Вы называете нас, цимекс лектуарий, паразитами и толкуете друг другу, что это дурно. Но будем последовательны! Что есть паразит? Это слово происходит от греческого «параситос», что означает «нахлебник», «блудолиз». Даже ваша наука называет паразитирующим тот вид, который существует на другом виде и за счет другого вида. Что ж, я с гордостью утверждаю: да, я паразит! Я пытаюсь жизненными соками существ иного вида, так называемых людей. Но как обстоят дела с этими так называемыми людьми? Разве могли бы они заниматься своей сомнительной деятельностью или даже просто существовать, если бы по несколько раз в день не вводили бы в свой организм живые соки не одного, а множества иных видов как животного, так и растительного царства? Глупцы и лицемеры бросают нам обвинение, что мы-де подкрадываемся к своей так называемой жертве, пользуясь темнотой и ее, жертвы, сонным и, следовательно, беспомощным состоянием. На эти ханжеские бредни я отвечаю просто: может быть, мы убиваем свою жертву, прежде чем ввести ее соки в свой организм? Может быть, мы изобретаем все более и более утонченные способы такого убийства? Может быть, мы разработали и практикуем изувеченные способы уродования своих жертв путем так называемого искусственного отбора для удобства их пожирания? Нет, не мы! Мы, даже самые дикие и нецивилизованные из нас, лишь позволяем себе урвать крошечную толику от щедрот, коими наделила вас природа. Однако вы идете еще дальше. Вас можно назвать сверхпаразитами, ибо никакой другой вид не додумался еще паразитировать на самом себе. Ваше начальство паразитирует на подчиненных, ваши преступники паразитируют на так называемых порядочных, ваши дураки паразитируют на ваших мудрецах. И это цари природы!

Эдик слушал профессионально-внимательно, а Панург вдруг громко расхохотался и воскликнул, гремя бубенцами:

— Вот это отповедь, черт меня подери со всеми потрохами, включая аппендикс и двенадцатиперстную кишку! Осмелюсь добавить только, что Ода Нобунага был знаменитым воякой и тираном жестокости беспредельной, уродлив, как мартышка, и не терпел лжи. Всех, кто поступал не в соответствии, он рубил в капусту на месте сам или отдавал на шинкование некоему Тоетоми Хидэсиги, который тоже хорошо понимал в этом деле. «Правда ли, говорят, что я похож на обезьяну?» — спросил однажды Ода Нобунага своего приближенного, до которого давно добирался. Блюдо из пomerтвеля и опакался, и Ода Нобунага уже взялся за рукоятку меча, но тут обреченный блюдоиз, движимый отчаянием, нашелся. «Да что вы, ваше превосходительство! — вскричал он. — Как можно! Наоборот, это обезьяна имеет несравненную честь походить на вас!» Что и привело свирепого диктатора в самое превосходное состояние духа.

— Я не понял этого намека, — с достоинством объявил Говорун, однако по лицу его скользнула тень многовекового застарелого ужаса перед зловещим призраком чудовищного указательного пальца, неумолимо надвигающегося с непреложностью рока.

— Я, конечно, слабый диалектик, — произнес Федя, покусывая кочерыжку великолепными зубами, — но меня воспитали в представлении о том, что человеческий разум — это высшее творение природы. Мы в горах привыкли бояться человеческой мудрости и преклоняться перед нею, и теперь, когда я некоторым образом получил образование, я не устаю восхищаться той смелостью и тем хитроумием, с которым человек уже создал и продолжает создавать так называемую вторую природу. Человеческий разум — это... Это... Он помотал головой и замолк.

— Вторая природа! — ядовито сказал Клоп. — Третья стихия, четвертое царство, пятое состояние, ше-

стое чудо света... Один крупный человеческий деятель мог бы спросить: зачем вам две природы? Загадили одну и теперь пытаетесь заменить ее другой... Я же, вам уже сказал, Федор: вторая природа — это костили калеки. Что же касается разума... Не вам бы говорить, не мне бы слушать. Сто веков эти бурдюки с питательной смесью разлагольствуют о разуме и до сих пор не могут договориться, о чём идет речь. В одном только они согласны: кроме них, разумом никто не обладает. Если мысленным

взором окинуть всю историю этой болтовни, легко увидеть, что так называемая теория мышления сводится к выдумыванию более или менее сложных терминов для обозначения явлений, которых человек не понимает. Так появляются РАЗДРАЖИМОСТЬ, ОЩУЩЕНИЕ, ИНСТИНКТЫ, РЕФЛЕКСЫ УСЛОВНЫЕ, РЕФЛЕКСЫ БЕЗУСЛОВНЫЕ, ПЕРВАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА, ВТОРАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА... Теперь они обнаружили еще третью, ту самую, между прочим, которой мы, клопы, пользуемся с незапамятных времен. И ведь что замечательно! Если существо маленькое, если его легко отравить какой-нибудь химической гадостью или просто раздавить пальцем, то с ним не церемонятся. У такого существа, конечно же, инстинкт, примитивная раздражимость, низшая форма нервной деятельности... Типичное мировоззрение самовлюбленных имбецилов. Но ведь они же разумные, им же нужно все обосновывать, чтобы насекомое можно было раздавать без зазрения совести! И посмотрите, Федор, как они это обосновывают. Скажем, земляная оса отложила в норку яички и таскает для будущего потомства пищу. Что делают эти бандиты? Они варварски крадут отложенные яички, а потом, исполненные идиотского удовлетворения, наблюдают, как несчастная мать закупоривает цементом пустую норку. Вот, мол, оса — дура, не ведает, что творит, а потому у нее инстинкты — слепые инстинкты, вы понимаете? — разуму у нее нет, и в случае нужды допускается ее и к ногтям. У них, у людей, — космос-москмос, фотосинтез-мотосинтез, а у жалкой осы — сплошное размножение, да и то на уровне примитивного инстинкта. Этим мlekопитающим и в голову не приходит, что у осы богатейший духовный мир, что за свою недолгую жизнь она должна преуспеть — ей хочется преуспеть! — и в науках, и в искусствах, этим теплокровным и неведомых, что у нее просто ни времени, ни желания нет оглядываться на своих детенышей, тем более что это и не детеныши даже, а бессмысличные яички... Ну конечно, у ос существуют правила, нормы поведения, мораль. Поскольку осы от природы весьма легкомысленны в вопросах продления рода, закон, естественно, предусматривает известное наказание за неполное выполнение родительских обязанностей. Каждая по-рядочная оса должна выполнить определенную последовательность действий: выкопать норку, отложить яички, натаскать парализованных гусениц и закупорить норку. За этим следят, существует негласный контроль, оса всегда учитывает возможность присутствия за ближайшим камешком инспектора-соглядатая. Конечно же, оса видит, что яички у нее украли или что исчезли запасы питания. Но она не может отложить яички вторично, и она совсем не намерена тратить время на возобновление пищевых запасов. Полноту сознавая всю налепость своих действий, она делает вид, что ничего не заметила, и доводит программу до конца, потому что менее всего ей улыбается таскаться по десяти инстанциям Комитета охраны вида... Представьте себе, Федор, шоссе, прекрасную гладкую магистраль от горизонта до горизонта. Некий экспериментатор ставит поперек дороги рогатку с табличкой «Объезд». Шофер догадывается, что это чьи-то глупые шутки, но, следуя правилам и нормам поведения порядочного автомобилиста, он сворачивает на обочину, трясется по кочкам, захлебывается в грязи и в пыли, тратит массу времени и нервов, чтобы снова выехать на то же шоссе двумястами метрами дальше. Почему? Да все по той же причине: он законопослушен, и он не хочет таскаться по инстанциям ОРУДА, тем более, что у него, как и у всякой осы, есть основания предполагать, что это ловушка и что вон в тех кустах сидит инспектор с мотоциклом. А теперь представим себе, что неведомый экспериментаторставил этот опыт, дабы установить уровень человеческого интеллекта, и что этот экспериментатор — такой же самовлюбленный дурак, как разрушитель осиного гнезда... Ха-ха-ха! К каким бы выводам он пришел! — Говорун в восторге застучал по столу всеми лапами.

— Нет, — сказал Федя. — Как-то у вас все упрощено получается, Говорун. Конечно, когда человек ведет автомобиль, он не может блеснуть интеллектом...

— Точно так же, — перебил хитроумный Клоп, — как не блещет интеллектом оса, откладывющая яички. Тут, знаете ли, не до интеллекта.

Продолжение следует.

ТАЙНЫ ВСЕХ ОКЕАНОВ

Андрей МОНИН,
член-корреспондент
АН СССР,
директор
Института океанологии

— Андрей Сергеевич, в наше время океан рассматривается как неотъемлемая часть мирового хозяйства. Так, на сегодняшний день уже 60 тысяч транспортных судов с суммарным водоизмещением около 300 миллионов тонн ежегодно перевозят более трех миллиардов тонн грузов, то есть осуществляют 80 процентов всех перевозок на земном шаре. Океанские маршруты — самые дешевые и экономичные. Или: только за 1985 год в мире выловлено 80 миллионов тонн рыбы и морепродуктов (причем на долю СССР приходится 10,5 миллиона тонн). Около 20 процентов пищевого репка человека уже сейчас берет из океана. В его недрах добывается почти 30 процентов нефти и газа. Однако, согласитесь, в целом деятельность человека в освоении Мирового океана нельзя назвать широкомасштабной и многоплановой. Более того, несмотря на научно-технический прогресс, мы в основном ограничиваемся лишь сбором «даров океана». Чем объясняется такая ситуация?

— Прежде всего тем, что Мировой океан еще мало изучен. Далеко не все его тайны раскрыты. Ведь океан — особая, чуждая человеку среда, проникнуть в которую невероятно сложно. Судите сами: солнечный свет проникает только на глубину до двухсот метров, а дальше — вечный мрак, холод. На каждые десять метров давление увеличивается на одну атмосферу, и на глубине, скажем, десяти километров оно равно тысяче атмосфер — чудовищная сила... Океан — агрессивная среда: ежегодно тонут сотни судов, гибнут люди. Поэтому познавать и осваивать океан не так-то просто. А как он изучается? Трудно поверить, но до сих пор нередко пользуются дедовскими методами. Так,

чтобы узнать о характере дна, надо всплеснуть, допустим, на десятикилометровую глубину на тросях опустить драгу. При подъеме же она нередко обрывается или оказывается пустой... А на спуск и подъем драги требуется 12 часов... Если же вылавливаем глубоководных животных, то они предстают перед нами в деформированном виде. Получаем минимум информации. Немало проблем и в картографировании дна — белых пятен, увы, еще предостаточно, и сегодня, как это ни странно, человечество больше знает о поверхности обратной стороны Луны, Марса или даже Меркурия, сфотографированных космическими аппаратами, чем о дне океана на своей планете. Не надо забывать, что Мировой океан занимает 71 процент площади Земли.

На исследования океана требуются колоссальные средства, специалисты, институты, хорошо оснащенный научно-исследовательский флот. А это не каждой стране под силу. Скажем, сейчас во всем мире насчитывается всего около 200 надводных научных судов, а подводных обитаемых аппаратов способных погружаться на глубину более двух километров, несколько штук...

— Мы знаем, что океан — богатейший источник многих ресурсов...

— Ресурсы Мирового океана хоть и не безграничны, но настолько колоссальны, что человек пока не в силах их оценить и осмысливать. Но известно немало. Скажем, из минеральных ресурсов наиболее перспективны нефть, газ, железомарганцевые конкреции; некоторые микрозлементы морской воды, рассыпь ряда ценных минералов. На дне прибрежной зоны моря — титан, цирконий, олово, алмазы... Если говорить о поисках, добывче нефти и газа (этим интенсивно занимаются более ста

стран), то к 2000 году будет завершено прогнозирование нефтегазоносности всех акваторий Мирового океана, а в перспективных районах — геофизические исследования, разведочное бурение структур.

У нас пробное бурение ведется в Баренцевом море. Возможно, перспективы мелководная зона Карского моря, Охотское и, конечно, Берингово моря, а затем и весь арктический шельф. Таким образом, советская академическая океанология выходит в Арктику. Морская добыча нефти и газа существенно расширится, охватит новые акватории и большие, чем ныне, глубины моря. На некоторых месторождениях она дойдет до одного километра.

Наш институт составил карты распространения на дне Мирового океана железомарганцевых конкреций, выявил закономерности изменения их состава и полагает, что конкреции — источник сырья XXI века, ибо они помимо прочего содержат никель, кобальт, молибден. По нашим подсчетам, этого сырья в океане не менее трех триллионов тонн.

— Цифра, безусловно, впечатляет. Но насколько известно, это сырье находится преимущественно на больших глубинах — до пяти километров. Каким же образом конкреции можно извлекать в промышленных масштабах?

— Современная техника уже сегодня позволяет изготовить необходимое оборудование для добычи конкреций со дна океана. Это возможно, к примеру, при помощи засасывающей гидравлики или донных бульдозеров, которые загружают баки замкнутую цепочку контейнеров. В ближайшие два-три года такие проекты будут составлены каждой страной, в том числе и СССР. А наибо-

льее перспективные участки дна для промышленной добычи конкреций, по-видимому, будут подготовлены к 1990 году. Кроме того, недавно на глубине двух — четырех километров обнаружено нечто удивительное — «черные курильщики» — гидротермальные источники, то есть настоящие подводные гейзеры с очень горячей водой (300—400 градусов по Цельсию) и выпадающими осадками с высоким содержанием сульфидов цинка, меди, никеля, кобальта, золота. Представьте, в одном месте обнаружено 52 процента чистого цинка — не руда, а металл! Если сульфидных руд окажется много, то они будут представлять больший интерес, чем конкременты. Полноту же оценить распространенность сульфидных руд (при помощи обитающих подводных аппаратов и буксируемых телевизионных аппаратов) вряд ли удастся даже за 15 лет. Будут проводиться и поиски гидротермальных источников.

— Но если разработка океанских месторождений, добыча полезных ископаемых — дело перспективное, то как быть с проблемой биологических ресурсов? В начале беседы мы говорили, что за 1985 год выловлено 80 миллионов тонн рыбы и морепродуктов. Но это ведь критическая, чуть ли не предельная цифра, да и потребностей она не покрывает.

— Беда в том, что практически все страны стремятся ловить в больших количествах определенные, традиционные виды рыб. К чему это может привести, мы знаем. Вспомним китов. За сто лет промысла добыто около двух миллионов голов. Китов полностью уничтожили в северном полушарии, резко истощены их запасы в южном. Человек сейчас рассматривает как свой продо-

вольственный и сырьевой ресурс менее двух тысяч видов морских рыб и животных, а в океане их — 180 тысяч видов! Из каждого десяти живых существ, обитающих на планете, восемь живут в океане. Подсчитано, что океан может стабильно давать около двух миллиардов тонн продовольствия в год. Очевидно, надо расширять ассортимент промысла. Очевидно и другое — следует переходить от свободной охоты к плановому рыбному хозяйству, держать на учете все крупные стада, активно воздействовать на них, проводить акклиматизацию ценных пород, промыслов и кормовых организмов, выращивать мальков, борясь с хищниками... В нашей стране уже создается математическое моделирование промысловых популяций. Но ведь эта проблема выходит за рамки института и даже страны. Тут надо решать международные правовые проблемы. Только в этом случае можно сохранить сегодняшние объекты промыслов и, может быть, увеличить их на десятки процентов.

— Но ведь население планеты увеличивается куда стремительнее...

— Тут выход один — искать пути искусственного многократного повышения биологической продуктивности океана, подобно тому как человек перешел от собирания съедобных растений и охоты к культурному земледелию и животноводству. В прибрежных зонах такую задачу решат фермы аквакультуры, на которых, как на огородах, надо выращивать устрицы, мидии, жемчужицы... Потребуется, как на бройлерных птицефабриках, разводить крупную рыбу. Постепенно ассортимент животных и количество ферм будет увеличиваться. Кстати, в нашей стране накоплен определенный опыт. Напомню, сегодня более 70 рыбных хозяйств выращивают около 40 промысловых видов рыб. Так, благодаря заботам человека в Каспии заметно выросли запасы красной рыбы, и вскоре в его водах можно будет ежегодно вылавливать примерно 500 тысяч центнеров рыбы. А искусственное разведение осетровых? Сейчас численность стада в Азовском море выросла в 10 раз, в Черном — в 4 раза, у советского Тихоокеанского побережья действует ферма по разведению морского деликатеса — гребешкового моллюска. Думаю, что в естественных условиях человек со временем научится выращивать и крупных морских млекопитающих — китов и других.

Что же касается районов открытого океана, то там искусственное повышение биологической продуктивности, видимо, надо начинать с первичной продукции — фитопланктона. То есть океан, как и земля, нуждается в искусственных удобрениях. Их можно себе представить в виде плавающих на поверхности воды медленно растворяющихся гранул с солями фосфора и азота. Повышение продуктивности фитопланктона можно успешно сочетать с разведением рыб типа аночуса...

Сегодня хозяйство Мирового океана объединяет самых разных специалистов — химиков, биологов, математиков, инженеров, геологов. Возьмем, к примеру, такую научную область, как физика океана. Ученые расширяют исследования синоптической изменчивости океана, изучают его динамику — природу вихрей, циркуляцию водных масс, энергетические зоны... Все интенсивнее океан исследуется из космоса. В ближайшие 20 лет спутниковая океанология станет ведущим направлением в получении конкретных характеристик голубого континента, регистрация которых требует глобальности, оперативности и регулярности. Это температура, уровень океана, его теплые и холодные течения, морские волнения, химические и биологические свойства морской воды... Что это сулит народному хозяйству? Достаточно сказать, что, вероятно, уже к 2000 году будут разработаны модели вековых колебаний климата и появится возможность на научной основе строить долгосрочные прогнозы

погоды на месяц и даже на сезон. Будут проводиться расчеты колебаний климата на десятки и сотни лет — в нашей стране такие модели уже разрабатываются. Это весьма серьезные вопросы, от которых зависят многие области человеческой деятельности, скажем, решение сельскохозяйственных проблем. Ведь в сельском хозяйстве надо знать об изменениях количества атмосферных осадков и их распределения во времени: продуктивность сортов продовольственных культур в прямой зависимости от водообеспеченности.

— В свое время часто говорилось об искусственном изменении состояния Мирового океана для формирования определенного климата на планете. В частности, предлагалось растопление арктических льдов, покрытие океана задерживающей испарение пленкой, разведение тех или иных одноклеточных водорослей...

— Океан — важное, а в некоторых случаях и определяющее звено климатической системы. Но мы должны учить и другое — человечество пока не может сказать объективно: будет ли благоприятным или неблагоприятным искусственное изменение климата, оценить последствия пока что, думаю, невозможно. Так, мы пока мало знаем о влиянии морских льдов на климатическую систему. Любые проекты должны быть тщательно обдуманы и отвечать разумным потребностям людей.

— Относится ли это к сооружению подводных поселений — деревень, городов? Ведь до сих пор предполагается создание или появление новой человеческой расы — «гомо акватикус», постоянно живущей на дне. Вспомним проекты известного французского исследователя Жака-Ива Кусто. Есть и другие варианты — «гомо дельфинус»...

— Не думаю, что морское дно станет местом жительства людей. Какая в этом необходимость? Земля прекрасна, и места на ней всем хватит. А подводные поселения целесообразны лишь для определенного, узкого круга специалистов. Для них гидрокосмос будет средой постоянной трудовой деятельности. Ведь подводные фермы, заводы, рыбные и китовые пастьи, нефтегазодобывающие платформы — как бы они ни были автоматизированы — потребуют рабочих рук, присутствия человека. Но здесь надо решить проблему длительного нахождения людей под водой при давлении до 100 атмосфер. Она разрешится. Уже сегодня человек в течение многих недель может проживать в гелиовокислородной атмосфере с давлением от 10 до 30 атмосфер. Это не предел. Напомню, что сегодняшний мировой рекорд равен 68,5 атмосферам. Ведутся опыты по созданию искусственных жабер-плёнок, пропускающих кислород из воды...

Но переселение в океан больших групп людей, полагаю, все же состоится. Переселение на ... искусственные острова.

— Искусственные острова?

— Именно. Давайте порассуждаем. Скажем, что значит шторм? Из-за него рыболовные и другие суда не всегда могут подойти к берегу, чтобы укрыться, разгрузиться, заправиться. Это приносит огромные экономические убытки. Проблему как раз и могли бы решить плавучие искусственные острова, которые служили бы для кораблей убежищем. Остров — это своего рода плавучий город-порт, возведенный на огромной платформе, с населением 10—15 тысяч человек. Люди не только обслуживали бы рыболовные, пассажирские и транспортные суда, но и занимались бы разведением марикультуры, вели научную работу и, конечно, с комфортом отдыхали. Такой искусственный остров видится обычным портовым городком с кинотеатрами, магазинами, кафе, библиотеками... Специалисты уже предлагают проекты таких островов.

На территории СССР их целесообразно сооружать в Охотском, Беринговом морях... Они просто необходимы в Тихом, Индийском, Атлантическом океанах.

Проблему океанского транспорта можно параллельно решать и другим образом. Я уже говорил, что ежегодно тонут сотни судов. И среди них — гигантские супертанкеры, балкеры... Выход видится в создании транспортных подводных лодок. К примеру, подводный супертанкер длиной 200—300 метров мог бы направляться из хранилища на дне океана нефтью, добывшей из подводной скважины, и без особых проблем доставлял бы ее потребителю. Подводному кораблю не страшны сороковые ревущие широты, волны-убийцы. Так можно избежать не только экономических потерь, но и в определенной степени уменьшить загрязнение океана. Ведь вы знаете, что сейчас из-за различных аварий судов ежегодно в моря и океаны попадает до 10 миллионов тонн нефти! Не думайте, что это мелочь — капля в море! Ведь только одна тонна нефти может покрыть плёнкой около 3,3 квадратного километра, а площадь водной поверхности нашей планеты 360 миллионов квадратных километров. Вот и считайте. Другой источник загрязнения — воды, которыми промывают танкер после перевозки нефти...

— И все же это только одна грань проблемы экологии Мирового океана. К сожалению, он страдает и от деятельности производительных сил, от сухопутной деятельности человека, деятельности, которая нередко граничит с безответственностью.

— Увы. Знаете, долгие годы господствовала такая точка зрения: мол, ничего страшного, если в акваторию Мирового океана сбрасывать канализационные и сточные воды, бытовые и промышленные отходы, полагали, что они растворятся со временем, разложатся. И сбросы не только увеличивались, но и «совершенствовались», то есть стали нести в себе биологически не разлагающиеся вещества. Они накапливались. Добавьте сюда свинец, содержащийся в выхлопных газах автомобилей, удобрения и ядохимикаты, применявшиеся в сельском хозяйстве, перекрытие рек... И только теперь поняли: надо что-то делать, что-то срочно предпринимать. А в некоторых случаях требуются и экстренные меры. Не секрет, что сейчас в Черном море наблюдается экологический кризис. Оно протухает, в определенных местах поднимается сероводород, поднимается и даже выходит на поверхность! В результате недобрумного рыболовства в Черном море появились огромные скопления медуз, гибнут дельфины...

— Где же выход? Демонтировать электростанции? Прекратить удобрять сельскохозяйственные угодья? Отказаться от транспорта?

— К таким крайностям никто не призывает, да и научно-технический прогресс не повернуть вспять. Но надо заметить, что в практику сооружения гидротехнических объектов, обработки сельскохозяйственных площадей, содержания курортных зон, разумеется, надо вносить определенные корректировки. Это с одной стороны, а с другой — следует разрабатывать и внедрять методы использования эвтрофикации морских бассейнов: выращивания рыб, питающихся фитопланктоном, макро-водорослями, бентосными организмами, которые являются биологическими фильтрами... Эти методы найдут свое применение прежде всего в наиболее загрязненных районах, таких, как Невская губа под Ленинградом, ряд участков Черного и Балтийского морей.

Надо осознать до конца, что само будущее нашей цивилизации зависит от того, насколько хорошо мы изучим океан, насколько рационально будем распоряжаться его ресурсами, насколько грамотно будем вести хозяйство.

Беседу вел
Сергей КАЛЕННИКИН.

Читайте в ближайших номерах:

Профессия — следователь.
Фotoочек о делегате XX съезда ВЛКСМ.

Открываем
Институт
молодежных
проблем.

Пушкин и Жуковский.
История дружбы.

Как дела, Госприемка?

Рассказ В. Рослякова.

Уэн
Гретцки.
Хоккей и я.

Стихи
Владимира Высоцкого.

Новая
рубрика:
Интимная
жизнь
молодых.

Подписка на «Смену»
не закончилась,
она продолжается.
Вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве «Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу журнал
поступает
в ограниченном
количестве.

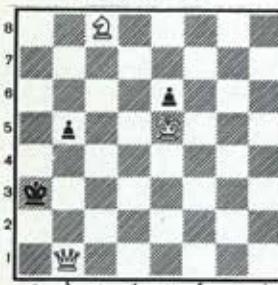

29-я шахматная олимпиада

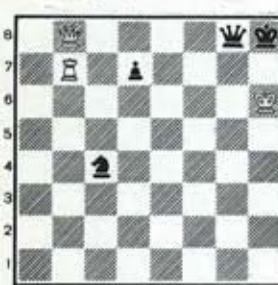
Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Одним из важных художественных требований к шахматной задаче является **красота решения**. Она достигается замаскированным, трудно находимым первым ходом, эффектными жертвами или тихой (без шахов) игрой белых фигур, тонкими защитами черных. Особенно высокие требования предъявляются вступительному ходу. Как правило, первым ходом не должны объявляться шахи черному королю, уничтожаться черные фигуры и пешки, подготавливаться ответы на шахи белому королю при отсутствии ответов на них в начальной позиции, отниматься без соответствующей компенсации свободные поля возле черного короля. (Не будем забывать, что нет правил без исключений.) Наоборот, приветствуются вступительные ходы решения, предоставляющие большую свободу черному королю или подставляющие белого короля под неприятельские шахи.

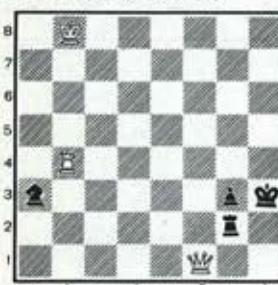
Шестой тур

Белые: Кр5, Фb1, Кс8 (3)
Черные: Кра3, пп. b5, e6 (3).
Мат в 3 хода (3 балла)

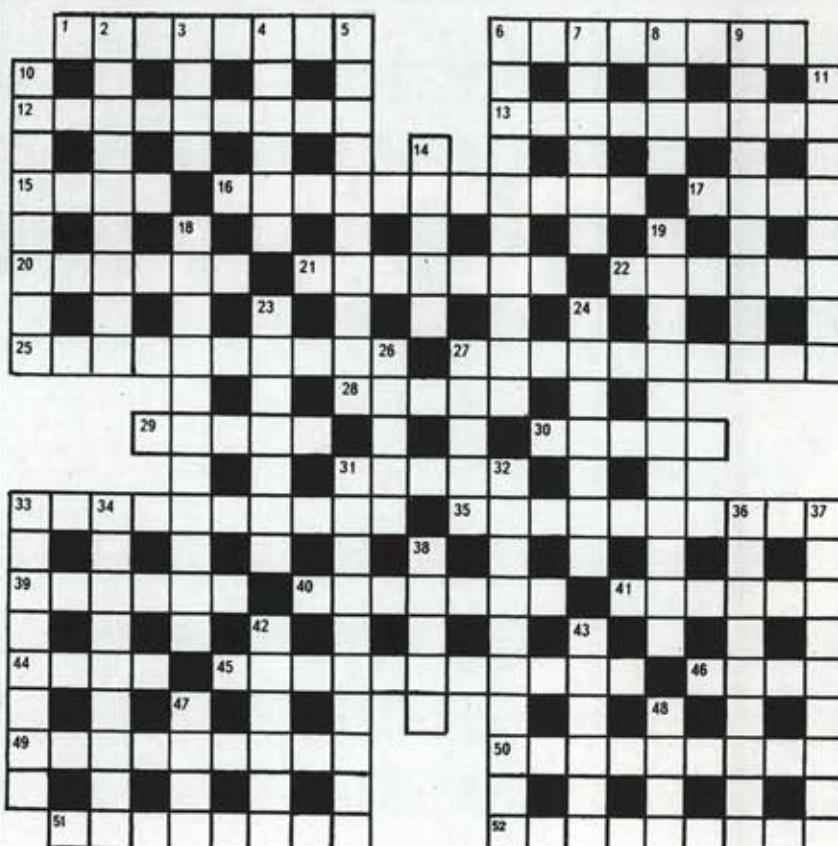
Белые: Крh6, Фb8, Лb7 (3)
Черные: Крh8, Fg8, Kc4, п. d7 (4).
Мат в 3 хода (3 балла)

Белые: Крb8, Ff1, Лb4 (3)
Черные: Крh3, Lg2, Ка3, п. g3 (4).
Мат в 4 хода (4 балла)

Ответы на задания присыпайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой: «29-я шахматная олимпиада. 6-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемплю) — 15 июля.

КРОССВОРД

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Второе задание

Предлагаем читателям сетку средней сложности. По ней каждый, кто хочет участвовать в конкурсе, должен составить кроссворд, ни в чем не отступая от правил, напечатанных в № 4 «Смены» за этот год. Прежде чем приступить к составлению, эти правила необходимо внимательно, пункт за пунктом изучить. К сожалению, делают так не все, если судить по предыдущему заданию.

Не все, например, знают, что такое имя **собственное** как грамматическая категория. Узнать это можно по энциклопедическому словарю «Русский язык» либо по другому лингвистическому изданию.

Особое внимание надо уделить интересному толкованию слов как самому важному элементу в работе над кроссвордом. Именно в поисках познавательных, занимательных, интересующих определений прежде всего проявляется творческое начало кроссвордиста. Именно здесь надо искать истоки, превращающие кроссворд из игры в школу знаний.

Суть задания: надо включить в кроссворд как можно больше таких слов, в которых «скрыты» другие слова. Вот слово «судостроение». В нем «скрыты» слова: су (французская монета), суд, уд (древний арабский музыкальный инструмент), до (нота), ост, строение, троение, роение, «Трое» (повесть М. Горького). Как видите, «скрытые» слова надо вычленять только в прямом порядке и только такие, какие не возбраняется

загадывать в кроссворде (по тем же правилам в № 4 «Смены»). За каждое из первых пяти слов, «скрытых» в загаданном слове, читателю будет начислено одно очко, за каждое из остальных — два очка. То есть за слово «судостроение» было бы начислено 5 плюс 8 (4 × 2) очков, то есть 13. Каждое вычлененное слово берут только в одном значении.

Домашнее задание оформляют как обычный кроссворд. Кроме того, на отдельном листе (листиах) дают раскладку по каждому загаданному слову так, как мы сделали со словом «судостроение». При этом простые вычлененные слова просто перечисляют, а после трудного и редкого в скобках дают краткое толкование и его источник. В конце проставляют сумму очков за слово.

На листе с проверочной сеткой (то есть заполненной словами) надо крупной цифрой проставить общее число набранных очков.

Одна или две лучшие работы будут опубликованы в «Смене». Авторы пяти лучших работ получат право напечатать вне очереди в журнале обычный кроссворд. Они, а также еще пятеро победителей будут награждены книгами и дипломами. В адреса других десяти победителей редакция вышлет дипломы.

Последний срок отсылки домашнего задания — 5 августа. На конверте пометьте: конкурс кроссвордистов-87, 2-е задание.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

7. Кордова. 8. Лауреат. 11. Атмосфера. 12. Простаков. 15. Урман. 16. Текtonika. 17. Элара. 20. Барibal. 21. Дойра. 22. Смальта. 25. Севастопольцы. 26. Одноплеменник. 31. Корелли. 32. Осетр. 33. Гурилев. 36. Стриж. 37. Правдинск. 38. Пожар. 41. Аристофан. 42. Мухоловка. 43. Цигейка. 44. Равелин.

По вертикали:

1. Волосатик. 2. «Юдифь». 3. Квартира. 4. Фабрика. 5. Брасс. 6. Параллель. 9. Штурман. 10. Доброта. 13. Строительство. 14. Антропометрия. 18. Календарь. 19. Шмуктитул. 23. Замок. 24. «Елена». 27. ...восторг. 28. Белинский. 29. Цитология. 30. Чесанки. 34. Ярмарка. 35. Истукан... 39. Хорей. 40. Номер.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 11 (1441)

июнь 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНИЮШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Художник
Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 20.04.87.
Подписано к печати 04.05.87.
А 05074. Формат 70 × 108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 1239. Заказ № 569.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137
улица «Правды», 24.

РУКОТВОРНЫЕ УЗОРЫ

Лидия ОРЛОВА,
главный редактор
«Журнала мод»

Фото
Эдуарда КРАСТОШЕВСКОГО

Стучат коклюшки, мелькают пальцы — и вот уже виден сказочный узор, на глазах рождается чудо...

Кружевоплетение. Один из уникальнейших русских народных промыслов. Пользующийся всемирной известностью, сегодня он, как это ни печально, сталкивается с большими трудностями. В торговле скопились немалые запасы нереализуемых кружев, в вологодском объединении «Снежинка» предполагается «сокращение» более двух тысяч мастерий, но парадоксальная ситуация: когда в прошлом году художники Всероссийского центра моды показали в Париже коллекцию с использованием вологодских кружев, эти вещи имели там невероятный успех. И не получится ли так, что мода на кружево, как это уже было с русскими сапожками, придет к нам из-за границы?

Уникальный промысел нужно спасать, потому что, потеряв, вернуть из забвения его будет уже невозможно. Ремесло это трудное, передается от поколения к поколению и без преемственности обречено на гибель. А ведь это часть отечественной культуры, и горько будет, если потомки смогут увидеть дивный узор только в музее.

Аксиома: товар нуждается в умелой торговле (многим ли, например, известно, что в Вологде выпускается кружево трехсот видов?) и в умелом использовании художниками-модельерами. Жестко нарисованный силуэт с подчеркнутой и сильно расширенной линией плеч делает женщину излишне мужественной, не правда ли? Но как изменяется образ, стоит внести в эти геометрически четкие линии ломаные изгибы кружева! Сохраняется острота силуэта, но одновременно смягчается образ. Кружево — в виде штучных мотивов, вставок и замысловатых жабо — располагают ближе к лицу. Белая отделка очень эффектно выглядит на пластиках черного цвета:

Кружевной шарф, повязанный снаружи, под воротник и лацканы орючного костюма, превращает его в одежду выходную, праздничную, а необычность такого решения создает ощущение острой моды — то, что мы называем авангардом. Но даже и в тех случаях, когда платье или костюм выполнены из ярких набивных тканей, кружево не оказывается лишним.

Кружево ручной работы стоит недешево, и по этой причине мы нередко отказываемся от него. Хотя, случается, готовы переплачивать за другие — стандартные, но дефицитные вещи. А ведь кружево — такое, как вологодское — живет долго. И не только потому, что льняные нитки прочны, а кружевницы отлично знают свое ремесло. Одно и то же кружево — вставка, воротник, пышное жабо — может украшать разные вещи вашего гардероба. И чем неожиданнее будет придуманный вариант, тем современнее будет казаться найденное решение.